ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Каневчане

№19 • 2020

75
ПОБЕДА!
1945–2020

С победой на землю кубанскую.

Каневчане

№19 • 2020

СОДЕРЖАНИЕ:

Ольга СЕРГАНЬ
Война, заснежены поля... 2

Колонка главного редактора
Владимир САЯПИН
Вступительное слово 3

Приёмная администрации
Александр ГЕРАСИМЕНКО
Слово главы Каневского района 4
Владимир РЕПИН
Слово главы Каневского поселения 5

С юбилеем!
Валерий КОСТРОВ
Символ связи поколений 6

ГОРЬКАЯ ПАМЯТЬ ВОЙНЫ
Константин БАНДИН
Великая Отечественная война в Каневском районе 10
Ольга СЕРГАНЬ
А на дворе стояло лето 42-го года… 13
Константин БАНДИН
Расстрел евреев в Новоминской 14
Ноха СУЛТХАНОВ
Мы за ценой не постояли... 16
ЗОЛОТЫЕ ЗВЁЗДЫ РАЙОНА
Валентин ЦВЕТКОВ
Облака под крылом 20
Прославленный танкист 22
Константин БАНДИН
Героический комбат 24
Зоя СИЗОВА
Девчонки из 43-го 26
Любовь СВЯТНАЯ
Санинструктор Зиночка 29
Николай ЛЕМИШ
Женская доля (продолжение) 30
Владимир САЯПИН
Мальчишки... Мальчишки... 42
Николай МРИНСКИЙ
Кубанские казаки в войне 1941 – 1945 гг. ... 44
Владимир КАПУСТА
Русишь партизанен 49
Татьяна КУН
Память жива 50

ЛЕТОПИСЬ КАНЕВСКОЙ СТАРИНЫ
Валерий КОСТРОВ
Хранитель исторической памяти 54
Игорь ПОГОРЕЛОВ
Стела на окраине станицы 58
Николай ЛЕМИШ
Год 1938. Историческая хроника 60

КАЗАЦЬКОМУ РОДУ НЭМА ПЭРЭВОДУ
Николай МРИНСКИЙ
О сале настоящем, украинском 68
Андрей ЛЯХ
Последняя вольница 70

КУБАНСКИЕ ПИСАТЕЛИ
Светлана МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО
СМС 74
Александр Дмитриевич МАРТЫНОВСКИЙ
На своём веку 77

СТАНИЦА В ЛИЦАХ
Наталья ИВАНОВА
Этот парень с гитарой 86

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «РОДНИК»
Степан ДЕРЕВЯНКО
Петюшины глаза. Новелла 92
Коленочки. Новелла 93
Девочка с котиком. Новелла 94
Ольга СЕРГАНЬ
Стихотворения 95
Ирина ХАНАНИНА
Стихотворения 95
Василий МАКУХИН
Переселенцы (продолжение) 96
Владимир САЯПИН
Леонид и Евдокия. Рассказ 104
Константин БАНДИН
Тайна кубанского осетра 106
Татьяна КУН
Каникулы детства 108
Ах, как жаль, что не вернётся...
Стихотворение 114
Владимир ПОЛТОРЖИЦКИЙ
Стихотворения 114
Зоя СИЗОВА
Стихотворения 115
Татьяна ГРЕЧАНАЯ
Стихотворения 115
Наталья ИВАНОВА
Всё труднее душою раздеться 116
Владимир САЯПИН
Стихотворения 117
Жанна ОМЕЛЬЧЕНКО
Я обнимаю эту землю 119

Старая песня
Б. МОКРОУСОВ, А. ФАТЬЯНОВ
По мосткам тесовым 120

ВЕРА МОЯ ПРАВОСЛАВНАЯ
Юлиана АРОНОВА
Голгофа. Рассказ 122

Красна земля каневская талантами
Василиса ЗЕРНОВА
Я художником родился... 124

Ольга СЕРГАНЬ

ВОЙНА, ЗАСНЕЖЕНЫ ПОЛЯ…

Война. Заснежены поля, мороз вовсю трещит.
На кухне повар — мой земляк! Он разливает щи.
Походная продрогшая с разбитым колесом,
И пусть войной прогоркшая, здесь щи! А значит — дом…
С хрустящею капусткою наваристый бульон.
Владимирские, тульские. В атаку, батальон!

Ах! Как хотелось нам гуртом врага скорей разбить.
Чтоб борщ кубанский с буряком на роздыхе сварить,
Чтоб летом пахло и весной из дома письмецом!
Эх! Борщ кубанский, мой родной, заправленный сальцом!
С хрустящею капусткою, пампушка с чесноком…
Борщ каневской и уманский. В атаку всем полком!

Пусть старшина второй статьи насквозь пропах дымком.
И к нам он, Господи, прости, был прислан штрафником.
Да, видно был он тех кровей, что просто б занемог…
Когда бы ни варил нам щей, а он варил, как Бог!
Моргают миномётчики девчонкам-поварам.
И опрокинут лётчики законные сто грамм.

Щи, родом новгородские, с зелёненьким лучком!
С Орла и вологодские. Со щами жизнь ключом!
Овеяны былинами, свежи — не по годам.
Дошли и до Берлина мы… Благодаря тем щам!
С хрустящею капусткою, с душистым чесноком,
Щи пензенские, тульские, с уральским говорком!

А тот, кто не был на войне, он просто не видал:
Как борщ со щами, наравне, в атаку поднимал!
Ах! Борщ кубанский, огневой! Куда ж мы без тебя!?
В атаку, казаки! За мной! Здесь русская земля!
А он кипит и булькает вне войн и вне времён!
С зелёненькой цыбулькою. В атаку, батальон!

Ноябрь 2013 года

Каневчане 2020

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

№19 • 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор —
Владимир САЯПИН,
член Союза журналистов России,
член Союза писателей России
тел. +7 (918) 977-79-29
e-mail: sayapin-58@mail.ru

Зам. главного редактора —
Татьяна КУН,
член Союза журналистов России

Ольга ЗОРИНА,
член Союза журналистов России

Валерий КОСТРОВ,
член Союза журналистов России

Николай ЛЕМИШ

Зоя СИЗОВА,
член Союза журналистов России

Степан ДЕРЕВЯНКО,
член Союза писателей России

Компьютерная вёрстка и дизайн —
Андрей НИКИФОРОВ,
член Союза журналистов России

Фотографии:
Михаил МОРГУН
Валентин ЦВЕТКОВ
Николай МРИНСКИЙ
из архива Сергея ЖЕБРОВСКОГО
и из открытых источников

Учредитель:
Администрация Каневского сельского поселения

Издатель:
Творческий коллектив журнала

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

Колонка главного редактора

Рад приветствовать наших читателей, особенно в эти необычно тёплые дни необычно ранней весны. Ещё не распустившиеся почки на абрикосовых деревьях порозовели и вот-вот готовы брызнуть ярким цветом. С весной вас, друзья!

Нынешний, 2020 год знаменателен двумя датами: 75-летием Великой Победы и 25-летием нашего журнала. Да, да! Уже 25 лет наш творческий коллектив старается радовать вас, уважаемые читатели, новыми историческими материалами, обзором событий нынешних и отстоящих от нас во времени, литературными новинками наших авторов.

И если это всё радует нас, то грядущий юбилей Победы окрашивается оттенком грусти. Всё меньше и меньше среди нас ветеранов Великой Отечественной войны. Неумолимое время забирает их от нас и недалёк тот день, когда они останутся только в нашей благодарной памяти. Давайте постараемся согреть их, последних, теплом наших душ.

Тепло…По улицам и тротуарам нашей станицы идут наши кубанские красавицы, слава о красоте которых известна далеко за границами района и края. В колясках и на руках мам — малыши. Их количество говорит о том, что жизнь продолжается. Молодёжь, несмотря на непростое, сложное время с оптимизмом смотрит в будущее. Родильное отделение Каневской ЦРБ не пустует, значит — БУДЕМ ЖИТЬ!

9 марта ушёл из жизни В. И. Харченко, бывший глава Каневского сельского поселения, который стоял у истоков создания нашего журнала, был одним из инициаторов выхода в свет 1-го номера в далёком, теперь уже, 1995году. Редколлегия журнала и творческий коллектив выражают глубокое соболезнование семье Владимира Ильича.

Не хочется завершать на такой грустной ноте. Но повторюсь: время неумолимо. Уходят наши друзья, с которыми мы начинали наш журнал, всё седее и старше нынешнее поколение нашего творческого коллектива. Хочется пожелать всем им творческих успехов, здоровья и простого человеческого счастья!

Ваш Владимир САЯПИН.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ, ЖИТЕЛИ КАНЕВСКОГО РАЙОНА!

Вышел в свет очередной номер альманаха «Каневчане». Он особенный. В этом году издание отмечает свой юбилей – 25 лет.

Четверть века творческий коллектив энтузиастов по крупицам собирает исторические факты нашего прошлого и делает их достоянием общественности, рассказывая о казачьих истоках, традициях и обычаях наших предков, о военном лихолетье, которое пережила наша каневская земля.

Со страниц альманаха на современников смотрят герои былых лет, которые жили, воевали, растили хлеб, строили... Их наследием мы пользуемся сейчас, на их опыт и жизненную мудрость опираемся в повседневной работе.

Мы с вами живём в очень непростое время, когда проверяются на прочность наши моральные устои, наша выносливость, умение оперативно принимать важные решения. Тяжёлые испытания не раз выпадали на долю нашего государства, нашего народа. Но преодолевать их помогала объединяющая сила – беззаветная любовь к своей Родине, которая придавала сил и мужества, наполняла души верой и надеждой. Один из ярких примеров этому – Великая Отечественная война, 75-летний юбилей Победы в которой мы отметим в этом мае, в Год памяти и славы. Военная тема является неотъемлемой частью каждого выпуска «Каневчан». Это возможность рассказать новым поколениям, как жители района выстояли в одной из кровопролитнейших войн прошлого века, сколько героев дала каневская земля миру.

Я сердечно поздравляю творческий коллектив с юбилеем альманаха. Желаю мира и добра, здоровья и благополучия, успехов и вдохновения. «Каневчанам» — процветания и благодарных читателей.

Александр ГЕРАСИМЕНКО,
глава Каневского района.

УВАЖАЕМЫЕ ЗЕМЛЯКИ!

В далёком 1995 году, когда вышел первый номер нашего журнала, страна отмечала полувековой юбилей Великой Победы. Сегодня готовится отмечать 75 летний юбилей. И если двадцать пять лет назад ещё были живы старые ветераны Великой Отечественной войны, то сегодня мы с горечью отмечаем тот факт, что их остались единицы. С нашим журналом успешно сотрудничали такие ветераны, как И. Будилов, И. Гармаш, Ф. Сидоренко, М. Копленкова и другие. Их уже нет сегодня с нами, но оставленные ими нам и будущим поколениям воспоминания о Великой войне становятся с каждым годом всё дороже. Всё труднее новому подрастающему поколению в наше нелёгкое время, когда патриотизм, гордость за свою страну не стоят уже так в острие угла, как в годы нашей юности, довести до осознания правду о том тяжёлом времени. Обязанность нашего, уже теперь старшего поколения, служить мостиком между ними и тем далёким временем. Трудно переоценить важность этой задачи, с которой на протяжении четверти века справляется творческий коллектив нашего журнала. Хочется пожелать здоровья, творческого и чисто человеческого долголетия. Настоящая оценка вашего труда ещё впереди…Хочется пожелать, чтобы журнал ощутил прилив новых творческих кадров, тех, на кого можно будет со временем оставить журнал. Дабы не погасла сия свеча, свет, который согревает души небезразличных каневчан. Для кого история родной станицы, предания старины далёкой не осталась пустым звуком. Чтобы не превратились мы в «Иванов, родства не помнящих».

Владимир РЕПИН,
глава Каневского
сельского поселения.

С юбилеем!

Валерий КОСТРОВ

СИМВОЛ СВЯЗИ ПОКОЛЕНИЙ

Историко-литературному альманаху «Каневчане» в 2020 году исполняется 25 лет

Первый выпуск нашего журнала вышел в свет осенью 1995 года. Его основателем был Владимир Михайлович Тощев, руководивший в течение десяти лет Каневским районным краеведческим музеем. Он объединил вокруг себя творческих людей, небезразличных к родной истории.

Уходит время, унося с собой людей и память о событиях, которые остаются только на бумаге и фотографиях. Журнальные страницы стали свидетелями пройденного исторического пути.

В 2009 году альманах возродился, и в этом немалая заслуга его главного редактора Владимира Юрьевича Саяпина — талантливого поэта, писателя, краеведа, журналиста, автора замечательных книг, лауреата Всероссийского литературного фестиваля-конкурса «Поэзия русского слова». Именно его проникновенные строки, посвящённые детям войны, запечатлены на мемориальном камне, установленном в их честь в парке 300-летия Кубанского казачьего войска.

Благодаря поддержке глав администраций муниципального образования Каневской район и Каневского сельского поселения, талантам и энтузиазму редколлегии и авторов, альманах прекрасно иллюстрирован, качественно свёрстан, отпечатан и очень достойно смотрится на фоне подобных изданий.

Его читают и ждут не только в Краснодарском крае, но и за границами России. Это цен-

Слева направо – нижний ряд: Галактионов Н., Тощев В.М., Сидоренко Ф.И., Надейкина Е., Сизова З.А., верхний ряд: Насенник И., Лукьянов В.А., Важинская Е., Харченко В.И., КоваленкоЛ.В., Саяпин В.Ю., Шадыева Л., Сизонов Ю.Б., Гречаная Т.

Творческий коллектив журнала отмечает выход первого номера. Справа налево — В.И. Харченко, В. Плотников, Т. Гречаная, Е. Надейкина, В. Лукьнов, С. Антипин, В. Тощев, В. Саяпин, Н. Лемиш.

ный источник информации, запечатлевший историю наших станиц, хуторов и посёлков, помогающий воссоздать портрет эпохи.

За четверть века опубликованы уникальные сведения о событиях, происходивших на территории Каневского района в военные годы и в мирное время, о земляках, которые внесли свой вклад в защиту и развитие Кубани.

Многие авторы — местные краеведы являются членами Каневского отделения Российского общества историков-архивистов и ведут серьёзную работу по поиску сведений о жизни нашего района в минувшие годы.

Особую ценность представляют опубликованные фотографии, документы, воспоминания старожилов, сведения о Героях Советского Союза и Социалистического Труда, ветеранах Великой Отечественной войны, приближавших Победу, 75-летие которой мы отмечаем в этом году.

Историко-документальные публикации помогают читателям узнать о ратных и трудовых подвигах каневчан, защитивших Родину и построивших мирную жизнь. Преподаватели кубановедения, ученики районных школ, студенты обращаются к альманаху за информацией о тех, кто сражался на фронте и трудился в тылу.

Отдельные статьи и стихи из альманаха можно прочитать и на некоторых сайтах в Интернете, это значительно расширяет читательскую аудиторию.

Блог «Каневчанка», который ведёт учитель кубановедения Каневской гимназии Елена Ивановна Осипенко, опубликовал очерк Татьяны Андреевны Гречаной «Солдат Победы» *(«Каневчане», № 12, 2014)*

И вот пришёл неожиданный отклик из далёкого города Екатеринбурга. Оказывается, семья ветерана Великой Отечественной войны Павла Андреевича Токмачева уже давно искала сведения о его боевом товарище, военном лётчике Андрее Акимовиче Устиче.

Творческий коллектив встречает Пасху.

Часть коллектива «Родник»: Бирюк В.М., Сизова З.А., Зорина О.С., Никифоров А., Вервекина В. , Машуков Н.А., Кун Т.Г. Стоят сзади: Лукьянов В.А., Саяпин В.Ю.

Опубликованный очерк как раз был об этом отважном каневчанине, сражавшемся в небе Халхин-Гола, Сталинграда, Ленинграда, Кавказа, Киева. Он освобождал Кенигсберг, Варшаву и Будапешт, брал Берлин и был удостоен 21 правительственной награды.

Так наш журнал помог семье ветерана найти необходимую информацию и увидеть фотографию старшего лейтенанта Устича, о котором с теплотой рассказывал его сослуживец.

Читатели неоднократно высказывали пожелания о том, чтобы все выпуски «Каневчан» были переизданы в книжном формате в хронологическом порядке или по рубрикам — один том об истории казачества, другой — о подвигах в военные годы, третий — о наших выдающихся современниках, и так далее… Такое издание будет очень полезным для сохранения образов минувшего для следующих поколений, которые живут и будут жить на нашей земле.

Краеведы — авторы альманаха — своими исследованиями способствуют развитию интереса к историческому прошлому родного края, бережно сохраняют память о важных событиях и достойных людях.

Каневчане любят свой край, интересуются его традициями и достижениями. Для нас — это символ связи между прошлым и настоящим, это дорога в будущее. Вехи истории Каневского района — неотъемлемая часть истории Кубани и России.

Устич А.А. с боевыми товарищами.

О КАВКАЗА. Январь—октябрь 1943 г.
Горькая память войны
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Константин БАНДИН

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В КАНЕВСКОМ РАЙОНЕ

Так начиналась война

22 июня 1941 года — это день разделил нашу историю на довоенную и трагическую военную. Великая Отечественная война длилась 1.418 дней и унесла 28 миллионов жизней наших соотечественников. Из ушедших на фронт 15.000 жителей Каневского района (с учётом не входивших в его состав Новоминского и Челбасского сельского округа Сталинского района) домой не вернулись 7.395 человек, а 360 каневчан и военнослужащих погибли от рук фашистских палачей и их пособников в годы оккупации. Наши земляки этого никогда не забудут!

Воскресенье 22 июня 1941 года могло стать одним из рядовых в череде выходных дней, если бы не война. В Каневской было тихое летнее утро, ясное небо предвещало тёплый солнечный день. В центре станицы, на площади перед сельмагом, играла музыка, которую передавало Всесоюзное радио. До войны оно было для многих единственным источником информации. И только к обеду, из выступления В.М. Молотова каневчане узнали, что гитлеровская Германия развязала войну против нашей страны.

Страшная весть разнеслась по станице. По колхозным бригадам и полевым станам были направлены вестовые. В стране объявили мобилизацию, а во дворе Каневского райвоенкомата собралась толпа добровольцев, спешивших поскорей попасть на фронт. Все были уверены, война будет недолгой, враг будет разбит, а победа будет за нами. Ведь Красная Армия всех сильней!

Однако события пошли совсем по другому сценарию. Наши войска оставляли города. На восьмой день враг занял столицу Советской Белоруссии — город Минск. Фашисты бомбили наши мирные населённые пункты и железнодорожные узлы. Ситуация с каждым днём усложнялась и вселяла во многих тревожные, иногда даже панические настроения.

Первыми на фронт уходили лучшие представители нашего общества. В едином патриотическом порыве встали под ружьё около 400 коммунистов и 869 комсомольцев, а также 150 добровольцев из Каневского района. На за-

пад шли воинские эшелоны. В теплушках и на платформах с боевой техникой сидели бойцы и командиры, где-то играла гармонь, и чей-то бравый голос напевал песни, знакомые ещё с Гражданской войны:

Разгромили атаманов, разогнали воевод
И на Тихом океане свой закончили поход…

Не знали тогда наши воины, что слова этой песни станут пророческими. Спустя четыре года, в августе 1945-го, именно на Тихом океане они поставят точку в истории этой проклятой Второй мировой войны.

Враг на пороге

В июле 1942 года на южном фланге советско-германского фронта сложилась критическая ситуация. Немецко-фашистские войска вели подготовку к наступательной операции. Целью её были стратегически и политически важный город Сталинград, а также Кавказ с его нефтяными месторождениями.

Через станцию Каневская проходил один из главных путей снабжения нашей армии продовольствием, вооружением, боеприпасами, а также пополнением для воинских частей. Эшелоны с военными грузами шли в северном направлении, через узловую станцию Староминская и далее до Ростова, вблизи которого проходила линия фронта. В обратном направлении шли поезда с ранеными, беженцами, а также имуществом, подлежащим эвакуации.

За ними вели охоту немецкие самолёты, которые в то время господствовали в воздухе. Поэтому наши железнодорожные составы подвергались постоянным бомбёжкам и обстрелам со стороны вражеской авиации. Особенно доставалось им во время стоянок на станциях.

Пассажиры поездов, стоящих на станции Каневская, услыхав рёв двигателей самолётов, прятались в лесозащитные полосы, которые были западнее железной дороги. Фашисты совершали налёты в два захода — при первом сбрасывали бомбы на станцию, на стоящие там составы и на постройки, при втором — бомбили или стреляли из пулемётов по лесополосе, где укрывались люди.

Увидеть наш самолёт можно было крайне редко. Зенитной артиллерии тогда не хватало, поэтому было принято решение доверить прикрытие железнодорожных коммуникаций от атак с воздуха бронепоездам, курсировавшим по дорогам от станции Тимашевская до Староминской, и далее до Ейска.

Однажды на станции Каневская появился необычный состав, который сразу привлёк к себе внимание своим грозным видом. Это был бронепоезд, ощетинившийся орудиями, который показал вражеским самолётам, до этого по-хозяйски, практически по расписанию, прилетавшим «побомбить», свою огневую мощь.

Говорят, что его приход стал предметом особой радости у мальчишек, которые за небольшое угощение для бойцов, например, фруктами из сада, имели возможность заглянуть внутрь этого чуда-поезда. На него смотрели как на защитника, его присутствие внушало каневчанам уверенность, что наша армия их не бросила на произвол судьбы.

Во время налётов бронепоезд уходил на перегон, отбивался из орудий, получал повреждения, но оставался на ходу. Но случилось так, что враги всё-таки уничтожили наш поезд- богатырь.

По воспоминаниям очевидцев, 4 августа 1942 года девять вражеских самолётов вступили в бой с бронепоездом, который по приказу командования разрушал железнодорожное полотно в районе станции Албаши, куда наступали части гитлеровской армии. Немцы бросались на него с высоты, сбрасывая бомбы, а он уходил от них в сторону Стародеревянковской, постепенно набирая скорость, давая залп по приближавшимся налётчикам.

Пасшие коров в районе пенькозавода каневчане Георгий Дубина, Степан и Григорий Дорошенко, Василий и Николай Меркуловы стали свидетелями гибели бронепоезда. За железнодорожным мостом в районе станицы Стародеревянковская его разбомбили окончательно, расстреливая из пулемётов выпрыгивавших из пылающего поезда израненных наших бойцов. Среди погибших был младший лейтенант Оганезов Гарегин Мхитарович, командовавший группой бойцов, занятых разрушением железнодорожных путей на специальной машине, прицепленной к составу.

В наши дни жители станицы Стародеревянковской приходят к памятнику неизвестному бойцу бронепоезда, чтобы почтить подвиг героев войны, отдавших жизни при защите наших железнодорожных коммуникаций. А в станице Новоминской, на военном мемориале есть памятная доска, установленная в честь семи бойцов бронепоезда, героически погибших в бою 4 августа 1942 года. На её открытие 22 января 2016 года приезжала из Северной Осетии Лаура Меликян, внучка Г.М. Оганезова.

Каневской район в годы оккупации

Фашисты вошли в Каневской район 5 августа 1942 года. По центральным улицам нашей родной станицы двигались вражеские колонны войск и боевой техники: танков, бронетранспортёров, грузовиков, мотоциклов. Немцы и румыны ехали также на гужевых повозках, велосипедах, пехотные подразделения шли пешим маршем.

Жарким летним днём оккупанты заходили во дворы к местным жителям, самовольно набирали воду из колодцев, забирали домашнюю птицу, резали мелкий скот. Иногда добычей мародёров становились личные вещи станичников, которые им приглянулись. Особенно отличились по этой части румынские вояки, для которых не существовало никаких преград и заслонов. Казалось, они повсюду и нет от них никакого спасения. Эта огромная масса войск не задержалась в нашем райцентре, ушла дальше на юг, оставив на месте свою комендатуру и бургомистрат.

В захваченных врагом населённых пунктах была установлена власть оккупационной администрации. Гитлеровцы предполагали сделать наш край житницей своего рейха и очень рассчитывали на поддержку со стороны казачества. Стремясь войти в доверие к кубанцам, они называли себя «друзьями казаков».

Однако встретив сопротивление со стороны местного населения, оккупанты перешли к открытой политике истребления советских граждан. Для этого в октябре 1942 года в Каневскую прибыла специальная карательная группа гестапо.

На здании райисполкома, где базировались каратели, они выставили специальный устрашающий знак — человеческий череп. Глядя на него, люди понимали, кто обитает в этом здании и чем грозит неповиновение. Каневчане, которые попадали в этот «дом с черепом», бесследно исчезали.

Куда увозили арестованных, стало известно благодаря каневчанину Ивану Полякову, который стал невольным свидетелем расправы оккупантов и их пособников на территории неработающего лубзавода (ныне — бывший пенькозавод).

Сидя на берегу реки, куда он пришёл, чтобы наловить рыбы на обед голодающей семье, Иван услышал гул мотора приближающейся автомашины. Спрятавшись в густых зарослях камыша, он увидел, как гестаповцы и полицаи казнили группу арестованных каневчан, в числе которых были и женщины: заместитель председателя Каневского сельского Совета Прасковья Рогозина, учительница Галина Скрипкина, Полина Селиванова и Нина Маслич.

Теперь, видя мчащиеся на лубзавод немецкие грузовые «Опели», горе переполняло сердца станичников: они понимали — это везут их земляков на расстрел. И что завтра в кузове немецкой машины может оказаться любой, кто попадёт в списки, подготовленные для оккупантов изменниками Родины.

В новые «органы власти», сформированные гитлеровцами, вошли бывшие белогвардейцы и прочие антисоветские элементы. Станичным атаманом назначили Владимира Черняка, сына последнего дореволюционного атамана Каневской Льва Черняка, героя Крымской войны. Кроме полиции, куда с величайшим желанием шли служить лица с уголовными биографиями, была образована и «казачья сотня» под командованием бывшего кавалериста Якова Чуприны. Все они преданно служили «новой власти», беспощадно расправлялись со всеми её противниками.

Ольга СЕРГАНЬ

А НА ДВОРЕ СТОЯЛО ЛЕТО 42-го ГОДА…

Оно было таким же, как и довоенное. Жаркое, долгожданное, босоногое, цветное. С дождями и радугой, со спелыми вишнями и смородиной, с иволгой на груше, с голубем и голубкой в мягких ветвях туи. Только вот сад немного зарос и как-то приосунулся без отца, а по краю уже пошли лопухи и конопля.

Дети весело щебетали, играли в «ладу», «жмурки», и просто бегали по траве между яблонями и сливами. Украдкой, чтобы не видела мама, перепрыгивали через морковные и свекольные грядки и опять ныряли в высокую траву под раскидистые кроны шелковицы.

— Юрик! — неожиданно позвал ребёнка мужской голос. И что-то сладко-щемящее шевельнулось под сердцем. Он резко обернулся — никого.

— Юрик! Юрик! — Он остановился. Напрягся всеми мыслями и телом. Метнулся. Опять остановился, поднимая вверх перепуганных стрекоз и кузнечиков. — Юрик!!! И вдруг, во весь рост, над травой показался чужой дядько или дед! Седой, заросший, худой. В бинтах, намотанных прямо поверх исподней рубашки. — Юрик! Сынок!!! Но он бежал от этих слов, и в сознании ещё не отпечаталось, что это его отец. И уже вырвалось протяжное и спасительное: «Мама». А она бежала ему навстречу, и Юрик, словно пытаясь что-то вспомнить, ещё раз обернулся и со всего маху гулко и шумно ударился, влепился в шершавый ствол груши, ободрав щёку и ухо, но упасть не успел… С обеих сторон его подхватили родные руки мамы и… отца.

Так этот бородатый дядько и есть его отец?! И он громко-громко заплакал, не чувствуя боли, не ощущая крови, что выступила у него на щеке и превращалась в огромную каплю, катившуюся по подбородку и шее. Так и стояли они, вцепившись друг в друга, обнявши сына, а он слушал, как бешено стучали их сердца, заглушая и оглушая звенящее лето!

Довоенные дети… Они почти забыли своих отцов и знакомы были только по фотографиям да по письмам, тысячи раз перечитываемым матерями, выученными наизусть. И переполненный гордостью и восторгом, ребёнок изо всех сил сдержал свой крик о том, что его отец жив, и что он пришёл с войны, и что не случилось той страшной беды — в их дом не принесли похоронку, как у соседей. И сейчас же, прямо сейчас, они запрягут свою Ласточку и унесутся с отцом в широкую степь, к курганам, где высоко в небе трепещет жаворонок, где колышется марь и обдаёт тело: то горячими, сжигающими, то прохладными волнами ветер. Он покажет отцу, где растёт кирмек и дикий щавель, терновник да сирень, а в самой низине, на лугу, весной цвели жёлтые тюльпаны, и за поворотом реки, у самой воды, огромные, с растрескавшейся корой, вербы. И его уже много раз брали с собой на речку старшие братья! А ещё он расскажет отцу, что совсем не боится темноты и не бежит к маме, когда среди ночи услышит, как «смеётся» сыч. И уже много раз его звали играть в «лапту» и «знамя». И что он знает все песни, которые передают по радио, и что он мамин помощник, и, что у них на Пасху, прямо на Пасху, родился жеребёнок, и сейчас он его покажет отцу, и что теперь они будут жить долго и счастливо, всегда-привсегда на этом свете…

На дворе стояло лето 1942 года. Перед самой оккупацией станицы. Недалеко шли бои, и отца на одни сутки отпустили из госпиталя домой. Всего этого не мог знать пятилетний Юрик, мой папа. Но его отец, мой дед, Василий Харитонович Герасименко всё-таки вернётся, потом, в августе 45-го и принесёт в дом Великую Победу!!!

Константин БАНДИН

РАССТРЕЛ ЕВРЕЕВ В НОВОМИНСКОЙ

В первые месяцы Великой Отечественной войны на Кубань стали прибывать многочисленные эшелоны с беженцами. Среди них было немало людей еврейской национальности из Каунаса, Кишинёва, Бендер, Тирасполя, Одессы, а позже из Киева и Ленинграда. Наши земляки добровольно размещали у себя целые семьи, делились с ними своими скромными запасами продовольствия и предметами первой необходимости.

В августе 1942 года фашисты вошли в Новоминскую, начались разбои, грабежи, притеснения. Оккупанты и их пособники стали составлять списки неблагонадёжных лиц и евреев. После поражения немецких полчищ под Сталинградом в январе 1943-го, враг понял, что удержать Кубань не сможет. Поэтому, уходя из наших станиц, фашисты уничтожили всех, кто оказался в «расстрельных списках».

Расстрелы беженцев начались рано утром 21 января 1943 года. К юго-восточной окраине Новоминской направилась целая колонна из подвод, на которых сидели еврейские семьи: женщины, дети, старики. Перед тем как отвезти обречённых к месту расправы, их несколько дней продержали в холодном здании бывшей конюшни. На всём пути следования этой «колонны смерти» все окна на домах по улице Красной (ныне это улица Ленина) были наглухо закрыты ставнями. Под страхом смерти гитлеровцы запретили станичникам находиться на улице, и даже смотреть в окна.

Зная, что в конце пути их ожидает смерть, некоторые женщины выбрасывали грудных детей в сугробы. Позже, в 1958 году, один из военных преступников-полицаев, принимавших участие в тех расправах, рассказал на суде, что таких случаев было три. Двоих младенцев пособники фашистов нашли, а вот третьего, которого мать сбросила с подводы в камыши у балки Главной, в районе нынешней Инкубаторной станции, искать не стали. Немцы кричали на полицаев, призывая их не тянуть с уничтожением беженцев.

Процессия не останавливаясь дошла к месту казни, где мирные граждане были расстреляны и сброшены в заранее выкопанные канавы. В списках по станице Новоминской фашисты записали 113 расстреляных, но на самом деле их было 112. Одной удалось спастись, и мы теперь знаем её имя — Расна Виксир.

21 января 1943 года, когда людей везли на расстрел, Виксир Гитля Шилковна (1910 года рождения), закутала свою малышку в белую пуховую шаль, положив туда метрическое свидетельство, и тайком от конвоиров бросила ребёнка в камыши. Вечером того же дня один из жителей Новоминской нашёл свёрток, обнаружил в нём живого младенца. Найти кормящую мать было довольно сложно, но кто-то из станичников подсказал, что у казачки Гемус Марии Назаровны умерла новорожденная девочка. Поэтому найденную кроху предложили ей. Так малышка ока-

залась в новой семье. Найдёныша назвали Ниной.

Старожилы вспомнили, что сброшенная с подводы девочка была четвёртым, самым младшим ребёнком в семье Виксир и родилась в Новоминской 5 марта 1942 года. Сама Нина такие подробности не знает и не помнит. Видела только своё свидетельство о рождении, на котором были вытравлены хлоркой её настоящее имя и фамилия, а рукой матери вписаны новые, по которым Нина Григорьевна живёт по сей день.

Уже став взрослой, Нина услышала разговор матери с соседкой о своём происхождении. Вспоминала случаи из школьной жизни, когда и учителя, и одноклассники удивлялись её внешности. Лицо её было смуглым, а волосы чёрными, не такими, как у родителей.

— Неизвестные люди спасли меня и передали на воспитание семье Гемус, — рассказывает Нина Григорьевна. — Я им очень благодарна. Ни мать, ни отец не только ни разу не ударили меня, но и даже никогда не ругали. Хотя я не была слишком послушной, но они меня любили и берегли.

Однажды девочка нарвала яблок в чужом саду, а когда перелазила через забор, её увидели одновременно и мать, и соседка. Когда женщина решила наказать дочь, то соседка заступилась за неё и сказала: «Не смей, Мария, её ругать, бог не простит тебе, если обидишь сиротинушку!»

Слово «сиротинушка» осталось в памяти Нины, и она перед смертью матери решилась расспросить о своём происхождении. Та долго молчала, потом отыскала глазами икону Божьей Матери, перекрестилась и сказала:

— Мне не стыдно будет ни перед Богом, ни перед твоими родителями за свои дела. Я воспитала тебя как родную, и вся станица сможет заверить небо, что любимей тебя ни для меня, ни для твоего приёмного отца не было человека на земле. Я сделала всё, что могла. А после того, как я уйду, пусть тебя бережёт Господь.

Приёмный отец девочки Гемус Григорий Никитович работал трактористом в колхозе имени Сергея Мироновича Кирова, а мать трудилась на самых разных работах: дояркой, телятницей. Перед уходом на пенсию работала в колхозной строительной бригаде.

В школе Нина училась хорошо, а повзрослев, трудилась добросовестно, на каждый профессиональный праздник получала почётную грамоту. И в животноводстве, и в столовой была на хорошем счету. Некоторое время проработала на Албашском консервном заводе, но вскоре вернулась в родной коллектив, где и трудилась до самой пенсии.

Муж Нины Григорьевны — Владимир Иванович Сазонов — работал сначала на Новоминском пенькозаводе, а затем был рыбаком в колхозе имени Кирова. Вместе с женой они вырастили двух дочерей, которые подарили им пятерых внуков.

Наша героиня, к сожалению, оказалась единственной выжившей из 113 человек, расстрелянных фашистами в трагические дни января 1943-го. Их убили за 10 дней до освобождения Новоминской от немецко-фашистских оккупантов.

Новоминчане чтут память погибших и берегут могилы тех, кто не дожил до Победы. Это наш священный долг!

Мы продолжаем публикацию, начатую в предыдущих номерах.

Ноха СУЛТХАНОВ

МЫ ЗА ЦЕНОЙ НЕ ПОСТОЯЛИ...

Семья ЛЫСАЧ

Лысач Андрей Лукич, 1985 г.

И откуда взялось столько силы
Даже в самых слабейших из нас?
Что гадать!— Был и есть у России
Вечной прочности вечный запас.

Юлия Друнина.

Его призвали на военную службу в 1940 году. А к началу Великой Отечественной войны телефонист Лысач Сергей Лукич уже был хорошим специалистом и опытным солдатом. Не раз подвергался смертельной опасности, когда протягивал связь между полками и дивизиями, что обеспечивало согласованность действий наших войск и принятие правильных решений.

Случалось, не раз ему приходилось брать в руки автомат и ходить в атаку на фашистов. И даже биться с ними в рукопашной схватке. За храбрость был награждён орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.». Дважды был ранен, один раз тяжело.

Орденом Славы III степени за № 167787 был награждён в конце 1943 года за отражение танковой атаки фашистов, которые пытались обойти наши части с флангов. Вместе с напарником они подбили в том бою два немецких танка.

После падения Берлина его 210-я стрелковая дивизия была переброшена на Дальний Восток и там сражалась с японскими захватчиками.

Вместе с боевыми товарищами самураев громил и старший телефонист сержант Сергей Лысач. Был удо-

стоен медали «За победу над Японией». После Победы работал в колхозе «Коммунар» комбайнером.

Был награждён орденом Трудового Красного Знамени.

Воевал с фашистами в годы Великой Отечественной войны и его старший брат Андрей Лукич Лысач, 1911 года рождения. Знатный механизатор колхоза «Коммунар» имел бронь, но добился, что в сентябре 1941 года добровольцем попал на фронт. Воевал храбро, о чём говорили боевые награды солдата.

Хорошо проявил себя фронтовик Андрей Лукич в мирное время. Творчески мыслящий человек, он всегда добивался успехов в труде. В 1951 году на прицепном комбайне «Сталинец-6» намолотил на зерновой жатве 12 тысяч центнеров зерна — удивительный показатель в те далёкие годы. За этот трудовой подвиг Андрей Лукич Лысач Указом Президиума Верховного Совета СССР 20 мая 1952 года был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Рядом со звездой Героя на его груди сверкали четыре ордена Ленина.

Хлебнул сполна военного лихолетья третий из братьев — Григорий Лукич. Красноармеец Григорий Лысач пропал без вести в боях на Мурманском направлении.

Лысач Сергей Лукич, 1985 г.

Семья ИВАШИНЫ

Ивашина Федор Дмитриевич

Ивашина Дмитрий Семёнович

Склонились красные знамёна,
Благословляя подвиг твой.
Ярослав Смеляков.

Исполнилось семьдесят пять лет со дня героической гибели нашего земляка, Ивашины Фёдора Дмитриевича. В грозный 1941-й год он поступил в Военно-Морское училище в городе Баку и непременно окончил бы его, но из дому пришло письмо, в котором мать сообщила о гибели отца — Ивашины Дмитрия Семёновича, младшего командира, защищавшего город Ростов-на-Дону. До войны Дмитрий Семёнович работал председателем колхоза «Урожай» (на землях нынешнего отделения №5 ОАО «Племзавод «Урожай»), а с началом боевых действий успел подготовить себе замену и добровольцем ушёл на фронт. Погиб геройской смертью, поднимая в атаку своих бойцов 21 октября 1941 года.

Узнав о смерти отца, на фронт попросился семнадцатилетний курсант Фёдор Дмитриевич. На уговоры начальника Военно-Морского училища юноша настойчиво просил направить его в бой, чтобы отомстить врагу за отца, за всех советских людей. Командиру ничего не оставалось, как дать своё согласие. Старшина Фёдор Ивашина участвовал в жестоких сражениях по изгнанию немецко-фашистских захватчиков с родной земли и, как и отец, погиб в наступательном бою под деревней Языково Московской области, навеки оставшись семнадцатилетним. Похоронен в братской могиле.

Семья ЩЕРБИНЫ

О тех, кто уже не придет никогда... Помните!

Роберт Рождественский.

Поседевший человек шагнул вперёд и, упав на колени, припал к бетонным плитам мемориального комплекса в честь погибших при защите Родины в Великой Отечественной войне...

— Здравствуй, брат! — сказал он. — Прости, что долго не мог приехать на встречу с тобой...

А рядом стояли притихшие, привыкшие к таким встречам местные жители, на щеках которых блестели непрошеные и нескрываемые слёзы.

...В семистах километрах от родного дома, недалеко от города Волгограда, завершился жизненный путь новоминчанина Михаила Васильевича Щербины, который в те грозные военные годы вместе со всем народом встал на защиту нашего Отечества.

В августе 1942 года, когда разгоралось пламя Сталинградской битвы, которая принесла нашему народу вековую славу, он, пулемётчик танка, вместе с боевыми товарищами вёл наступление на хутор Дмитриевка, занятый и сильно укреплённый гитлеровцами. Этот населённый пункт имел, видно, важное стратегическое значение для каждой из противоборствующих сторон (достаточно сказать, что этот хутор упоминается в мемуарах командующего пленённой немецкой 6-й армии Паулюса), так как ни одна из них, несмотря на огромные потери, не хотела отказываться от своих планов. В этой бойне и погиб 26 августа наш земляк Михаил Щербина, 1918 года рождения, о смерти которого его родители известия не получили. Похоронка затерялась где-то на дорогах войны, а мать солдата так и умерла, веря и надеясь на встречу с Михаилом. И младшему своему сыну Григорию наказала искать его.

Сразу же после войны Григорий Васильевич начал поиски брата.

Прошли годы, десятилетия. В 1990 году удалось установить номер полка, в котором служил брат. Списались с архивом, с военкоматами тех районов, где этот полк вёл наступательные бои, благодаря которым и удалось установить место последнего боя нашего земляка. На многочисленные письма пришёл ответ из села Карповка. Местные власти подтвердили, что новоминчанин Михаил Васильевич Щербина, пулемётчик 1-го батальона 39-й танковой бригады, сержант погиб при освобождении хутора Дмитриевка и здесь же похоронен в братской могиле.

Тогда и собрался в дорогу на встречу с братом фронтовик, в годы войны старшина роты 34-го стрелкового полка, бывший механизатор третьего отделения колхоза имени С.М. Кирова и ныне пенсионер Григорий Васильевич Щербина.

Старожилы рассказали мне, что в тот трагический день 26 августа 1942 года наши вели наступление на хутор. Танкам приходилось прорываться через минные поля, которые к тому времени обстреливались немцами прямой наводкой из противотанковых орудий. Много наших погибло, рассказывали нам хуторяне, которые в те годы были детьми. Танки подрывались на минах, из них выскакивали наши горящие солдаты, которые тут же попадали под пушечный и автоматный огонь. После боя убитых снесли в центр хутора, где теперь стоит братская могила, принявшая в себя 1260 советских воинов. На могиле установлен обелиск, выполненный с большой любовью и, заметно, большим мастером. Фамилия каждого погибшего отлита из стали и уверен, ещё не одно десятилетие будет напоминать людям о тех незабываемых и героических годах.

Щербина Григорий Васильевич, 1985 г.

В списках погибших — представители 27 народов бывшего Советского Союза. Для русских и украинцев, армян и азербайджанцев, татар и адыгов, грузин и евреев и других эта священная сталинградская земля стала последним домом, в котором они нашли приют и вечный покой. У них, в отличие от нынешних нас, было совсем другое понятие о Родине, которую они любили беззаветно и ради которой отдали самое дорогое — жизнь. Нам бы оставить о себе подобную память!

— Приезжайте к нам весной, на 9 Мая, — сказал нам на прощанье живущий недалеко от памятника пожилой тракторист. — Хотя, говорят, что праздник Победы отменят, но мы всё равно почтим в тот день наших погибших.

— Праздник не отменят! — уверенно возразил ему его сосед. — День Победы — не только государственный, это — наш праздник. А народ не позволит отнять у него Память и Славу.

И я подумал вместе с ними: «Да будет истинно так!»

Семья ЯЩЕНКО

От Курска и Орла
Война нас довела
До самых вражеских ворот
Такие, брат, дела.
Когда-нибудь мы вспомним это —
И не поверится самим,
А нынче нам нужна одна победа
Одна на всех. Мы за ценой не постоим!

Булат Окуджава.

Четверо мужчин из семьи Ященко героически сражались на фронтах Великой Отечественной войны с немецко-фашистскими захватчиками: отец Григорий Григорьевич, братья Михаил, Гавриил и Мефодий. С войны вернулся один: Михаил. Погиб в бою красноармеец Мефодий Григорьевич Ященко. Его отец Григорий Григорьевич пропал без вести в мае 1943 года. Нет сведений и о Гавриле Григорьевиче, пропавшем без вести в марте 1943 года.

Сидят: слева Ященко Гавриил Григорьевич, Ященко Григорий Григорьевич — отец; стоит Ященко Мефодий Григорьевич, 1939 г.

Ященко Григорий Григорьевич — отец.

Ященко Мефодий Григорьевич.

Ященко Михаил Григорьевич.

Валентин ЦВЕТКОВ

Золотые звёзды района

ОБЛАКА ПОД КРЫЛОМ

Александр Степанович Корнев родился в 1921 году в городе Ейске. Детские годы его прошли в станице Каневской. Здесь учился в средней школе № 1, мечтал о небе… Вместе со своими сверстниками Саша восхищался подвигами челюскинцев, полётами Чкалова, Громова, Гризодубовой. Как и все мальчишки, с волнением ловил каждую весть о борющейся Испании, о лётчиках-интернационалистах, защищавших её небо. И когда настала пора Саше Корневу решать, кем быть, он без колебания выбрал судьбу лётчика — поступил в Качинское военное авиационное училище.

Александр Степанович Корнев

Когда началась Великая Отечественная война, лейтенант Корнев уже командовал звеном истребителей. Тогда лётчики его звена летали на самолётах устаревшей конструкции — «И-15». И только мастерство, смелость и воля к победе позволяли молодым воздушным бойцам успешно вести схватки с немецкими пилотами.

Весной 1942 года А. С. Корнев стал командиром звена штурмового авиационного полка. Теперь его оружием стал мощный самолёт-штурмовик «Ил-2» — гроза немецкой пехоты, танков и аэродромов. Этот самолёт за свои боевые качества был прозван на фронте «летающим танком». И не расставался лётчик с «илами» до конца войны, до полной победы над фашистской Германией.

В ходе войны менялись должности офицера Корнева: командир звена, командир эскадрильи, штурман полка. Менялись фронты, в состав которых входил полк, — Юго-Западный, Калининский, Степной, 1-й Украинский, 4-й Украинский. На многих аэродромах базировался его полк. Росли боевой опыт лётчика-воина, его мастерство, закалялась воля к победе над врагом. Не менялись только военная профессия лётчика-штурмана да марка самолёта, на котором он летал, — «Ил-2».

К середине 1944 года в лётной книжке Александра Степановича были записаны 227 успешных боевых вылетов на штурмовку войск противника. Пулемётный и пушечный огонь его самолёта, авиационные бомбы и реактивные снаряды уничтожили сотни немецких солдат и офицеров, десятки танков, артиллерийских орудий, самолётов на аэродромах и много другой военной техники. Его эскадрилья участвовала в битве за Днепр, в боях за освобождение Киева.

Большие потери войскам противника нанесли и экипажи подчинённых Корневу самолётов.

Двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, Орденом Александра Невского и многими медалями отметило командование боевые успехи бесстрашного лётчика.

Нелёгкими были полёты над территорией, занятой противником. По «илам» вели огонь зенитные пулемёты и орудия, их атаковали немецкие истребители.

Приведу один из боевых эпизодов. Восемнадцатого августа 1943 года шесть самолётов «Ил-2» во главе с командиром эскадрильи Корневым уничтожили батарею крупнокалиберной артиллерии противника в районе украинского города Сумы. При отходе от цели группа наших самолётов была атакована фашистскими истребителями. Самолёт Корнева загорелся. Командир и воздушный стрелок выбросились из пылающей машины с парашютами. К месту приземления советских воинов устремились немцы, требуя сдачи в плен. Лётчики залегли в густом кустарнике и траве оврага и до вечера отстреливались от окруживших их немецких солдат. В неравном и необычном для лётчиков бою они уничтожили

до двадцати гитлеровцев. Но погиб и воздушный стрелок советского самолёта.

С наступлением темноты старший лейтенант Корнев, раненный в левую руку, взяв документы и личное оружие своего боевого товарища, сумел выбраться из вражеского окружения, ночью благополучно перешёл линию фронта и возвратился в свою часть. Второго августа 1944 года за мужество, отвагу и героизм, проявленные в битве за Днепр и освобождение Украины, Указом Президиума Верховного Совета СССР Александру Степановичу Корневу было присвоено звание Героя Советского Союза.

1944-й стал памятным для Героя ещё и тем, что в этом году он стал членом Коммунистической партии СССР.

…Окончилась Великая Отечественная война. Боевой офицер в 1951 году закончил военно-воздушную академию имени Ю. А. Гагарина, после чего был назначен преподавателем Киевского высшего инженерно-авиационного училища. Фронтовой опыт и знания, полученные в академии, позволили ему многие годы успешно учить и воспитывать молодых лётчиков.

С 1976 года полковник А. С. Корнев в запасе, жил в Киеве. Награждён Орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского, Отечественной войны I степени, Красной Звезды, "За службу Родине в ВС СССР" III степени, медалями. Умер 29 августа 2003года.

Валентин ЦВЕТКОВ

Золотые звёзды района

ПРОСЛАВЛЕННЫЙ ТАНКИСТ

Иосиф Антонович Передерий

Иосиф Антонович Передерий родился 16 сентября 1913 года в станице Каневской в украинской крестьянской семье. В школе имени Короленко (сейчас — средняя школа № 1) окончил три класса и с двенадцати лет стал работать по найму у зажиточных землевладельцев Цокура, Бочки, Моргуна. В 1930 году, как и большинство бедных станичников, вступил в первую коллективную сельскохозяйственную артель имени газеты «Правда». Два года трудился конюхом, а потом ещё три — трактористом.

Три года службы в Красной Армии способствовали физическому развитию юноши, формированию его мировоззрения, чувств коллективизма и ответственности за свою страну в целом и родных людей в частности. Когда Иосиф демобилизовался и вернулся в Каневскую, в колхозе «Красный партизан» его назначили на должность бригадира тракторной бригады. Этот коллектив он и возглавлял до начала Великой Отечественной войны.

На фронте И. А. Передерий — с первых дней вероломного нападения фашистов на Советский Союз. Сначала был в подразделении связи. Там получил первое ранение. После выздоровления попал в пехоту, и снова был ранен. Подлечили его врачи в госпитале, и командование направило бывшего тракториста на курсы танкистов. Незнакомую машину освоил за два месяца и продолжил службу в 66-м гвардейском танковом полку.

Главными вехами боевого пути каневчанина стали Сталинград, Курск, а далее другие республики СССР и зарубежные страны — Украина, Белоруссия, Польша, Германия.

… Полк, в котором служил Иосиф Передерий, стоял под украинским городом Белая Церковь. Танковая группа, состоящая из четырёх машин, получила задание — прорвать оборону противника, выйти ему в тыл, захватить переправу и удерживать её до подхода своих частей.

Операцию начали в полночь, когда немцы спокойно отдыхали. Неожиданный и стремительный прорыв линии обороны вызвал у врага панику. Танки быстро прошли намеченный маршрут и к рассвету овладели переправой. Далось это нелегко. Опомнившись и сгруппировав свои силы, противник начал интенсивно обстреливать из артиллерийских орудий захваченный мост и прилегающую территорию. Снаряды кромсали землю, а когда артобстрел прекратился, вперёд пошли немецкие танки.

Силы были неравными. Одна за другой воспламенились три советских машины. У переправы пригодным к сражению остался только танк Передерия с двенадцатью автоматчиками. Умело маневрируя, экипаж опытного механика-водителя меткими выстрелами сбивал порыв атаковавших. Почти до заката продолжался неравный бой. Три немецких танка на поле боя замерли навсегда. Вовремя подоспели к переправе наши пехотные подразделения.

… Пламя войны переметнулось на территорию Польши. Впереди наступающих частей двигалась и «тридцатьчетвёрка» Иосифа Передерия. В это время в жизни каневчанина произошло важное событие — его приняли в ряды Коммунистической партии. Однополчане долго пересказывали друг другу эпизоды

боёв за город Черникау. Танк нашего земляка первым атаковал фашистов — уничтожил две вражеских машины и превратил в груду металлолома артиллерийскую батарею.

Боевых эпизодов за четыре долгих года войны было предостаточно. Под Варшавой экипаж механика-водителя Передерия, проводя в тылу противника разведку, увидел на просёлочной дороге немецкую легковушку. Сопротивляться никто не стал — уж больно неравными были силы, — и командованию был сделан достойный подарок: пленённый штабной генерал с важными документами.

… Одна из памятных боевых операций была проведена под небольшим немецким городком недалеко от Берлина. На подходе к этому населённому пункту танкисты обнаружили действующий аэродром противника. Передерий на высокой скорости первым выехал на взлётную полосу. Открыв ураганный огонь, наши танкисты в упор расстреливали самолёты. Каждый снаряд ложился точно в цель. Дорога в небо навсегда была закрыта шестнадцати «фоккевульфам».

На этом, однако, бой не закончился. Немецкие артиллеристы, призванные защищать аэродром, с непоправимым запозданием стали проявлять активность. Они опускали стволы, нацеленные в небо, всё ниже и ниже в сторону советских танков, но завершить начатое не успели — батарея была смята ближайшей атакующей машиной.

Бой длился считанные минуты. Паника врага, вызванная дерзким ударом, позволила танкистам без потерь выйти из боя, пересечь железнодорожный полустанок и, уклоняясь от снарядов подошедшего на подмогу бронепоезда, вернуться к своим. Кроме самолётов и зенитной батареи, советские танкисты уничтожили на аэродроме склады с боеприпасами и техническим имуществом, взяли в плен и доставили своему командованию немецкого офицера высокого чина.

Беспримерный подвиг И. А. Передерия не остался незамеченным. 24 марта 1945 года гвардии старшине было присвоено звание Героя Советского Союза. К тому времени у Иосифа Антоновича уже имелись многочисленные благодарности И. В. Сталина.

Кроме того, за активное участие в боях на Западном, Юго-Западном, Центральном, 1-м Украинском, 2-м Украинском и 1-м Белорусском фронтах И. А. Передерий был награждён орденами Славы III степени, Боевого Красного Знамени, Отечественной войны I степени, двумя орденами Ленина, многими медалями.

Демобилизовали Иосифа Антоновича 25 сентября 1945 года на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР, учитывая, как говорилось в документе, его возраст. А уже в январе 1946-го в станице Каневской бывшего фронтовика избрали председателем колхоза «Красный партизан». Позже он трудился бригадиром восьмой комплексной бригады Куйбышевской машинно-тракторной станции, заместителем председателя колхоза «Победа», бригадиром пятой полеводческой бригады этого хозяйства. Неоднократно избирался депутатом районного Совета депутатов трудящихся, членом районного комитета КПСС.

Умер И. А. Передерий 31 мая 1975 года на шестьдесят втором году жизни. Десять лет спустя, 5 ноября 1985 года, Краснодарский крайисполком принял решение о переименовании некоторых улиц Станицы Каневской в целях «увековечения памяти Героев Советского Союза и усиления военно-патриотического воспитания населения на боевых и трудовых традициях советского народа». Улица Набережная в микрорайоне Загребля стала называться улицей имени Героя Советского Союза Передерия Иосифа Антоновича.

В 1980 году в каневском колхозе «Победа» был учреждён приз имени Героя Советского Союза И. А. Передерия для молодых механизаторов, добившихся наилучших показателей в социалистическом соревновании. Он вручался лучшему из лучших ежеквартально с приложением денежной премии в сумме 100 рублей. Учитывались такие факторы, как состояние закреплённой техники, экономия горюче-смазочных материалов, качество и сроки ремонта техники в осенне-зимний период, отсутствие нарушений техники безопасности, трудовой дисциплины, достойное поведение в общественных местах и быту и активное участие в делах коллектива.

13-15 марта 1987 года правление колхоза «Победа» и районный совет ДСО «Урожай» организовали и провели первый турнир по классической борьбе, посвящённый памяти Героя Советского Союза И. А. Передерия. За почётный приз его имени боролись 14 команд, представлявших Краснодар, Армавир, Саранск, Анапу, Абинск, Сочи, Тимашевск, Приморско-Ахтарск, Усть-Лабинск, Ейск, Новороссийск, Темрюк, Динскую и Каневскую.

Константин БАНДИН,
«10-й канал», № 10, 28 февраля 2020-го года

Золотые звёзды района
ГЕРОИЧЕСКИЙ КОМБАТ

Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков показала всему миру пример массового героизма, беззаветной преданности любимой Родине и верности идеалам великих создателей нашего государства — Союза Советских Социалистических республик. Наши герои вышли из широких народных масс, прошли советскую школу, воспитавшую патриотов, овладели военной наукой настоящим образом, как учил В.И. Ленин, и в конечном итоге совершили то, что оказалось не по силам никакому другому государству — победить германский фашизм, который сокрушил армии всех европейских держав. Среди героев минувшей войны, чьё имя вписано в историю Каневского района золотыми буквами, был Иван Васильевич Колованов.

Этапы большого пути

Иван Васильевич Колованов родился в 1916 году в станице Чамлыкской (ныне Лабинский район) в семье крестьянина. Окончил семь классов местной школы. Затем поступил в Армавирский химико-индустриальный техникум. В 1936 году после получения диплома пошёл работать на Абинский плодоконсервный завод. Ответственное отношение к делу, трудолюбие и профессионализм молодого специалиста не остались без внимания руководителей производства — двадцатилетний Иван Колованов становится начальником планового отдела.

Но поработать долго на новой должности нашему земляку не довелось, осенью 1936 года ему вручили повестку из райвоенкомата. В Красной Армии Иван Колованов зарекомендовал себя как грамотный и политически подкованный боец, поэтому командование направило его на курсы усовершенствования командного состава (КУКС), после завершения которых в 1938 году краском Колованов начал служить в 47-м отдельном разведбате в Северо-Кавказском военном округе.

В 1939 году Иван Васильевич принимал участие в боевых действиях Советско-финляндской войны (Зимняя война) в составе мобильного лыжного батальона. В те времена подобные подразделения ошибочно использовались как ударные, поэтому потери в таких частях были велики. В условиях холодного климата без тяжёлого вооружения наши бойцы штурмовали вражеские укреплённые районы, расположенные в сложной местности. Очень многие красноармейцы были убиты, ранены, обморожены, а некоторые оказались в плену у воинства Маннергейма. Однако тот конфликт, закончившийся победой нашей армии в 1940 году, послужил хорошей школой для советских командиров. Знания, полученные тогда, очень пригодились во время Великой Отечественной войны. В феврале 1940-го Иван Васильевич Колованов после одного из боевых рейдов по финским лесам попал в военный госпиталь в Ленинграде, где находился до мая.

Идёт война народная

После нападения фашистской Германии на нашу страну 22 июня 1941 года командир роты старший лейтенант Колованов воевал на Запад-

ном фронте. В октябре 1941-го в боях за столицу нашей Родины город Москву Иван Васильевич принимает под свою команду батальон, которым успешно командует, сражаясь с врагом на Брянском фронте. Потом были Северо-Западный, Воронежский и 1-й Украинский фронты.

Командир 3-го стрелкового батальона 981-го стрелкового полка 253-й стрелковой дивизии майор Колованов особо отличился в боях за Днепр осенью 1943 года. 26 сентября он первым высадился под обстрелом на берег, занятый противником, и захватил плацдарм, сохранив полностью личный состав батальона. Фашистские контратаки не имели успеха, враг отступил, понеся потери.

На следующий день наши воины пошли в наступление с плацдарма. Несмотря на сильный миномётный обстрел, батальон Колованова, сломив сопротивление врага, занял важную высоту 190,1, тем самым улучшив позиции наших войск, при этом уничтожив до роты пехоты фашистов, один станковый и три ручных пулемёта.

На разгром наступающих противник бросил значительные силы. Три дня майор Колованов под ураганным огнём артиллерии противника отбивал яростные контратаки гитлеровцев. 30 сентября 1943 года в составе батальона Колованова осталось только 19 бойцов и два пулемёта. На эту горстку красноармейцев двинулись густые вражеские цепи, в которых было до 300 солдат. Немцы стремились любыми средствами вернуть утраченную высоту 190,1. В результате тяжёлого боя враг отступил, оставив на поле боя до 50 убитых.

Наши войска, получив подкрепление, продолжали наступление. Впереди наступающих частей оказалось село Ходорово, где враг соорудил сильную систему полевых укреплений. Комбат Колованов умело расставил огневые средства и силы, стремительным броском ворвался в село. Немцы были выбиты из Ходорово, наши бойцы уничтожили до батальона пехоты противника, 2 автомашины, 3 орудия и 5 миномётов, а также 15 пулемётных точек вместе с расчётами. Красноармейцы взяли в плен 54 фашиста, а также захватили три вражеских склада боеприпасов.

За умелые действия во время наступательной операции и проявленные при этом мужество и отвагу майору Ивану Васильевичу Колованову Указом Президиума Верховного Совета СССР (от 10 января 1944 года) было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Под мирным небом Родины

После окончания Великой Отечественной войны Иван Васильевич Колованов продолжил службу в Советской Армии. В 1945 году он окончил Высшие стрелково-тактические курсы «Выстрел». В ноябре того же года был уволен в запас.

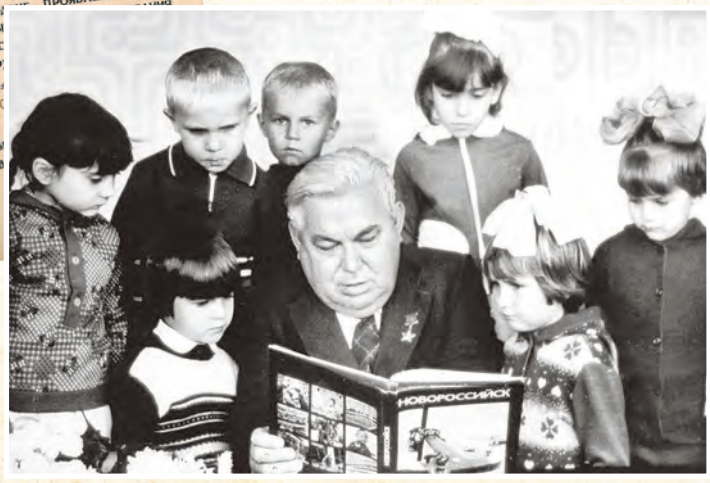
Кроме Золотой Звезды Героя Советского Союза и ордена Ленина, наш земляк был награждён орденами Отечественной войны I и II степени и многими медалями.

С 1946 года Иван Васильевич трудился на руководящих должностях в пищевой промышленности нашего края. С 1958 года проживал в станице Каневской, где работал директором мясоптицекомбината.

После выхода на пенсию (в 1972 году) — заместитель председателя президиума районного совета Общества охраны природы.

До последнего дыхания Иван Васильевич Колованов болел за судьбу своей родной страны, оставаясь верным сыном нашей любимой Советской Родины. Наши земляки не забудут его никогда!

Именем Героя названы улица и переулок, детско-юношеская спортивная школа «Олимпиец» в станице Каневской, улица в станице Чамлыкской. В городе Лабинске память об Иване Васильевиче Колованове увековечена на Аллее Героев, расположенной на площади Победы.



Героя обожала детвора, а он учил её любить свою Отчизну

Воспоминания записала
Зоя СИЗОВА

ДЕВЧОНКИ ИЗ 43-ГО

Долина (Беззубчук) Анна Ивановна

Старший сержант медслужбы Долина Анна Ивановна(по мужу Беззубчук), родилась 4 апреля 1921 года в станице Каневской Каневского района Краснодарского края. Отец — Долина Иван Демьянович, рабочий; мать — Долина Вера Николаевна, домохозяйка. В семье кроме неё было ещё две сестры и три брата.

В 1938 году окончила 7 классов. В этом же году пошла на работу. Работала в Каневском РАЙЗО в должности статиста до июля 1941 года.

В начале войны комсомольцев пригласили в райком комсомола, где состоялось общее собрание. На собрании было принято решение организовать истребительный батальон. Молодёжь должна была приходить на занятия по военному делу и оказанию первой медицинской помощи на поле боя. Руководителем был тов. Скляревский. Находились на казарменном положении.

В октябре 1941 года было принято решение Краснодарского Крайкома партии о формировании казачьих сотен в кубанских станицах. Такая сотня формировалась и в Каневской. Аня Долина и Вера Хазай пошли в Райком комсомола и попросили, чтобы их добровольно зачислили в казачью сотню. Вот так они и оказались в 3-ей Каневской казачьей сотне. В ноябре 1941 года все казачьи сотни проходили лагерные сборы. Командиром 3-ей казачьей сотни был Бравославский. Когда проводились сборы, к нам прибыли врачи: майор Браун, капитан Ляшенко, Элькина, Яблуновская, Вахненко и другие. Подготовку проходили в станице Брюховецкой. Там научилась ездить на лошади верхом.

Не всегда всё было гладко. Помнит Аня, как не справилась с конём по кличке Кокс. Конь был красивый, стройный, чёрного цвета, с пушистой гривой и очень резвый. Дал ей его для занятий командир каневской казачьей сотни Бравославский. Лишь прозвучала команда: «В атаку!» — конь рванулся вперёд. И, как она ни старалась натянуть поводья, справиться с конём не смогла. Кокс мчался галопом. На боку у неё болталась санитарная сумка, все мысли были сосредоточены на том, как бы не упасть и чего-нибудь не сломать. Перескочив ров, он замедлил бег, и ей помогли коня остановить. Потом приходилось ездить и верхом, и на бричке. Лошади — животные умные, с ними нужно только уметь обращаться.

В ноябре 1941-го года они были зачислены в 76-ой медсанэскадрон. Аня была зачислена санинструктором с 28 ноября 1941 года по 15 февраля 1942 года. В феврале 1942 года личный состав частей и соединений корпуса приняли воинскую присягу. С февраля 1942 года она была переведена в хирургическое отделение операционной сестрой в в/ч полевая почта 23709. В июле 1942 года прослушала курсы в 76-ом медэскадроне 12 казачьей

кавалерийской дивизии по оказанию первой медицинской помощи на поле боя и сдала экзамены с оценкой «отлично». Ей было присвоено звание старший сержант.

Первое время было очень трудно, всё время приходилось отступать, отходили с боями. Подошли к реке Кубань. Им объявили, что будут переправляться по мосту. И вдруг на их глазах мост взлетает в воздух. Пришлось искать брод. Переправились через Кубань своим ходом. Переправой руководил заместитель командира корпуса по тылу полковник Сланов. Раненых везли на машинах ЗИС-5 и бричках. У кого были кони — ехали верхом.

Корпус начал свою боевую деятельность в составе войск Северо-Кавказского направления, которое в мае 1942 года было преобразовано в Северо-Кавказский фронт.

Здесь, в районе станиц Кущёвской, Шкуринской, Канеловской и Старощербиновской был воздвигнут крупный оборонительный рубеж. 196-я пехотная дивизия гитлеровцев предприняла наступление, но была отброшена на исходные позиции. Бой продолжался четверо суток. Было очень много раненых. Первое время было очень трудно и больно смотреть, как молодым парням ампутировали ногу или руку, извлекали из тела осколки, зашивали рваные железом раны. Операции продолжались по несколько часов, ноги гудели от усталости.

В апреле 1943 года была принята в ряды членов КПСС, и после боёв ей вручили партийный билет.

«О врачах и санинструкторах могу сказать, что коллектив был очень дружный. Врач майор Браун — замечательный хирург. Сколько тяжелораненых бойцов спасли его золотые руки! Врач Ляшенко отдавала свои знания молодым девчонкам». Аню она подготовила к работе в хирургическом отделении операционной сестрой. На встречах со школьниками ей очень часто задавали вопрос: «А Вам не было страшно?» Анна Ивановна говорила, что если поступали раненые, то забывали обо всём и думали только о том, чтобы скорее оказать помощь. Раненых было много, в тяжёлых условиях врачи делали операции, а медсёстры помогали им; попутно уговаривали раненых бойцов, чтобы они немного потерпели, что и до них дойдёт очередь. Оказав первую неотложную помощь, отправляли раненых в госпиталь.

Память многое укрывает из нашего прошлого, но никогда Анна Ивановна не сможет забыть, как она, двадцатилетняя девчонка, которая страшно боялась пауков, вынуждена была лезть под пули, вытягивая с поля боя окровавленных, обожжённых солдат, кричащих от боли. Не забыть ей и того, что она видела в операционной. Иной раз даже отказывало сознание. Но, понюхав нашатырного спирта, сестра возвращалась к раненым. «Сестричками» называли ласково медсестёр раненые солдаты.

Однажды, это было в Пешково, над ними показался наш самолёт, и он опускался всё ниже и ниже. Вдруг из-за туч показались немецкие самолёты и стали обстреливать наш самолёт. Все наблюдали за этим боем и очень переживали. Наши находились на одном берегу реки, а немцы — на другом. В неравной схватке самолёт был подбит. И вот они увидели, как лётчика выбросило из самолёта. Наши казаки вскочили на коней и поспешили на помощь, не зная, на какой берег приземлится лётчик. Ему повезло — он приземлился на нашу сторону, все смеялись и плакали. Казаки быстро его нашли. Он лежал на земле вниз лицом и не решался поднять глаза(думал, что его поймали фашисты).

Ранение у лётчика было очень серьёзное. Когда Анна готовила его к операции, то обратила внимание, что он весь покрыт сетью чёрных точек, из которых струится дым — это

было сложнейшее термитное ранение. Лётчик еле выкарабкался. Оказалось, что лётчик и Анна — земляки. Родом он был из Новоминской, и звали его Семён. Фронтовая судьба развела их, но Семён, когда дома оправился после ранения, приезжал к родителям Анны, благодарил их за дочь, которая спасла ему жизнь.

А однажды был такой случай: шло наступление, мимо ехали танки, а Анины сапоги застряли в грязи, так как были не по размеру. Она стояла на дороге и со слезами смотрела на проезжающие мимо танки. Увидел её какой-то танкист и спросил: «Чего ревёшь?» Она рассказала, и он распорядился вытащить девушку. Её вытащили. А вот сапоги так и остались в том болоте навеки... Но благодаря этому случаю им, троим девушкам, за одну ночь в этом населённом пункте сшили сапоги по ноге. На память об этих днях у Анны Ивановны осталась эта фронтовая фотография.

За участие в боях под Кущёвской в 1943 году Анну наградили медалью «За боевые заслуги» (3-ий Украинский фронт).

«Нашей основной задачей были военные действия в тылу врага», — говорит Анна Ивановна. Кавалеристы просачивались по бездорожью в тыл врага и лихими наскоками отрезали пехоту от танков. Но каково это было? Все знают про наше бездорожье, подводы застревали в чернозёме, портянки примерзали к ногам, приходилось шагать в насквозь промокших сапогах, которые были не по размеру и всё время пытались остаться в грязи (рост у меня — 150 см, размер ноги — 35, а сапоги — 42 размера)».

Помнит она, как на бричке везли сома: ездовой сидел на голове сома, а хвост тащился по земле, свесившись с брички.

«На станции Раздольной тоже произошёл смешной случай. Дело было в марте 1944 года. За станцию шли тяжёлые бои, на станцию вошли уже к вечеру. Работы было очень много: перевязывали раненых, некоторым из них были сделаны операции. Всех разместили по домам и накормили. Утром должны были раненых отправить в различные пункты назначения», — вспоминала она. В распоряжении Анны было 20 бричек. Только въехали на центральную улицу, как в небе загудела немецкая рама (самолёт-разведчик). Конь под девушкой остановился — и ни с места. Стоящие недалеко солдаты из расчётов «Катюш» закричали:

— Ты чего, остолоп, остановился?! Жизнь тебе что ли надоела!

Когда узнали, что перед ними девушка — засмеялись.

Гул самолёта прекратился, и конь пошёл дальше.

Анна Ивановна участвовала в боях за освобождение Таганрога, Ростовской области, Донецкой, Запорожской, в боях за освобождение Крыма, Одессы и других городов.

За участие в боях на Кавказе наградили медалью «За оборону Кавказа».

В конце мая 1944 года её демобилизовали по болезни (инвалид 3-ей группы).

Муж, Беззубчук Фёдор Алексеевич, тоже воевал в составе 4-го ГККК фельдшером и закончил войну в Праге. У них в семье долго хранились часы «Omega», которые мужу подарил раненый танкист, когда он вытаскивал его из обгоревшего танка.

После окончания войны Анна вышла замуж и уехала из Каневской по месту службы мужа в город Фрязино Московской области.(Муж окончил в Ленинграде военно-медицинскую академию им. Кирова и получил назначение в Подмосковье, где прослужил до пенсии).

Проживая в военном городке, Анна Ивановна активно принимала участие в общественной жизни части мужа. После демобилизации мужа работала в детском комбинате. Имеет медаль «Ветеран труда».

Анна Ивановна родила двух дочерей. Имеет двух внуков и две внучки, двух правнуков и одну правнучку.

Список наград Долины Анны Ивановны:

- Орден Отечественной войны II степени,
- медаль «За боевые заслуги»,
- медаль «За оборону Кавказа»,
- юбилейные медали.

Любовь СВЯТНАЯ

САНИНСТРУКТОР ЗИНОЧКА

Санинструктор стрелкового батальона Зиночка Донец никак не могла уснуть, хотя по уставу шёл уже второй час отдыха. Плотно закрыв глаза, она начала считать: …22, 23, 24, 25… — не помогало. Тогда Зиночка вспомнила, что надо неотрывно смотреть на какой-то предмет и повторять его название. У буржуйки стояли её сапоги. Они были на два размера больше, поэтому она не любила их. И потом — эти портянки… Она поискала что-нибудь другое. Другим мог быть висевший на стене маскхалат. «Маскхалат, маскхалат», — начала Зиночка. Оказалось, что это непросто, вместо «маскхалат» получалось «максхалат» и ещё, как-то не так. Зиночка любила делать всё правильно, и эта неточность в произношении раздражала её. Она перевела взгляд на сапоги. «Сапоги, са — по — ги, са — по…» — надо же, какое певучее название у этих противных сапог — «са — по — ги…»

Сон обволакивал медленно и настойчиво. Сапоги, не сходя с места, куда-то поехали, поехали и исчезли совсем.

Теперь тихо звучала музыка. Зиночка старалась понять, откуда, из какой жизни эти звуки и не могла понять. В ней нарастало какое-то волнительное чувство, хотелось раствориться в этой музыке, взметнуть руками, запрокинуть голову и кружиться, кружиться!

Да это же вальс, тот самый вальс! Звуки становились громче, громче, звали в какой-то лёгкий, прекрасный полёт.

Но нет, нельзя поддаваться этому искушению. Зиночка сделала усилие, чтобы опять увидеть сапоги.

Но теперь вместо них у остывшей буржуйки стояла на изящном каблучке белая туфелька. Её, 36-го размера туфелька!

«Зачем она здесь? — удивилась Зиночка. — совсем не по уставу».

Но мысль об уставе оборвалась тут же, потому что появился Вадик из 10 «В». Был он какой-то красивый и торжественный. Уронив голову на грудь и опустив глаза, он стоял перед Зиночкой. Это было приглашение к танцу. Зиночка, лёгкая, как бегущая по волнам, закружилась в вальсе. Вадик не стеснял её движений, и она летела и летела в пространство, полное чарующей музыки. И можно было бы быть совсем счастливой, если бы не какое-то маленькое беспокойство, которое кружилось вместе с ней, и невозможно было от него освободиться…

«Ах, да, туфелька ведь одна! Как это я сразу не сообразила?! Надо найти вторую. Это очень важно. Очень!»

Маленькое беспокойство росло, как снежный ком. Потом пропало, будто и не было. Стало светло и радостно, как в детстве.

Счастье, увиденное во сне, представлялось Зиночке, как немыслимый грех. Какие танцы?! Какая музыка?! Война ведь. Хорошо, что никто обо всём этом не знает. А то какой же она солдат?

Зиночка встала, вышла на порог землянки. С востока тянул лёгкий ветерок, нёс запахи талого снега. «У нас на перелеске уж, наверное, подснежников видимо-невидимо», — подумала Зиночка и опять, как-то совестно стало ей.

С минуты на минуту бой начнётся. В землянке уже двигались, кто-то надрывно кашлял. Сейчас ей нужно всех их увидеть живыми, здоровыми. Надо успеть сказать им слова, нужные и нежные. Зиночка знала цену этих слов…

Бой был коротким и жестоким. Наступила тишина. В ложбинке, опираясь на ящик из-под патронов, сидел молоденький солдат. Он как-то совсем по-птичьи вертел шеей и всё повторял: «Сестра, сестричка! Сестра, сестричка!»

— Потерпи, браток, — сказал ему другой солдат. — Нет нашей сестрички. Убита у самого края окопа. А раненого, понимаешь, успела в окоп столкнуть. Ничего, живой.

И оба виновато замолчали. Слышно было, как подтаивая и оседая, легонько шуршит последний снег апреля 1945 года…

Николай ЛЕМИШ

ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ

(в основу положены действительные события)

Памяти моей мамы Елены Алексеевны и всем безвестным труженицам тыла, вынесшим на своих плечах тяжесть Великой Отечественной войны, посвящаю...

Продолжение. Начало в № 17, 18.

Победа под Москвой придала сил, народ воспрянул духом. В газетах и по радио народ убеждали, что 1942-ой год будет годом великих побед. Таково было мнение Ставки Верховного Главнокомандования, органов власти. Но существовало ещё одно мнение, правда, звучавшее гораздо тише: это то, что победа над Германией будет ещё не скорой, что немцы ещё сильны — вряд ли поражение под Москвой нанесло вермахту невосполнимые потери. Тревога передалась и экзальтированным вещателям о скорой победе. Становилось не до бодрых разговоров. Война выгребала последние людские резервы. Забрали на фронт и мужа Евдокии — от него приходили скупые письма. Хлеб стал особым стратегическим ресурсом страны, и битва за него в тылу шла нешуточная днём и ночью. Трудились и стар и млад.

За весною шло лето. Уже к концу весны обстановка на фронтах перестала радовать. Наши войска стали терпеть поражения одно за другим. Что-то не срасталось в прежде оптимистических планах командования.

На Кубань хлынули эшелоны с эвакуированными. В небольшой тогда Каневской появились жители из Воронежа, Сталинграда, Ленинграда и других промышленных цен-

тров. В большой дом, где жила Евдокия, сельсовет подселил беженцев из Ленинграда. Порядочные люди, интеллигентные городские жители эвакуировались, как говорится, в том, в чём стояли. Работоспособных членов семьи обеспечили работой в колхозе и, хоть и скудным — питанием. Пожилого главу семьи Исаака Ароновича назначили водовозом. Пришлось тогда Евдокии в спешном порядке обучать его обращению с тихой, полуслепой лошадкой. В колхозе дорога каждая пара рук, даже не совсем умелых.

Вечерами Евдокия беседовала со своим подопечным. Будучи директором винзавода под Ленинградом, он удивлялся бедности колхозников, живущих в таком благодатном крае. Его жена была главным бухгалтером кондитерской фабрики, дочь — главным экономистом, сын — экономистом соседнего завода. Их, обеспеченных людей с устоявшейся жизнью, война сорвала с насиженных мест вместе с 2-летним ребёнком, бросив в пучину эвакуации.

Семья Евдокии, сама во многом нуждавшаяся, помогала беженцам, чем могла.

А неподалёку дали приют молодой еврейской семье, как оказалось потом, умудрившейся вывезти дорогостоящие ювелирные украшения и изделия из золота. Молодой мужчина призывного возраста приходил к Исааку Ароновичу. При беседе присутствовала и Евдокия. Пришедший расспрашивал о нынешней жизни, о соседях, похоже, с какой-то целью прощупывая почву. Евдокия чувствовала, что Марку (так звали мужчину) что-то нужно. Через несколько дней Исаак Аронович пояснил ситуацию: Марк хотел обменять часть золотых вещей на два пуда муки и поэтому искал того, кто может произвести такой обмен. Евдокия высказалась категорично, пояснив, что в ближайшей округе вряд ли у кого-то может быть столько стратегического продукта. Да и не могло быть иначе, ведь уже с весны колхозники жили «на подножном корму». Возмутившись поступком меркантильного «беженца», она рассказала о случившемся сначала своему свёкру, а потом и бригадиру своей бригады. Реакция у обоих собеседников была достаточно резкой. Свёкор, бывший казачий офицер, которого от расстрела спасло то, что он пошёл служить советской власти, категорично резюмировал: «Знаешь, дочка, одним война — горэ, а другим — нажива, найдыцця мырзавэць, выминя тэ золото».

На этом инцидент можно было бы считать исчерпанным, если бы он не получил неожиданное продолжение. Спустя некоторое время бригадир Прохор Платонович подозвал к себе Евдокию и, оглянувшись, возмущённо сказал: «Знаешь, Дуся, нашёлся-таки один прохвост, обменял ото самое золото на оклунок муки. Помнишь, я рассказывал, как в день начала войны один чудак бился в припадке в толпе народа у столба с репродуктором? Так это он устроил обман. Сейчас он работает бригадиром в колхозе «Комсомолец». Его, как припадочного, не взяли на фронт. Теперь он, гад, хозяинует в тылу, пока нормальные мужики на фронте. На самом деле — он никакой не припадочный! А я, наверное, откажусь от брони да пойду на фронт. Не могу смотреть на таких гадов!»

Евдокия, осмыслив всё, отметила для себя, что в войну всплывает всё дерьмо. Это изнанка жизни. А она должна прожить свою жизнь честно и достойно. Тогда она, тридцатилетняя женщина, ещё не знала, что Господь наградит её здоровьем, долголетием и любовью детей.

Обстановка на фронтах Отечественной войны накалялась. Из-за новых серьёзных просчётов командования, вовремя не разгадавших стратегических манёвров вермахта, война переметнулась в Черноземье, Поволжье, на Дон. Нависла опасность и над Кубанью. Но паники не было: хозяйственный механизм внутри страны работал слаженно. Все подчинялись девизу: «Всё для фронта, всё для победы». Но тревога витала где-то близко, ибо тысячи и тысячи таких самозабвенных тружениц, как Евдокия, трудились на пределе физических сил. На элеваторы вывозили остатки пшеницы, проса, кукурузы. Скот грузили в вагоны и везли на мясокомбинаты и военные скотобойни. Стал вопрос о судьбе нового урожая 42-го года, который нужно было убрать как можно быстрее. Уборочную страду начали рано. К тому же торопили военные события. Такого накала работы Евдокия давно не помнила. Радио, газеты призывали убирать урожай до зёрнышка, без потерь. С середины июля вопрос уборки встал особо жёстко: что убрать невозможно — необходимо сжечь. Сама Евдокия почернела и похудела.

В станице пока шла мирная жизнь. Идёт фестиваль детских кинофильмов, в августе должен пройти колхозный фестиваль патриотических фильмов. На начало августа уже запланирован слёт комсомольцев-передовиков.

Но война жестоко вторглась в мирную жизнь. Никто ещё и не предполагает, какое «кино» придёт в том же августе в станицу с появлением оккупационных войск. Было страшно: наши войска уже сдали Воронеж; идут бои на Донской линии обороны за Таганрог и Ростов. Угроза прорыва фашистов на Кубань становится реальностью. Вышел приказ Сталина №227 «Ни шагу назад!» События менялись так быстро, как картинка гигантского калейдоскопа.

Трактора и комбайны работали в поле круглосуточно. Поломавшуюся технику ремонтировали прямо в поле ночью при свете факелов. Ячмень, пшеницу, овёс косили конными жатками. В ход пошли даже допотопные «Ленд-роверы» и «Мак-керленки». В ходу и ручная косьба. Работают и стар, и млад без всяческих возрастных ограничений. Семилетним пацанам тоже нашли работу.

Несмотря на мужественные усилия, весь урожай убрать не удаётся. Выход один — нужно жечь. Но поля, засоренные осотом, не горят. К тому же часть тракторов отправляют в эвакуацию своим ходом. Пункт сбора каневчан — гора Пакай в окрестностях Горячего

Ключа. Время торопило — промедление было смерти подобно. Приказ Ставки ВГК жесток и неумолим: фашистам нельзя ничего оставлять. Эвакуируют предприятия, госучреждения, колхозный скот, машины, трактора. А главное — партийно-хозяйственный актив района. Дороже всего люди. Уже тогда было ясно, что немцы щадить никого не будут. Да, тот, кто на себе в полной мере испытал все перипетии эвакуации конца июля и первых трёх дней августа, не забудут этого до конца дней своих. Горестная картина...

Евдокия очутилась в гуще этих событий. Дороги запружены тракторами, повозками, комбайнами, причём трактора тянули, кто комбайны, кто прицепы с оборудованием. Военные автомашины шли вперемешку с людьми, тракторами, подводами, гуртами скота. А сверху неимоверно палило солнце, пыль хрустела на зубах. Воды… Необходимо хоть сколько-то воды. Вода нужна людям, скоту, машинам. Ревёт непоеный и недоеный скот. Над всем этим кружат немецкие самолёты с бомбами и пулемётами.

Евдокия вместе со стариками и женщинами помогала гуртовщикам навести в этом хаосе хоть какой-то порядок, но это было бесполезно. Люди уже охрипли от криков, их покидали физические силы — есть уже потерявшие сознание. При приближении самолётов скотина снова разбегалась куда глаза глядят. Оводы и слепни тоже донимали бедных животных.

С техникой тоже проблемы. Жара выводит из строя двигатели тракторов без всякой надежды на восстановление. Техника не приспособлена к длинным перегонам. Механизаторы уродуют брошенные трактора. Пусть же врагу достанется металлолом! Эта брошенная техника останется немыми памятниками страшной человеческой трагедии, имя которой — война. Из-за неё люди бросают дома, идут и едут в неизвестность. Здесь же, вдоль дорог наскоро хоронят людей. А падшую и убитую скотину хоронить просто некогда. Страшные, обезображенные, вздувшиеся туши коров и быков не украшают всё это вавилонское столпотворение. От недостатка воды и жары у людей до крови потрескались губы, обветрились и почернели лица. Всех страшит неизбежность.

Так получилось, что Евдокия очутилась в конце этого потока, уделом которого было пожинать все последствия поспешной эвакуации, эвакуации под немецкими бомбами.

Когда вся колонна миновала станицу Тимашевскую, по эвакуированным прошёл слух, что впереди немцы выбросили воздушный десант. Вскоре слухи подтвердили военные, остановившие хвост колонны. Офицер, со шпалами в петлицах, собрал вокруг себя руководителей групп, скомандовав уничтожить документы, деньги, архивы, вывести из строя технику, а гуртовщикам гнать скот обратно, в свои станицы. Всем остальным — возвращаться домой. Нелёгок был обратный путь, полный страданий и физических мук. Унылая картина предстала перед глазами возвращающихся: брошенная техника, какие-то ящики, мешки, мебель госучреждений; костры, в которых уничтожали то, что не должно попасть в руки немцев. Какая-то жестокость пробудилась в отчаявшихся людях, движимых порывом остервенелого уничтожения.

Не было на обратном пути ни бомбёжек, ни обстрелов. Зато появились немцы. В куцых мышиного цвета мундирах, глубоких касках, с винтовками и автоматами, они внушали страх, который постепенно перерастал в любопытство.

Немцы беженцев не тронули. Сытые, откормленные, они с презрением смотрели на людей. Группу Евдокии как-то остановили, но проверив документы, скомандовали: «Nach hause!»(домой). Группа гуртовщиков из колхоза «Ворошилова», преодолев все перипетии обратного пути, пригнала животных в станицу. Потом, посоветовавшись, погнали их дальше по фермам и бригадам.

В станице уже вовсю хозяйничали немцы. В колхозе вместо председателя теперь староста, ставленник немцев. Когда-то он был бригадиром, но по причине самодурства год назад был разжалован. Ещё в сорок первом его забирали на фронт. И вот теперь он, благополучный, сытый и довольный, пошёл служить немцам.

Страх перед неизвестностью померк перед встречей с домом. Долго и со слезами на глазах обнимала Евдокия дочку, благодарила Бога, что вернулась домой живой. Теперь ей нужно жить ради ребёнка, мужа, который где-то воюет, ради близких, вдоволь напереживавшихся о её судьбе. А ещё она нужна маме, уже отдавшей на войну одного сына.

Первые дни Евдокия не выходила из дома, не без оснований переживая за свою судьбу. Колхозная активистка, да ещё служившая в армии — этого было достаточно, чтобы попасть под репрессии, проводимые новыми хозяевами станицы. Но немцы пока ничего не знают. Ныне их глаза и уши — полицаи из числа соотечественников, до поры скрывавших свою ненависть не только к Советской власти. Свекровь сама видела, как за день до прихода в станицу немцев по рынку вышагивал один такой «земляк». Работая в колхозе конюхом, он жил тише воды, ниже травы, относясь к категории «согласных». Хвалил Советскую власть, Сталина, а тут, почувствовав безнаказанность, проявил своё подлое нутро. Вырядился в казачью форму с погонами вахмистра и ходил по станице с наглой самодовольной улыбкой. Но не это страшно. Страшными были произнесённые им слова: «Ось прыйдэ нова нимэцька власть Гытлира. Воны люблять порядок, та ще й якый. А мы йим поможим стрыбыть усих «городовыкив», а з нымы усих красных и активыстив. Порубаим йих до послидней лялькы, а комиссарив живьём попалымо».

Люди со страхом шарахались от него. Но всё же нашлось несколько человек, образовавших жидкую толпу, среди которой он продолжал важно разглагольствовать. Оказалось, что он не один такой. За короткое время в станице образовалась казачья сотня из отъявленных головорезов. Сытые, откормленные, ещё нестарые мужчины, а с ними и молодые парни, они, обуреваемые ненавистью к станичникам, были готовы на всё. Им убить человека, что плюнуть...

По станице уже начались аресты коммунистов, евреев, оставшихся по ранению военнослужащих. Всё завертелось в каком-то адском калейдоскопе. В течение нескольких дней была сформирована комендатура во главе с майором Энгелем, районное атаманское правление, полиция и бургомистрат. Следом появились районная полиция, станичная полиция и казачье станичное правление во главе с атаманом.

Когда любопытство взяло верх, Евдокия решилась на свой первый выход «в люди». Местом сосредоточения слухов и новостей стал местный базар, всегда находившийся в самом центре станицы. На базаре было неспокойно: все торопились купить товар и уйти; советские деньги были не в ходу — вместо них ходили оккупационные марки. Немцы важно прогуливались по базару, покупая, в основном, продукты. Тут же бродили и румыны. В песочного цвета форме, в неуклюжих пилотках, на ногах обмотки, они ходили группами, лопоча что-то на своём языке, вечно норовя что-нибудь да украсть. Наглые, развязные, они вызывали отвращение. В отличие от них немцы вели себя пока прилично.

Станичный парк стал местом дислокации какого-то кавалерийского подразделения ру-

мын. Следы «хозяйствования» оккупантов видны везде: загаженные газоны и клумбы, срубленные деревья, неубранный конский навоз. Двери Дворца культуры открыты настежь — там копошатся румыны, похоже, оборудуют конюшню. На базаре и по центру развешены немецкие приказы на русском языке, бросающиеся в глаза из-за разлапистого германского орла со свастикой — символа гитлеровской власти. Во дворах стояли автомашины, мотоциклы, военные повозки. Здания государственных учреждений теперь заняты административными структурами новой власти. В здании райисполкома восседает бургомистр и районный атаман. Атаман — бывший белогвардейский офицер, прощённый в своё время советской властью. В здании райотдела милиции находится районная полиция. Там, где был райфинотдел — станичная полиция. В здании дореволюционного казачьего правления обосновался станичный атаман. И, что убило Евдокию, им стал уважаемый в станице учитель математики Владимир Львович Черняк. Уже вовсю ходят в станице слухи о множественных бесчинствах «казачьей сотни». Ею командует бывший капитан Красной Армии — страстный кавалерист, неоднократно защищавший честь района на конных скачках в Краснодаре. Интересно, чем ему так насолила Советская власть, что он решился на предательство? Да и многие представители «новой» власти не особо были ущемлены Советской властью. В отличие от них, коллективизация достаточно жёстко прокатилась катком по семье Евдокии. Отец погиб в концлагере, что находился в 1932-33 годах на территории Ярморочной площади. Убили мужа старшей сестры, под расстрелом был дядя по линии матери. В застенках НКВД погиб дядя по линии отца. Старший брат сидел три года в тюрьме. Да и в семье мужа Фёдора дела были не лучше. Но его братья, близкие, дяди и брат Евдокии воюют, защищают Родину!

Многих из тех, кто ныне преданно служит немцам, Евдокия знала. Они жили в станице среди людей, получили от Советской власти прощение. Но оказалось, что они люто ненавидели ту самую власть. И в годину страшных испытаний эта вся мразь всплыла наружу грязной пеной. От них нельзя ждать ни сочувствия, ни сострадания. Как теперь жить под угрозой унижения, ареста, надвигающегося голода?! Ведь в станицу, с первых дней её существования, ещё ни разу не ступала вражеская нога. Страшное настало время.

Выслушав базарные новости и пройдясь по центру, так ничего и не купив, Евдокия в расстройстве вернулась домой, твёрдо решив, что на немцев она работать не будет. Пока нужно тянуть время, а там — видно будет. Но новости одна за другой обрушивались на голову. Оказалось, что два дня назад полицаи пытались арестовать жену полкового комиссара Дригана, оказавшуюся перед войной в станице и живущую на соседней улице. Дарья, так звали комиссаршу, успела убежать.

Дриган был военным. Война была его жизнью, его судьбой. Он вечно пребывал в тайных и дальних командировках. Его жена же была простой и сердечной женщиной, никогда «не задирала нос». Евдокия как-то была у Дарьи Андреевны в гостях. Очень поразилась богатству и обстановке в доме. Особенно её поразил радиоприёмник, стоявший на комоде. Патефон, хорошая посуда, азиатские ковры подчёркивали достаток в доме. Похвасталась Дарья Андреевна и отрезами шёлка, поплина, бостона, чесучи. Не скупясь, подарила Евдокии по отрезу поплина и штапеля и сказала, разоткровенничавшись: «Носи, Дуся, мне это всё не сносить. Знаешь, я своего мужа и до войны редко видела. Только во время отпуска, да на фотографиях, где две «шпалы» в петлицах бы-

стро пополнялись третьей, четвёртой, а потом и вовсе «ромбами». Где он только не побывал?! И на Халхин-Голе, и в Маньчжурии, и в Монголии, и в Китае. Ранен много раз. Молодой, а уже седой весь. Такая вот у него служба...»

И вот в поисках этой женщины полицаи перевернули всю округу, перетрясли все дворы. Пришли и во двор Евдокии. Да свёкор оказался не из робкого десятка. Оказалось, что двое полицаев ещё перед Первой мировой войной проходили службу по приготовительному разряду, где командиром полусотни как раз был Спиридон Трофимович. «Для порядку» позаглядывали по углам и удалились. Поиски не дали результатов. Тогда полицаи разграбили дом командира, растащив по домам чужое имущество. Потом жёны и дочки полицаев щеголяли в обновах, пошитых из украденных отрезов. Мародёры также вывезли всю мебель, не погнушались даже примусами и сковородками.

Таков был моральный облик прислужников оккупантов. Мародёрство, пренебрежение общественными формами человеческой морали были сутью этих подонков.

Случилось ещё одно событие. Став его участником, Евдокия только потом поняла, что её семья была на краю погибели.

Вечером, в тот день, когда приходили полицаи, Евдокия по просьбе свёкра полезла на чердак по высокой, но хлипковатой лестнице, чтобы набрать сухофруктов. За несколько часов до этого полноватый полицай не отважился подняться по ней на высокий чердак. Худенькая Евдокия вмиг очутилась с миской на чердаке. Наполнив миску, она заметила, что что-то шевельнулось за лежанкой. Она сначала подумала, что это коты. Но откуда им взяться, ведь чердак плотно закрывается. Тут она услышала шёпот: «Дуся, не бойся, это я, Дарья. Ушли эти изверги? Спасибо людям, что вовремя предупредили, и я успела удрать. Не знаю почему, но я выбрала ваш дом. Мне подумалось, что полицаи сунутся сюда в последнюю очередь. Можно, я побуду здесь хотя бы несколько дней, пока всё уляжется? Потом переберусь к родичам в другую станицу. Только своим ничего не говори». Чтобы успокоить Евдокию, она рассказала, что сначала пряталась в саду, а потом, улучив момент, взобралась «на горище». « А когда к вам припёрлись полицаи, перепугалась. Спасибо деду Спиридону, ловко он их отшил». Поведала о том, как ночью спускалась вниз и ходила домой, чтобы проверить, не оставили ли эти зверюки засаду. Как зашла в хату и увидела, что там всё разграблено. Подумала лишь, пусть подавятся.

Как в доме нашла немного сухарей, а на чердаке у Евдокии под трубою — кадушку с водой. Как переживала, чтобы не залаяла собака. Но она, слава Богу, оказалась глуховата.

Евдокия, придя в себя и успокоившись сама, стала утешать Дарью Андреевну и сказала ей, что сохранит их общую тайну и будет приносить еду.

Принося еду, Евдокия делилась с Дарьей новостями. Одна из них была вообще из ряда вон выходящей.

Незанятая колхозной работой и чтобы както выжить, Евдокия стала потихоньку шить людям из довоенных запасов платья, кофты, иногда даже фуфайки. Швейная машинка стояла у окна в зале. Однажды Евдокия услышала, как кто-то колотится в ворота. Ничего не ведая, она, бросив шитьё, выскочила через парадный вход во двор, на ходу чертыхаясь, что её отвлекли от работы. У ворот стояли два немца. Один был молодой, худой и высокий, в очках и белобрыс. Что-то в нём было неприятное, крысиное. Судя по ремням и пистолету на животе, он был офицером. Второй был гораздо старше, в куцем мышиного цвета мундире, с автоматом, похоже, солдат. У офицера был чёрный мундир, почему-то с одним погоном, и чёрная фуражка с черепом.

Евдокия, сама того не желая, выпалила с ходу: «Ну, чего стучите, что вам надо!?» И тут немец в чёрном взбеленился. Оказалось, что он знает русский язык и понял, что сказала Евдокия. Его слова были как удары хлыста: «Как смеешь ты так разговаривать с офицером германской армии?! Это вашему Сталину всего много надо. Он так ведёт себя со своими комиссарами». Распаляясь, он стал коверкать русские слова и перешёл на немецкую речь. Потом, расстегнув кобуру, он выхватил воронёный пистолет и, взведя курок, стал махать им перед лицом опешившей Евдокии. Всё могло бы закончиться трагично, если бы на крик не прибежал свёкор. Немного зная немецкий язык, он стал поочерёдно обращаться то к офицеру, то к солдату, выясняя, чего они хотят. Потом развив прыть, несвойственную пожилому человеку, уже через минуту нёс сито с куриными яйцами и кусок сала, тут же передав всё в руки солдату. Немцы переговорили между собой, затем офицер вложил пистолет в кобуру. Что говорил офицер — так и осталось загадкой. Солдат, культурно подталкивая старшего по званию, приглашал того двигаться дальше. Вскоре они оба уже шагали вдоль улицы дальше.

Долго ещё Евдокия приходила в себя, получив вдобавок выговор и от свёкра. Вечером,

передавая Дарье новости, она рассказала и о визите немцев, на что Дарья ответила, что наиболее громкую часть их разговора она слышала сидя на чердаке.

По станице шли аресты. Свекровь принесла новость, что на улице арестовали учительницу — бывшую активистку, да к тому же партийную. Шёпотом передавали слух о том, что за станицей, на территории пенькозавода, немцы с полицаями расстреливают людей. Бабушка Харитоновна, подруга свекрови (все её звали баба Соня), сообщила, что первыми арестовали тех, кто в голодовку «дуже катував людэй», как она выразилась. Кто-то их попросту сдал. А ещё она добавила: «Так нимцям дуже хотилось, шоб мы сами покончалы сэбэ, та шось у йих ны пийшло. Бо, здав «скаженних активистив», люды ны сталы губыть бизвынных. Ну и шо, як вин був большовык? Над людямы ж ны здивався! Так його, наоборот, нада спасать, а ны губыть рукамы нимцив». И добавила: «Дитка, у станыцю прыбулы якись страшни каты, уси у чёрному, называицця нимэцька гистапа. Воны всамделишни палачи, извиргы. Оци крови прольють нымало. Вы, дитка, на роботи,на выду. Бырыжить сэбэ». Рассказав печальные новости Дарье, Евдокия покинула чердак.

На следующий день к Евдокии явились полицаи с приказом выходить на работу в свой колхоз. Там тоже были новые порядки. Но вели себя полицаи сдержанно, потому что один из них хорошо знал свёкра. Именно он посоветовал, чтобы с новой властью не шутили, а то можно угодить в Германию. И, если хочешь быть живым, то работай. С этим и разошлись.

Евдокия поняла, что надо спасать не только себя, но и близких, а ещё ту, что «квартирует на горищи».

Утром Евдокия вышла в свою бригаду. Она сразу увидела, как с неохотой работают бывшие колхозники. Раньше молотьба была праздником. А теперь снопы свалены в кучу, часть зерна уже осыпалась. Это тот урожай, что не успели сжечь перед приходом немцев. Зерно не высохло. Выход зерна, естественно, невысок. А то зерно, что намолотили девчата, ссыпали в склад с продырявленной крышей. Пошли дожди, всё зерно намокло. Ох и бесился назначенный немцами староста колхоза, угрожая расправой, но ему быстро закрыли рот. Дескать, ты такой умный, а склад отремонтировать не удосужился. Этим всё и закончилось.

Виновники поняли, что на этот раз пронесло. Но другого такого раза уже не будет.

Шли дни, всё ближе к осени. Как-то поднявшись по привычке на чердак, Евдокия не обнаружила затворницы. Осталась записка угольком на фронтоне: «За всё спасибо, я перед вами в неоплатном долгу». Евдокия произнесла со вздохом: «Где теперь она будет обитать? Только бы не попала в лапы подлых полицаев». Потом вздохнула немного свободнее. Хотя выживать в условиях оккупации было крайне трудно.

Немцы запустили мельницу, но жителям молоть зерно не разрешают, Только суржу, да и то по полпуда в месяц. Зато полицаи имеют все

привилегии. Ещё по станице прошёл слух, что новая власть будет раздавать единоличникам землю, тем, кто лоялен к «новому немецкому порядку». Нашлись и те, кто стал утверждать, что немцы распустят колхозы, а землю раздадут всем желающим. Этот вопрос возник и в бригаде, где трудилась Евдокия. И тут нашлись такие, кто стал строить на этот счёт свои планы. Евдокия не успела их оборвать, как в разговор вступила известная всем Дарья Еремеевна: «Бачу, шо кой-кому дуже забажалось дармовои зэмэлькы из нимэцькых рук. Так шо я вам скажу, вы рот дуже ны роззивляйтэ на дурныцю. Нихто вам йийи роздавать ны собыраиццця. Ны за тим прыпэрлысь сюда нимци, шоб ощаслывыть вас дуракив. Скоро прылытять сюда йих нимэцьки паны, як шо успиють. А вам нарижуть по два метра, як шо дуже будытэ трэбувать. А наши прыйдуть — потом кой кому за зэмэльку надыруть отэ мисто, шо поныжче спыны. Прояснять, як положено. А то ще може й шо похуже. Отправлять на Соловкы — там тундры багато. А шоб було усим понятно, то нимци далы по куску зэмли усёго двум дуже прэданным полицаям. Оце и всэ».

Закончив долгую тираду, Еремеевна степенно удалилась. А болтуны и фантазёры пристыженно молчали. Большинство же ненавидели не только немцев, но и румын, грабивших население. Такие больше помалкивали, а втихую делали своё. Самым простым был скрытый саботаж — видимость работы. Глядя на суетившихся в чрезмерном усердии старосту колхоза и его приспешников, подруга Евдокии, Полина, сказала: «Дывыся, як воны гады выслужуюцця. Замурдувалы нас своею молотьбою. И так спозаранку до самого тэмна спыны ны выпрямляемо. Я йим, гадам, зроблю обмолоты...» Сказала, а через день в разгар работы в молотилке что-то заскрежетало и она остановилась. Прибежал бригадир с двумя холуями, поохали, поохали, да и поехали за кузнецом. Тот и извлёк из барабана железный шкворень. Примчался староста: крики, ругань. Евдокия объяснила, что всему виною спешка. «Надо было проверять снопы, а вы всё гоните и гоните. Вот и догнались. Где-то в сноп попала железяка, которая, возможно, отвалилась от жатки».

Потом три дня шли дожди. Разворошенные снопы промокли. Тогда Поля сказала Евдокии: «Дуся, Бог за нас. Пусть гады покашляют. Йим нови хозяины надають по бокам за таку роботу — будуть знать».

Но, наверное, не в одном бывшем «Ворошилове» был саботаж. Чуть погодя примчались полицаи. Красномордые, откормленные, и лошади им под стать. Сообщили, что поступил приказ направить как можно больше колхозников в бывший колхоз «Большевик». Там, у конторы, немцы проводят собрание. Кто не явится, будут наказаны.

Хоть туда и далеко идти, но надо. Добирались кто на чём: кто на арбах, кто на шарабанах, кто пешком. Девчата перемолвились: «Нам абы ны робыть. Послухаимо, шо воны скажуть.»

Когда добрались, то у правления уже собралась приличная толпа. В основном, старики да женщины, да ещё дети и подростки. Всем заправлял крепкотелый субъект в казачьей форме — начальник станичной полиции по фамилии Брыж. Возле него стоял тощий немец в офицерской форме, да ещё пара немцев. А ретивые полицаи с матом осаждали толпу.

Вскоре вывели двух молодых хлопцев, оставив их под конвоем. Двое полицаев вынесли широкую лавку, установив её в середине круга. В толпе стали шептаться. Недоумение сменилось тревогой. Что они ещё затеяли? Похоже, хорошего ничего не ожидается. И тут кто-то сказал: «Пороть будут, как при царе!»

Вперёд выступил офицер. А переводчик громко, но монотонно бросал в толпу слова. Мол, двое саботажников отказались работать на великую Германию и за это заслуживают смертной казни. Но атаман и начальник полиции похлопотали за них перед господином комендантом о помиловании. Но виновников всё же решили примерно наказать по старым обычаям казаков. Господин Энгель велел объявить, что всех саботажников ждёт такая же участь. И велел приступить к наказанию.

Вперёд вышел начальник полиции, раздавая команды своим подчинённым. Они накинулись на одного из парней, сорвали с него одежду и привязали к лавке. Два полицая встали с плётками, и последовала серия хлёстких ударов по обнажённому телу. На теле парня забугрились багровые рубцы. Один из полицаев стал считать удары. Сцепив зубы, паренёк держался изо всех сил, и только раз у него вырвался стон. Второй стоял бледный с потухшим взглядом, понимая воочию, какая участь его ждёт.

Евдокия с состраданием смотрела на исполосованное тело, и глухая ненависть закипала в ней. Надо им гадам вредить, но делать это умело, так, чтобы не попасться. А когда наши придут, то этих красномордых сволочей будем судить по самым строгим законам. Пощады им не будет. Очнувшись, она увидела, что потерявшего сознание парня уже уносят. Настала очередь другого. Посмотрев на вздрагивавшее тело, Евдокия поняла, что этот паренёк послабее. Двух полицаев, выполнявших свою подлую работу без особого усердия, сменили двое верзил с мордами далёкими к выражению сочувствия. После двух тяжёлых ударов стало ясно, что это безжалостные изверги. На теле наказуемого сразу же появились кровавые рубцы. Особенно старался рыжий с закатанными рукавами и волосатыми ручищами. Паренёк вначале пытался держаться, но потом стал вскрикивать с каждым ударом. А потом и вовсе замолчал. По толпе прошёл ропот: «Изверги, палачи! Хватит казнить!» Полицаи ринулись в толпу, норовя найти зачинщиков. Люди стали разбегаться. Полицаи — сгонять. Началась неразбериха.

Евдокия с девчатами юркнули в переулок, где их ждала арба. Попрыгав в неё, они помчались во весь опор, на который были способны их далеко не лучшие лошади.

На следующий день колхозный староста собрал людей и стал самодовольно комментировать экзекуцию у колхозного правления. Колхозники слушали молча, молча и разошлись. Да только, видно, ничего не забыли. Потому как тот самый староста исчез потом на целую неделю, а явился потухший, с перебинтованной головой.

Куда-то исчезла его былая прыть, даже голос поменялся. Пряча усмешки, колхозники сделали вид, что ничего не заметили. Только вездесущая Горпина Карповна тихонько поведала: «Ой, девчата, довыслужувався пырыд нимцямы староста наш. Хтось дэбэло управыв йому мозгы крипкою чистоколыною. Та так гарно, шо вин, бидный, насылу оклыгав. И от цього у його у голови шось зробылося.» И действительно, был староста слегка не в себе, представ после болезни с ликом, наполненным кротостью и миролюбием. А вот три ближайших приспешника старосты, в том числе и доверенный бригадир, вообще «потухли». Евдокия была особо довольна: именно у неё сложились неприязненные взаимоотношения с тем самым бригадиром.

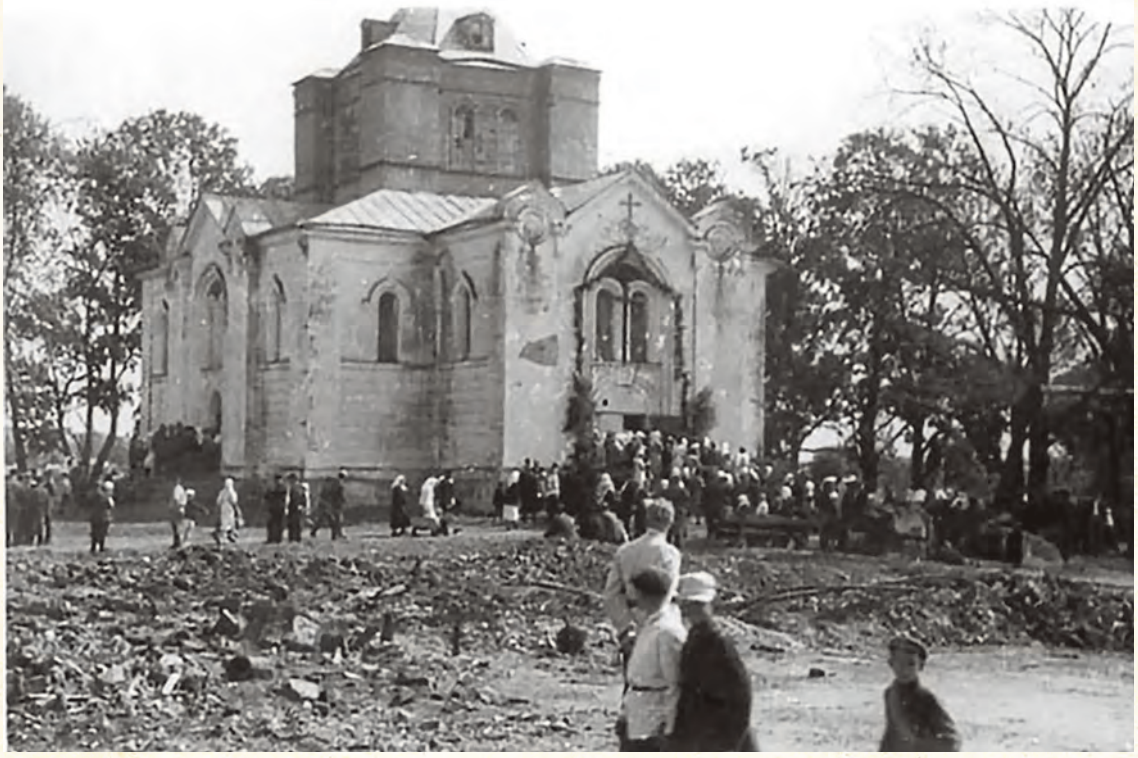
Только обсудили колхозники животрепещущую тему, как появилась новая. Одна из колхозниц рассказала о том, что на Бакае случилось удивительное происшествие. У многодетной вдовы румыны хотели увести кормилицу семьи — корову. От этого шум стоял на всю улицу. Корова ревёт. Её, упирающуюся, тащат румыны. Женщина, голося на всю улицу, удерживает корову. Все шестеро детей (мал мала меньше) кричат криком, да так, что мороз по коже. И как раз на это событие «нагодылысь» два немца. Один молодой, белобрысый, в очках, весь наглаженный. В одной руке у него стэк (такая тросточка), а в другой — перчатки. И он этим-то хлыстиком похлопывает по голенищу начищенного до блеска сапога. Похоже по всему, немец — в немалых чинах. Его чёрная форма так и «вылыскуицця». Рядом с офицером был пожилой солдат с автоматом. Немец-офицер, став в «собачью стойку», жестом подозвал румынского капрала.

Тот, расхристанный, не торопясь, подошёл вразвалочку. Явно забыл своё место мерзавец. Немец стал резко отчитывать румына, а тот и ухом не ведёт, стоя скособочившись. У немца терпение, по-видимому, закончилось. Он, не прекращая общения, натянул перчатку на левую руку и, сделав резкий выпад, заехал румыну в морду. Румын сразу «слетел с копыт», пропахав своей «физией» по дороге. После резкого окрика он вскочил на ноги, вытянув руки по швам. Видимо, этого офицеру было мало, ибо следующим был удар под солнечное сплетение. На этот раз «отдых» был более продолжительным. Для полного впечатления немец несколько раз перетянул румына стэком. С трудом поднявшись после грозного окрика, румын поковылял к своим солдатам, на ходу раздавая зуботычины. Те разом бросили корову и опрометью кинулись в разные стороны. А офицер как ни в чём не бывало снял с руки кожаную перчатку и с брезгливой миной отбросил её в сторону. Проследив, как женщина повела корову во двор, он что-то сказал солдату. Оба, засмеявшись, пошли вдоль улицы.

Выслушав рассказ, женщины заговорили о наболевшей теме. Станица давно стонет от бесчинства румын. Смеясь и плача, они сошлись во мнении, что немцы тоже бывают разные. Этот хоть и молодой, а сочувствие имеет. Выходит, не все фашисты палачи. А свои, что служат полицаями, похлеще оккупантов. На головы несчастных жителей, оказавшихся в оккупации, свалилось столько бед и несчастий, что на три жизни хватило бы. Попрежнему ходят слухи об арестах и расстрелах людей на лубзаводе. Оказывается, что один парень видел, как убивают людей.

А недавно Евдокии передали порядком потрёпанное письмо. Причём, достаточно странное — без обратного адреса. Судя по количеству рук, в которых оно побывало, можно было лишь догадываться, что почта тут ни при чём. На клочке бумаги химическим карандашом было написано прощальное послание. Евдокия сразу даже не поняла, что это весточка от бывших квартирантов, беженцев из Ленинграда. Похоже, писала Гольда Абрамовна. Она сообщала, что их семья попала в плен к фашистам и находится в гетто. Кривые строки заплясали у Евдокии перед глазами. Строки письма полны трагизма. В первые дни они потеряли ребёнка, а вскоре — Исаака Абрамовича. Потом мужчин всех куда-то увели и о них ничего неизвестно. Голод и болезни косят всех подряд. Глава семьи перед смертью наказал написать это письмо и поклониться Евдокии, Александре Васильевне и Спиридону Трофимовичу. Наказ старика Исаака Ароновича гласил: «Если кто из семьи Таубергов уцелеет, то они обязательно найдут дорогу к Вашему дому». Читая письмо, Евдокия почувствовала холодок обречённости. Ведь она была уверена, что их эвакуировали в безопасное место. Так жалко этих исстрадавшихся людей! Это страшная война, в которой гибнут миллионы ни в чём не повинных людей. Именно она отразила с одной стороны — стойкость и величие духа, с другой — предательство, подлость и мерзость.

Но это всё в плане глобальном. В местном же состоялась свадьба у районного бургомистра, который выдавал свою дочку за немецкого офицера. Молодых отправили в церковь на шикарной тачанке в сопровождении почётного эскорта полицаев из «казачьей сотни». Те, добротно одетые, на хороших лошадях с гиком и казачьими песнями демонстрировали незыблемость и успешность новой власти, власти насилия, террора, грабежа и издевательств. В толпе приглашённых были немецкие и румынские офицеры, представители комендатуры, чиновники оккупационной администрации с жёнами. Играла громко музыка. Столы ломились от избытка спиртного и закусок. Короче, пир во время чумы, да и только. Ведь в это время жителей станицы



грабили, расстреливали, подвергали истязаниям и пыткам. Немцы, они хитрые, взвалили всю грязную и чёрную работу на полицейский корпус. А во взаимоотношениях с населением создают иллюзию свободы и лояльности. Они открыли церковь, разрешили частную торговлю, рынок. Одновременно введены налоги на жильё и землю, да ещё на животных. Даже за кошку нужно платить 25 рублей, а за собаку — целых 50. Каждое крестьянское хозяйство должно платить натуральный налог в виде молока, яиц, мяса и шерсти. Часты реквизиции для нужд немецкой армии тёплой одежды. Для всех жителей района введена повинность, которую необходимо отбывать на бывших колхозных полях. Сами колхозы стали своеобразным придатком экономики Германии. Оккупанты бесцеремонно изымают в колхозах зерно, скотину, даже металл. А те, кто работает на немцев, пребывают на грани голодной смерти. За неповиновение неизбежно наказание — расстрел или отправка в концлагерь. Всё это время не прекращается охота на семьи коммунистов, офицеров, политработников. Идёт преследование комсомольцев. С комсомольскими вожаками фашисты не церемонились — большинство расстреляно. Новая власть всё туже затягивает удавку на шее народа. На улице Почтовой, где живёт Евдокия, недавно арестовали молодую учительницу только за то, что она была депутатом сельсовета. Страшно жить под угрозой и ждать, что за тобою в любое время могут явиться каратели и увезти туда, откуда ещё никто не вернулся. Был человек — и нет его. Обдумывая происходящее, Евдокия всё больше и больше проникалась ненавистью не только к немцам, но и к их верным псам — полицаям. При этом она верила, что близок час возмездия. И вера помогала ей жить на этом свете. И оно, это долгожданное отмщение, наступит уже скоро. Подтверждением этому была неконтролируемая нервозность в действиях предателей. Ну, а румыны — те и вовсе «слетели с катушек». Недавно они сделали налёт на колхоз имени Ворошилова, да только поживиться было особо нечем. Разве что последняя пара племенных лошадей. Если бы не нестабильность положения немцев, они бы задали румынам, вторгшимся «в сферу экономических интересов рейха». На возмущения бывших колхозников «орлы маршала Антонеску» просто не реагировали. Подруга Евдокии — Полина вообще готова была вцепиться в глотку плюгавого румына, командовавшего мародёрами, забравшими последнего племенного жеребца. Она предложила Евдокии вернуть лошадей, выкрав их у румын по принципу «вор у вора украв». На том и порешили. Три дня девчата выслеживали румын, выжидая благополучного момента. Подмогою стала тёмная ночь, да оккупанты перепились по какому-то случаю. Кони, почувствовав своих, не выдали себя ни единым звуком. Всё сложилось удачно, прямо как в кино. Лошадей спрятали у знакомых на полевом стане бригады колхоза имени Фрунзе. Место было неприметное, со спуском в балку, поросшую камышами и рогозом. Нашлось и небольшое строение, вероятно, сгинувших «на высылке».

Оришка, жившая в бригаде, обещала заботиться о животных. И если девчата подвезут сена, то будет очень даже неплохо. Надо пережить немного, по всему, похоже, оккупантам уже недолго осталось хозяиновать. Придут наши — придётся возрождать колхозы, и коням этим цены не будет.

Со средины января морозы стали крепчать, занесло все дороги. У жителей — ни света, ни топлива, ни еды. У одних полицаев всего вдоволь. Кто-то из них проболтался, что перед Челбасской был выброшен «красный десант», и что на территории колхоза «Большевик» был бой. Часть парашютистов погибла, а нескольких, сильно обмороженных, полицаи захватили в плен. Тепло одетые, откормленные предатели разъезжали на санях по всей округе, ожидая встречи с другим десантом.

Жителям и горько, и радостно. Горько за парашютистов. А радостно, что скоро сюда придёт Красная Армия. Оттого-то и звереют фашистские пособники, что чуют свою погибель.

До жителей станицы дошёл слух, что полицаи вместе с немцами расстреляли в станице Новоминской больше 100 человек евреев. Произошло ещё одно событие, расставившее акценты в череде последних событий. Молодая колхозница из «Политотдельца» во время облавы была схвачена на базаре без документов. Полицаи посадили её в тюремный застенок, а потом заставили делать уборку в помещениях гестапо. Там она видела, как, очевидно, с допросов волокли покалеченных молодых людей в остатках военной формы. Узницу заставили делать уборку в комнате, где шли допросы. То, что она увидела там, ввергло её в шок. Мало того, что там было всё в крови: и стены, и потолок; на полу она нашла отрезанное человеческое ухо. Она с трудом помнила, как потом вырвалась на волю. Страх помог ей добраться домой. Когда дома она осознала всё произошедшее, её начало трясти так, что она потеряла ощущение реальности и стала бредить. И, если бы не бабушка Евстратьевна, «отшептавшая» испуг, дело могло бы кончиться плохо.

В один из дней последней недели января 1943 года каневчане услышали отдалённый гул артиллерийской канонады. Становилось всё яснее, что дни пребывания оккупантов сочтены. Через станицу стали всё чаще проходить потрёпанные маршевые соединения немцев и румын. В один из вечеров группа с двумя подводами и несколькими верховыми лошадьми остановилась у ворот дома Евдокии. Замёрзшие, небритые, в куцых шинелишках, какие-то замученные и, похоже, голодные, бесславные воины не менее бесславного маршала Антонеску, просились на постой. Вели они себя без присущей им наглости, совсем скромно. Вышедший к ним дед Спиридон только покачал головой. Делать было нечего, так как их дом был самый большой в округе, на постой пустили. В самой большой общей комнате, где топилась печь, настелили соломы, и солдаты «покотом» улеглись на полу. Один из них, немного знавший русский язык, беседовал со Спиридоном Трофимовичем. Евдокия, бывшая неподалёку, слышала весь разговор.

Оказывается, для пожилого солдата это была не первая война. То, о чём он говорил, вызвало у Евдокии сначала радость, а потом

и сострадание. Такой же, как и она, хлебороб, не по своей воле взял в руки винтовку. Проклиная Гитлера, он не жалел слов негодования в адрес военного министра Антонеску, называя его псом. Винил Гитлера в том, что он развязал мировую войну; а Антонеску — за участие в войне Румынии. Ища сочувствия, он стал перечислять всех своих десятерых детей, загибая пальцы рук. Загнув мизинец, он запричитал, что его самому младшему сыну всего два года. В его семье не каждый день бывает мамалыга, живут, по сути, впроголодь. И он, многодетный отец, ненавидит эту войну, оторвавшую его от семьи, от крестьянского труда. До войны в его хозяйстве была всего одна лошадь и клочок земли, где он сеял кукурузу и немного пшеницы. Им тогда, в мирное время, хлеба не хватало. А по нынешним временам — и говорить не приходится, потому, как его хозяйство разорено войною до конца.

Утром румыны стали собираться в дорогу, попросив сена для лошадей. Евдокия, подоившая перед этим корову, налила им в два котелка молока. Прощаясь, тот самый солдат, поблагодарив за сено и молоко, сказал: «Передай спасибо вуйку, что приютил нас на ночь, а тебе, домна, желаю, чтобы с войны живым пришёл твой хозяин...» А сам вытер грязным обшлагом шинели набежавшие слёзы. Евдокия долго глядела им вослед, и в её душе не было ненависти к несчастным людям, ставшими заложниками затеянной Гитлером военной авантюры, воюя по принуждению против её Родины.

Шли последние дни января. Невыносимо трудно жить, а ещё труднее уцелеть. Уцелеть в этом аду бесчинств, поборов и издевательств со стороны полицаев, бесившихся от безысходности. Кто-то из ведомства бургомистра сообщил, что «чёрная сотня» планирует учинить резню, так сказать, на прощанье вырезать все семьи «городовыкив и комысарив». Да только слух дошёл прежде всего до предполагаемых жертв, вовремя исчезнувших из станицы. Короче, акция провалилась, потому что времени на поиски у полицаев уже не было. На базаре, куда Евдокия вырвалась за новостями, ей сообщили, что на Мыгрынке уже повесились два полицая, боясь возмездия за предательство и все подлости. Ясно, что наши войска будут со дня на день. Уходить в спешном порядке стали и немцы. Их путь, по всей вероятности, лежит в сторону Краснодара.

И вот пришёл тот самый день освобождения, запомнившийся нашей героине на всю жизнь. Об этом сообщило устное радио. Было утро четвёртого февраля, когда каневчане увидели воинов-освободителей. Это произошло в центре станицы, куда стекался весь народ. Худые, небритые, уставшие, в поношенном обмундировании — на их лицах была отражена вся тяжесть войны, скорбь по погибшим товарищам, горечь поражений и радость последних побед. Оккупанты катятся теперь от самого Сталинграда. Их гонят наши войска и с Кубани. Пусть станицу Каневскую взяли без боя, но от этого значимость победы не уменьшилась. Жители плакали от счастья, обнимали своих освободителей, совали им еду и благодарили, благодарили...

Продолжение следует.

Владимир САЯПИН

МАЛЬЧИШКИ… МАЛЬЧИШКИ…

Читая мораль нынешней молодёжи, поколение старших, к которым я уже, увы, справедливо отношу себя, грешит впадением в две крайности. Строго критикуя, спешит молодым навешать ярлыков за бездушность, интернетное помешательство, цинизм и т.д. Про себя же сообщают, что в период своего расцвета были белыми и пушистыми. А ведь было всякое...

…И дрались мы, и покуривали, и винца с друзьями могли выпить по стаканчику в парке на скамейке перед танцами, не допьяна, а так, для веселья. Единственно чего не пили — водки и пива плохого. Тем более, что плохого тогда не было, но увидеть молодого человека, хлебающего пиво из бутылки прилюдно было невозможно. Это считалось признаком дурного тона. Обходились напитком, теперь уже для молодёжи почти неизвестным, экзотическим. Дело в том, что в те времена виноградники были, почитай, в каждом дворе, и все делали домашнее слабенькое, но ароматное вино из «Изабеллы». Кто лакомился сам, а кто, потихоньку и недорого, приторговывал им в поддержку бюджета семейного. Такие дворы мы знали наперечёт и были там желанными покупателями. Буквально за символическую плату пацанячья компания приобретала трёхлитровый баллончик в расчёте на восемьдесять душ. Некоторые хозяева давали и лёгкую закуску в виде краюхи хлеба и нескольких помидоров. Компания, продегустировав напиток, направлялась на танцплощадку, не столько хмельная, сколько спаянная и единая, что нередко выливалось в конфликт с ровесниками с «чужого края». Дрались не жестоко, но от души. Особенно, если ещё и девчонки видели удаль богатырскую…

Моя компания, как заведено, брала вино у деда Василия, жившего возле Калининского парка, у танцплощадки. Вино у него было хорошее, он не грешил всякими включениями в виде табака «для крепости», потому и голова не болела, и дурно не было. Как-то раз, в тёплый летний вечер, дед Вася, отдавая нам баллон и немудрённую закуску, вдруг спросил: «Хлопцы, а кто из вас знает песню «Мальчишки»? Я, как самый музыкальный из всех, поднял руку. «А ну, заспивай!»

Я звонким пацанячьим голосом запел: «Рисует узоры мороз на оконном стекле, но нашим мальчишкам сидеть не по нраву в тепле»… И дальше, как они «несутся по снежным горам»… Так потихоньку и добрались до последнего куплета, в котором поётся, как мальчишки в солдатских шинелях ушли от невест и первыми ринулись в бой, страну заслонив собой. Видим — дедушка стоит и морщинистой рукой вытирает глаза. «Вы, хлопцы того…грошей нэ трэба. Спасыбо за писню». Повернулся и шаркающей походкой пошёл к дому…

Мы расположились на скамейке парка, невдалеке. Несколько смущённые, как будто нечаянно подглядевшие чью-то тайну. Нужно ли говорить — как мы были изумлены, выпив по стакашку, услышав невдалеке чей-то мальчишеский звонкий голос , выводивший: «Мальчишки, мальчишки…» Мы засмеялись, с облегчением сознавая, что кому-то ещё повезло на бесплатное угощение.

С тех пор мы частенько заглядывали к деду Василию на огонёк. Надо сказать, что нам было весьма неудобно угощаться на дармовщинку. Тем более, что хозяин стал приглашать за стол под абрикосом, круглый, так называемый «сырно». Мы обязательно оставляли деньги под опустевшим баллоном. Дед Вася потом сильно ругался, но надо сказать, что закуска всегда была обеспечена и доброе отношение тоже. Надо было только исполнить для хозяина его любимую песню. Не открою секрета, если скажу, что не мы одни пользовались добрым расположением хозяина и часто, вечерком, можно было услышать чьё-то, не наше исполнение легендарной песни…

Прошли годы. Закончив институт я вернулся в станицу, где и работал инженером в колхозе. Изредка, собираясь компанией друзей юности, мы с теплом вспоминали по-хорошему странноватого нашего деда Васю. Надо ли говорить, что проезжая мимо его дома, и увидев его сидящим на скамье у забора, мы останавливались перебросится словцом, выкурить по сигаретке. Он был для нас частицей нашей ушедшей юности, доброй памяти о днях прошедших.

В один из осенних вечеров, в пору, когда деревья приобрели золотой окрас, но ещё ни один лист не опал, мне позвонил друг, сообщивший весть о том, что старый солдат, наш друг умер и похороны завтра… Купив венок, я подъехал ко двору деда Васи. С изумлением увидел, что проводить его пришло очень много людей, из которых большую часть составляют мои ровесники. Знакомые и незнакомые.

Уже священник справил свой немудрёный обряд. К гробу подходили, прощаясь, родные и близкие деда Васи. Уже накрыли гроб крышкой, стали заводить под днище его рушники-верёвки, и в этот момент несколько бывших ребят, уже с седыми волосами, со мной в том числе, не сговариваясь, запели: «Мальчишки, мальчишки! Ну как не завидовать вам». Мы пели с мокрыми глазами, а люди вокруг плакали, не стесняясь.

На удивление на подушечке, которую держал в руках мальчонка, оказалось немало боевых наград…

После поминок мы, пацаны 70-х, с трудом нашли у кого-то домашнего вина, сели в одну машину и поехали в наш парк на нашу скамейку. Где из одного гранёного стакана и помянули нашего доброго старого друга. И, конечно же, спели «Мальчишек» от начала и до конца, ощущая непередаваемые грусть и тепло на душе по уходящему невозвратно своему хорошему прошлому, где мы были ещё намного добрее. Намного…

Николай МРИНСКИЙ

КУБАНСКИЕ КАЗАКИ В ВОЙНЕ 1941–1945 гг.

После октябрьской революции 1917 года казачество было объявлено «контрреволюционным сословием» наряду с дворянством. Последовали жестокие репрессии. Однако уже в 1935 г. в составе кавалерии РККА были возрождены казачьи части. Но казаки появились лишь в коннице, как компактные воинские подразделения, а не культурно-экономические сообщества.

К июню 1941 г. в результате реформирования кавалерийских частей, с учётом итогов советско-финской и первого периода второй мировой войн, в составе Красной Армии осталось 4 кавкорпуса по 2-3 кавдивизии в каждом, всего 13 кавдивизий (в том числе 4 горно-кавалерийские). По штату корпус имел свыше 19 тыс. чел., 16 тыс. лошадей, 128 лёгких танков, 44 бронемашины, 64 полевых, 32 противотанковых и 40 зенитных орудий, 128 миномётов, хотя фактический боевой состав был меньше штатного. Большая часть личного состава кавалерийских соединений комплектовалась из казачьих областей страны и республик Кавказа. 6-й Кубано-Терской казачьей дивизии генерал-майора М.П. Константинова первой из кубанских соединений довелось вступить в боевые действия с противником на территории Белоруссии. В дивизию входили полки: 3-й Белореченский, 48-й Белоглинский, 94-й Север-Донецкий, Кубанские, 152-й Ростовский, Терский казачий кавалерийский, 35-й Кубанский казачий танковый полк, 15-й Терский казачий конно-артиллерийский дивизион, 17-й Терский казачий сапёрный эскадрон, 39-й отдельный Терский казачий эскадрон и более мелкие подразделения. По штату дивизии полагалось 9240 чел. личного состава, 64 лёгких танка, 18 бронемашин, 32 полевых и 16 противотанковых зенитных орудий, 64 миномёта, но фактически в подчинении генерала Константинова служило около 6 тыс. чел. По тревоге части дивизии были подняты в 3 часа ночи 22 июня 1941 г., и уже через час сражались с солдатами вермахта, наступавшими в направлении города Ломжи. Первым принял удар Белоглинский казачий полк подполковника Н.Г. Петросьянца, затем ему на помощь подошли Белореченский и Терский казачьи полки подполковников В.В. Рудницкого и Н.И. Алексеева. Казаки спешились и, заняв оборону на широком фронте, завязали упорный бой. Несмотря на превосходящие силы врага, они отражали его яростные атаки, отбрасывали немецкую пехоту огнём и штыковыми ударами.

Командир 6-го казачьего кавкорпуса генерал-майор И.С. Никитин, в чьём подчинении находились 36 кавдивизия и 6-я Кубано-Терская, утверждал: «Конники превосходно дрались. Они буквально усеяли землю вражескими трупами и ни на один шаг не отступили». Но численное превосходство, несмотря на прибытие 35-го танкового полка, оставалось за немцами. Понеся потери, 6-я кавдивизия вынужденно стала отходить на Белосток. Не имевшие никакого прикрытия с воздуха, её части попали под удар вражеской авиации, были отрезаны и практически полностью уничтожены. В конце

июня 1941 г. на стратегическом шоссе Белосток-Волковыск-Слоним разыгралась героическая трагедия, по жертвенности и мужеству равнозначная Бресту, а по масштабу и боевому эффекту превосходящая его. Это — зельвенская переправа, зельвенский прорыв. Зельва — старинное местечко на древнем тракте, ведущем из глубины Польши в недра России, через Белосток, Слоним, Барановичи, Минск — к Смоленску и Москве. Зельва стоит на западном берегу неширокой, но очень болотистой р. Зельвянке. Именно эта река, впадающая в Неман, стала водоразделом жизни и смерти для десятков тысяч советских солдат... Никогда доселе в истории войн не было такой массы войск, двигавшихся по одной дороге. Полки, дивизии, корпуса трёх армий заполняли шоссе так, что немецкие воздушные разведчики не видели начала этого исхода даже с высоты полёта. «Это намного превышает шестьдесят километров», — с тревогой сообщали они в своих донесениях. Во всю ширину дороги двигались грузовики и танки, колонны пехоты и кавалерии, тягачи с орудиями и санитарные фургоны, телеги с беженцами и машины с армейским имуществом... Это был великий кровавый исход из стратегической западни «Белостокского выступа» — глубоко вклинившейся в германскую территорию новой белорусской обл. Сотни тысяч людей двигались на восток из Белостока в Слоним по стокилометровому участку шоссе, пока не остановились в Зельве перед взорванными мостами...

Никогда доселе в истории войн не было столь убийственного избиения войск с воздуха. Немецкие пикирующие бомбардировщики совершенно безнаказанно налетали волна за волной. Спасения от них не было ни в кюветах, ни в придорожных кустах, ни в перелесках. На сто километров обочины этой дороги были едва ли не сплошь устланы телами погибших, завалены остовами сожжённых машин, сгоревшими танками, искалеченной техникой. Такого кровавого исхода в истории войн ещё не было, не было и такой ярости, с какой брошенные на произвол судьбы войска прорывали вражеские заслоны. Немецкие врачи, обследуя трупы своих солдат, с ужасом отмечали, что у некоторых были перегрызены горла. Зубами! Таков был накал ярости, отчаяния и гнева. Вермахт попытался перекрыть путь этому человеческому потоку, используя Зельвянку, как естественную преграду. Из «белостокского мешка» был только один выход — через «горловину» Зельва-Слоним. И эту горловину немцы изо всех сил пытались затянуть потуже. Никогда доселе в истории войн не было и такой кавалерийской атаки: сабельные эскадроны мчались на пулемётный батальон немецких мотоциклистов. Лавина огня в пятьдесят пулемётных стволов встретила казачью лаву. Конники рубили мотоциклистов, а всадники механических «коней» косили всё живое, что попадалось в их прицелы. Пулемёты молотили с высокой скорострельностью. «Страшнее никто ничего

не видел. — писал в дневнике немецкий офицер. — Ржанье лошадей. Нет, это не ржанье — лошади кричат, кричат от боли рвущейся на куски плоти. Падают, давя, сбивая с ног друг друга, усаживаются на прошитые пулемётами зады, судорожно молотя воздух передними копытами. «Огонь!» Надо кончать это дело. Кончать. Тем, кто находится у противотанковой пушки, легче — танки, по крайней мере, не вопят». Публичное молчание о Зельве, о зельвенском прорыве длилось 70 лет. Историки знали об этом, но партийные идеологи не усмотрели в боях под Зельвой ничего героического; посчитали её чёрным пятном в летописях победоносной Красной Армии.

Но это далеко не так. Подвигом, равнозначным обороне Брестской крепости, было то, что войска, казалось бы, в безвыходном положении — без связи и общего командования, находясь под постоянными ударами с воздуха, сумели сплотиться и провести комбинированный удар по немецким заслонам, собрав в единый кулак пехоту, танки, кавалерию и даже два бронепоезда. Ценой огромных потерь обречённые бойцы всё же сумели вырваться из стянутой горловины «белостокского мешка». Разгромили 107-й немецкий пехотный полк и, потрепав другие части, вышли, пусть без тяжелой техники, к своим, приняли потом участие в последующих боях. А полегший казачий полк сумел сохранить своё знамя. Спрятанное под мостом через Зельвянку, оно сохранилось до наших дней, было найдено и передано в Минский музей Великой Отечественной войны (из репортажа Николая Черкашина от 23 янв. 2019 г. — эл. газета «Столетие»). Судьбы попавших в окружение кавалеристов сложились по-разному, многие погибли в оборонитель-

ных боях, умерли от ран и болезней, попали в плен, другие вступили в партизанские отряды. И лишь некоторым удалось пробиться к своим. Командир Кубанско-Терской казачьей дивизии М.П. Константинов после ранения, полученного в первые дни войны, был вынужден перейти к партизанам и полтора года руководил в Белоруссии партизанским отрядом. В 1944 г. при освобождении Белоруссии выяснилось, что среди партизан, помогавших 32-й Смоленской казачьей дивизии в разгроме укреплённого района Василишки — Новый Двур — Острыжка было много кавалеристов-казаков из попавшего в окружение в первые дни войны кавкорпуса И.С. Никитина. В ходе первых сражений Красная Армия, особенно её танково-механизированные войска, понесла значительные потери, что резко снизило подвижность частей и соединений. Поэтому в 1941 г. были сформированы 82 кавдивизии лёгкого типа, численностью по 3 тыс. чел. каждая, состоявших из трёх кавполков и эскадронов химзащиты, без артиллерийских и танковых частей.

В ходе оборонительных боёв кавалерия прикрывала отход других соединений, наносила контрудары по флангам и тылу прорывавшихся группировок противника, дезорганизовала его управление и снабжение. При переходе в наступление кавалерийские части применялись для развития успеха, преследовали противника, действовали в его тылу, нарушали коммуникации. Они были способны неожиданно атаковать врага и в условиях бездорожья, распутицы и снегопада оставались самой эффективной и мобильной боевой силой. Поэтому за право обладать кавчастями в 1941 г. развернулось настоящее соперничество между командующими отдельными фронтами. Система подготовки кавчастей в территориальных формированиях во второй половине 1930-х гг., особенно в местах компактного проживания казачьего населения, позволила в короткие сроки, при минимальных затратах сил и средств отправить на фронт хорошо подготовленные соединения, которые через 10-15 дней вступали в бой. На Северном Кавказе летом 1941 г. было сформировано и отправлено в действующую армию 17 кавдивизий, что составило более 60 процентов от общего числа кавсоединений, созданных в казачьих регионах всего СССР. При этом основную нагрузку по формированию кавдивизий в СКВО приняла на себя Кубань, направившая на фронт больше кавалеристов, чем все остальные административные субъекты Северного Кавказа, вместе взятые. В июле 1941 г. в Краснодарском крае были сформированы 5, а в августе ещё 4 кавдивизии. Всего на фронт с Северного Кавказа в составе казачьих кавдивизий в июле-августе 1941 г. отправилось более 50 тыс. лиц призывного возраста, из них 27 тыс. чел. составляли жители Кубани, имевшие военную подготовку. В результате мобилизационные ресурсы Кубани по лицам призывного возраста, пригодным для выполнения боевых задач в кавалерии, были практически полностью исчерпаны. Часть вооружения и боеприпасов, кавалерийские шашки, миномёты, гранаты, а также амуницию и снаряжение для казачьих кавдивизий также производили предприятия Краснодарского края.

Уже с конца июля кубанские кавдивизии воевали на Западном и Южном фронтах. С сентября в крае осталась возможность формировать только добровольческие дивизии, проводя отбор воинов, пригодных для службы в кавалерии, в основном из лиц непризывного возраста. Уже в октябре началось формирование трёх таких добровольческих кубанских кавдивизий, которые затем составили основу 17-го кавкорпуса. Всего же до конца 1941 г. на Дону, Кубани, Тереке и в Ставрополье было образовано около 30 новых кавдивизий. Организацией рейдов кавалерии в июле–августе 1941 г. занимался генеральный инспектор кавалерии РККА генерал-полковник О.И. Городовиков. Один из первых таких рейдов с целью остановить наступление немцев предприняла в июле 1941 г. в Белоруссии кавгруппа, состоявшая из трёх кавдивизий полковника А.И. Бацкалевича (он же командир 32-й кавдивизии). Обе кубанские дивизии (43-я командир, комбриг И.К. Кузьмин и 47-я — командир, ген. А.А. Сидельников) начали формироваться в станице Уманской (Ленинградской) и г. Тихорецке 6-7 июля 1941 г., а уже 20 июля попали на Центральный фронт. Через неделю кавалеристов перебросили в тыл мощной германской группировки. В самом начале рейда кубанские дивизии были обнаружены и подвергнуты сильным авиаударам противника. Задержавшись в лесу до ночи, кубанцы осуществили переход в 60 км и с ходу овладели райцентром Старые Дороги. Натолкнувшись на упорное сопротивление врага, кавгруппа понесла ощутимые потери, но свою боевую задачу выполнила, сковав в ожесточённых боях 43-й немецкий армейский корпус севернее Мозыря, а также задержав продвижение 35-го армейского корпуса. Об этом известно, в том числе, и из военного дневника начштаба сухопутных войск вермахта генерал-полковника Ф. Гальдера. В августе кавалерийская группа Бацкалевича, прикрывая отход нашего 21-го армейского корпуса к Днепру, действовала в окружении, а в сентябре сумела вырваться из кольца.

В последующем 43-я и 47-я кубанские дивизии из-за больших потерь были расформированы, а остатки их личного состава использованы для доукомплектования 32-й кавдивизии. Похожая судьба оказалась и у других кубанских кавдивизий. 40-я дивизия полковника Ф.Ф. Кудерова была сформирова-

на в станице Кущёвской, а 42-я — полковника В.В. Глаглева — в Краснодаре во второй половине июля 1941 г. В августе их перебросили на Крымский п-ов в составе кав. группы ген. Д.И. Аверкина, и с 1 сентября они вели тяжёлые оборонительные бои с превосходящими силами противника. Понесшую значительные потери 42-ю кавдивизию 13 ноября 1941 г. расформировали, а её оставшийся личный состав влился в 40-ю дивизию, подчинённую командующему Приморской армией. До апреля 1942 г. она вела оборонительные бои в Крыму, затем её также расформировали и обратили на пополнение частей Севастопольского оборонительного района и 17-го казачьего кавкорпуса. Боевые действия в Крыму вела и 72-я кавдивизия ген. В.И. Книги. Её создали в августе 1941 г. в Краснодаре, а с января 1942 г. включили в состав Крымского фронта. В мае в районе Керчи 72-я дивизия обеспечила переправу частей фронта на Таманский п-ов. 24 июня 1942 г. из-за тяжёлых потерь её переформировали в особую мотострелковую бригаду, с 9 сентября — в 40-ю мотострелковую, а с 19 декабря — в 40-ю стрелковую бригаду СКФ. В феврале 1943 г. она участвовала в освобождении Краснодара. В августе 1941 г. были сформированы 62-я кавдивизия полковника И.Ф. Куц в г. Тихорецке, 64-я — полковника Н.В. Симерова в станице Кавказской и 66-я — командир, полковник В.И. Григорович — в г. Армавире. В ноябре указанные кавдивизии вошли в состав действующих армий Южного фронта и приняли активное участие в Ростовских оборонительной и наступательной операциях. В кровопролитных боях с врагом под г. Ростовом-на-Дону казаки понесли большие потери, но позиции удержали, сорвав планы противника по окружению войск Южного фронта и прорыву на Сев. Кавказ.

В конце декабря 1941 г. 64-я, а вначале января 1942 г. 62-я и 66-я кавдивизии вошли в состав 2-го казачьего кавкорпуса. Ввиду больших потерь 64-я кавдивизия была расформирована и использована для пополнения 70-й и 78-й кавдивизий. 62-я дивизия в феврале—марте 1942 г. участвовала в боях на павлоградском направлении, в мае вела тяжёлые бои с превосходящими силами противника в окружении в районе населённых пунктов Лозовский и Красная Балка. Позже прекратила своё существование в результате невосполнимых потерь. В январе-марте 1942 г. 66-я дивизия участвовала в Барвенково-Лозовской операции, действуя на краматорском направлении, и также была расформирована из-за тяжёлых потерь. 6 июля 1941 г. в Армавире из казаков станиц Отрадной, Советской, Вознесенской, Курганной, Лабинской, Прочноокопской и Новокубанской началось формирование 50-й кавдивизии под командованием полковника И.А. Плиева. Вместе с ней в Ворошиловске (ныне Ставрополь) и Армавире из военнообязанных запаса формировалась 53-я кавдивизия комбрига К.С. Мельника. 15 июля обе дивизии вошли в состав кавгруппы генерала А.Г. Селиванова, затем кавгруппы полковника Л.М. Доватора. Своё боевое крещение они получили в Смоленском сражении.

27 июля 37-й Армавирский кавполк подполковника В. Головского внезапно атаковал и разгромил немецкий гарнизон в селе Троицком. Первой же крупной операцией 50-й кавдивизии стал прорыв в глубокий вражеский тыл 23 августа 1941 г. Казаки умело действовали против превосходящих сил противника, нанося им неожиданные удары. О том, как воевали кубанцы, не раз писали центральные газеты, передавали по радио. Так, в одном из сообщений Совинформбюро говорилось: кавгруппа полковника Доватора проникла в тыл противника и в течение длительного времени громила немецкие войска и коммуникации. Решительно действуя и стремительно передвигаясь в сложных условиях лесов и болот, казаки сумели посеять панику в тылу 9-й немецкой армии и вынудили командование вермахта снять с фронта две наступавшие на Москву пехотные дивизии с 40 танками.

Пройдя с боями 300 км, в течение недели кавгруппа Л.М. Доватора уничтожила свыше 2500 солдат и офицеров, 9 танков и более 20 автомашин, разгромила десятки военных гарнизонов противника. С началом немецкого наступления на Москву группа Доватора, преобразованная в 3-й кавкорпус, оказалась на острие танкового клина, прорывавшегося к столице с севера. Действуя вместе с пехотинцами дивизии ген. И.В. Панфилова и танкистами бригады ген. М.Е. Катукова, кавалеристы 7 дней обороняли рубеж на Волоколамском шоссе, отбивая яростные атаки врага. 19 ноября совершил подвиг 4-й эскадрон 37-го Армавирского полка 50-й Кубанской кавдивизии. После гибели командира эскадрона, в котором осталось всего 37 чел., его возглавил мл. политрук М. Ильенко. Позиции эскадрона в районе дер. Федюково на Волоколамском шоссе атаковала немецкая пехота с 10 танками. Понимая, что идут в свой последний бой, казаки заранее отпустили на

волю лошадей. Первая атака была отбита и при этом гранатами и бутылками с горючей смесью уничтожено 6 танков. Вскоре перед кавалеристами оказалось уже 20 вражеских танков, но и казаки получили подкрепление — 5 танков Т-34. Потеряв 7 танков, немцы снова отошли, на свой рубеж обороны вернулись и тридцатьчетвёрки. При отражении третьей атаки эскадрон погиб, но так и не пропустил немецкие танки к Москве. В итоговом боевом донесении вечером командование 50-й Кубанской кавдивизии докладывало ген. Л. М. Доватору, что на рубеже обороны осталось всего 177 солдат, сержантов и офицеров, 9 пулемётов и 3 пушки. Тем не менее, кавалеристы смогли сдержать наступление пехоты противника при поддержке её танками на Ленинградском шоссе. 26 ноября был издан приказ НКО СССР, по которому 3-й кавкорпус Доватора преобразовывался во 2-й гвардейский, а 50-я и 53-я кавдивизии соответственно становились 3-й и 4-й гвардейскими. С переходом советских войск в контрнаступление казаки-гвардейцы приняли участие в освобождении многих сёл и деревень Подмосковья.

Только за первые 5 дней 3-я гв. кавдивизия освободила 17 населённых пунктов, захватила 53 танка, 18 орудий, около 400 автомашин и другие трофеи, уничтожила сотни солдат и офицеров противника. Во время одной из атак погиб командир корпуса генерал Доватор. 21 декабря 1941 г. ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. В командование кавкорпусом вступил генерал-майор И. А. Плиев. Всего в годы войны в СССР было сформировано более 70 казачьих частей и соединений, многие из которых впоследствии стали гвардейскими. Кавалерийские соединения, созданные на Кубани, сыграли немалую роль в отражении ударов вермахта в первом, самом сложном периоде Великой Отечественной войны. Они показали умение наступать и обороняться, действовать как в конном, так и в пешем строю. Своими лихими неожиданными атаками и упорной, стойкой обороной кубанские казаки не раз вызывали панику в рядах неприятеля. Однако, не имея вооружения, кавдивизии оказывались практически беззащитными перед налётами авиации противника и несли серьёзные потери. Поэтому из девяти дивизий, сформированных из лиц призывного возраста в 1941 г., только две — 50-я Кубанская (3-я гв.) и 53-я (4-я гв.), в которой служили казаки Кубани и Ставрополья, продолжали действовать в прежнем качестве до конца войны. Многие их бойцы и командиры были удостоены различных правительственных наград. Звания Героя Советского Союза было присуждено 17 военнослужащим 3-й гв. кавалерийской Мозырской Краснознамённой ордена Суворова дивизии и 10 военнослужащим 4-й гв. Краснознамённой кавдивизии. Остальные казачьи кавсоединения Кубани были расформированы, а их личный состав использован на укомплектование новых соединений. В пятидесятых годах в Советской армии исчезли кавсоединения, не стало казачьих полков и сотен. До возрождения казачества оставалось ещё более трёх десятилетий...

Ноябрь 2018 г. — январь 2019 г.

Владимир КАПУСТА

РУСИШЬ ПАРТИЗАНЕН

или рассказ о том, как Володя сходил за махоркой

Шёл август 1942 года и наши кубанские станицы перешли под зону оккупации немецких войск. В центре станиц стали ходить военные патрули, а по окраинам разместились части немецких войск. Среди населения царило беспокойство за своё будущее и своих детей, но жизнь в станице продолжалась. Люди так же, как обычно ухаживали за своими огородами и домашним хозяйством.

В то время в нашей станице жил сирота Володя Кибалко. О нём можно было сказать только то, что он в силу своей умственной отсталости был инвалидом с детства, а поэтому не понимал суть окружавшей его обстановки и происходивших событий войны.

Жил он тем, что копал колодцы жителям станицы, но была в нём одна особенность. Любил он одеваться в военную форменную одежду, которая состояла из резиновых галош, одетых под старые галифе, гимнастёрки с нагрудными значками БГТО, аккуратно заправленной кожаной портупеей с кобурой, в которой хранился деревянный детский пистолет. И были у него две собаки — молодой кобель по кличке Пулемёт и старая сучка по кличке Винтовка. В таком необычном виде со своими собаками ходил он всегда и везде, и поскольку вся станица его знала, то все к нему относились с пониманием и никто его не упрекал за внешний вид.

В один из тех тревожных дней, когда уже стемнело, пришёл Володя домой и обнаружил, что у него закончилась махорка. Володя мог всё пережить, но не мог, чтобы не покурить махорочки перед сном. И решил он сходить за ней к знакомому торгашу. Поправив на себе гимнастёрку и одев свою форменную фуражку, пошёл обычным путём через центр станицы в сопровождении своих домашних собак. И, несмотря на то, что в это время уже действовал комендантский час, Володя шёл себе спокойно по дорожке станичного парка, освещённого ярким светом луны. И всё было б ничего, если бы ему навстречу не шёл немецкий патруль из четырёх солдат и одного офицера. Патруль шёл медленно и настороженно, вглядываясь в каждый куст и прислушиваясь к каждому шороху. Когда Володя и немецкий патруль приблизились, то немцы в лунном свете чётко рассмотрели идущего им навстречу бойца в боевой экипировке, отчего офицер крикнул Володе: «Русишь партизанен, стоять, хенде хох!» И тут у Володи внезапно сработал инстинкт самосохранения, отчего он со всей силы бегом рванул в тёмный переулок, и при этом громко крикнул: «Пулемёт, Винтовка, ко мне!» Немецкий патруль, конечно, русским языком владел не особенно, но что такое «пулемёт» и «винтовка» он понял без перевода, отчего все разом мгновенно упали на землю и с криками «Русишь партизанен» стали беспорядочно стрелять во все стороны.

В это время дежурный, находившийся в здании гестапо, расположенного вблизи от этого места происшествия, с чёткой немецкой пунктуальностью оценил обстановку и незамедлительно принял решение. По его команде был поднят по тревоге весь немецкий военный гарнизон. В центр станицы к месту боя выдвинулось пять бронемашин, два автомобиля с солдатами и с десяток мотоциклов с пулемётчиками. Помимо этого станица была окружена двумя ротами румынских пехотинцев.

Володю быстро нашли в одном из заброшенных сараев и привели в гестапо. В кабинете особого отдела за столом сидел офицер со всей своей военной выправкой и с удивлением рассматривал изъятые у него фуражку без кокарды, деревянный пистолет и обрывок газеты с названием «Красная звезда». Пожирающий взгляд офицера, периодически переходил от содержимого стола на заросшее бородой перепуганное лицо Володи, стоявшего по стойке смирно, в заштопанном галифе и в галошах. Гестаповец впервые за два года войны оказался для себя в неприличной ситуации. Глядя на это, он долго не мог собрать все эти аргументы в единое умозаключение, чтобы оправдаться перед командованием гарнизона за обоснованность «успешной, но безрезультатной военной операции». И к своему огромному сожалению пришёл к окончательному выводу, что приятного разговора с начальником штаба у него уже не будет. Со всей злости плюнул на пол и крикнул русско-немецкую матерную речь: «Пшёл вон, руссишь швайн». После чего Володю вытолкали во двор, и на прощание дали ему ногой в зад приличный «пендаль». На его вопрос: «А где мои винтовка и пулемёт?» — выбросили ему вдогонку изъятый у него деревянный пистолет с фуражкой, на что он с обидой про себя пробормотал: «Эх, гады, газету забрали, из чего теперь самокрутку крутить?».

Стояла тихая кубанская ночь, повсюду раздавалась свирель ночных кузнечиков, и только Володя шёл домой, громко ругая немцев за то, что он остался на ночь без махорки.

После этого случая станичники прониклись к нему ещё большим уважением, и прожил Володя свою долгую жизнь в той самой своей поношенной форменной одежде, напоминая всем встречным о минувших днях войны.

Январь 2020

Коваленко Иван Евстафьевич во время войны

Волошина Мария Алексеевна 25.08.1945 г.

Татьяна КУН

ПАМЯТЬ ЖИВА

Коваленко Иван Евстафьевич родился 15 августа 1919 года в ст. Каневской. Мать Коваленко Агафья Ивановна. Окончил Иван 4 класса.

В 1939 году 11 октября был призван в ряды Красной Армии Каневским военкоматом Краснодарского края. Коваленко И.Е. принимал участие в войне с Финляндией, за что награждён медалью «За отвагу».

А 22 июня 1941года началась Великая Отечественная война. Иван Евстафьевич прошёл войну от рядового до старшего сержанта. Сколько выпало испытаний на его долю, известно только ему одному.

В его послужном списке значатся учётные специальности: шофёр на всех видах машин, в том числе «Студебеккер» американского производства, механик-водитель танка, командир пулемётного отдела, стрелок, командир группы разведки и другие. На своих машинах он подвозил и устанавливал на линии фронта тяжёлые гаубичные батареи. Возил раненых в госпиталь, выполнял любые задания, которые ему поручали. Проходил службу:

- 25-й Чапаевской дивизии рядовым с 11.10.1939 г. — 01.01.1940 г.,
- 52-я ОЛТБ, механик-водитель 03.01.1940 г. — 05.05.1940 г.,
- Западный фронт , 136-я стрелковая дивизия, 280 ЛАП, командир отдельной разведроты, 08.05.1940 г. — 19.09.1941 г.,

- 10-я дивизия 6ОСП, командир пулемётного отделения 15.10.1941 г. — 15.06.1943 г.,
- 25-й учебный танковый полигон, курсант 17.07.1943 г. — 13.05.1944 г.,
- 15-й запасной стрелковый полк, 4-й корпус, стрелок 15.05.1944 г. — 10.08.1944 г.,
- 22-й автопарк, шофёр 9.09.1944 г. — 12.01.1945 г.,
- 3-я батарея 1111 гаубичного артиллерийского полка, шофёр 12.01.44 — 15.06.45

В его Красноармейской книжке записано: Звание и должность – ст. сержант, временно исполняющий обязанности командира взвода. Наименование части – 171 Гаубичная артиллерийская батарея, парковый взвод.

В составе войск Первого Украинского фронта он участвовал в разгроме врага в районе среднего течения Дона, в районе Курской дуги, форсировании Днепра и освобождении столицы Советской Украины — города Киева. Стремительно наступая и уничтожая группировки врага на Правобережной Украине, полк Ивана Евстафьевича участвовал в освобождении городов: Житомир, Ровно, Проскуров, Винница, Каменец-Подольск, Ковель, Тарнополь, Черновицы, Станислав, Дрогобыч и Львов.

С жестокими боями войска Первого Украинского фронта прошли южную Польшу, форсировали реки Сан и Вислу, освободили вторую польскую столицу — город Краков и важнейший промышленный район — Верхнюю Силезию.

Ворвались на территорию Германии — логово фашистского зверя, форсировали реки Одер, Нейссе, Шпрее и, выйдя на реку Эльбу в центре Германии, соединились с войсками союзников.

Вместе с доблестными войсками Первого Белорусского фронта наголову разбили берлинскую группировку немцев и водрузили над Берлином знамя ПОБЕДЫ.

Сокрушительными ударами, уничтожая остатки вражеских войск, заняли город Дрезден и, завершая окончательный разгром фашистской Германии, освободили столицу союзной нам Чехословакии – город Прагу.

Коваленко Иван Евстафьевич закончил войну в звании старшего сержанта, награждён Орденом «Отечественной войны I степени», медалями: «За отвагу», «За оборону Киева», «За освобождение Варшавы», « За освобождение Праги», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.»

Демобилизован Коваленко И.Е. на основании Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 20.03.46 г., как родившийся в 1919 году и подлежащий взятию на учёт в РВК на должность командира паркового взвода. Начальник штаба майор Куликов. 28.05.46 г.».

Возвратился с фронта домой Иван вместе с женой Марией. На каких перекрёстках военных дорог они встретились?

Мария Алексеевна Волошина родилась 25 мая 1925года в хуторе Кавалерском Егорлыкского района Ростовской области.

Юной девчонкой, которой едва исполнилось 18 лет, она сбежала вместе с подружкой на фронт. Приехала в Ростов-на-Дону в военкомат и попросила отправить её на фронт защищать Родину. Отомстить за погибших бра-

Иван Евстафьевич и Мария Алексеевна в День Победы — на праздник с орденами и медалями (1980-е годы)

тьев…Три похоронки одну за другой получили с войны её родители Алексей Игнатьевич и Христина Васильевна Волошины Из четверых сыновей остался только один - Илья, да дочь Мария.

В её красноармейской книжке записано — год призыва — 12 апреля 1944 года Кировским райвоенкоматом г. Ростова-на-Дону. Звание и должность — рядовая, курсант.

Наименование части — 3 запасной полк ПВО(противовоздушной обороны) КА.

Наименование подразделения (батальон, рота) — бат. СОН.

Номер военно-учётной специальности — 55. Образование — 9 классов.

Мария Алексеевна приняла присягу 23 июня 1944года. В составе войск противовоздушной обороны она прикрывала небо Москвы от налётов фашистских самолётов с помощью аэростатов. Была зенитчицей. По мере продвижения войск, освобождавших Родину от фашистской нечисти, продвигался и полк ПВО, в котором была Мария Алексеевна Волошина.

После войны она была награждена медалями «За оборону Москвы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.»

Выйдя замуж за Ивана Евстафьевича, Мария Коваленко приехала вместе с мужем в станицу Каневскую. Впереди у семьи Коваленко был мирный труд и семейная жизнь, полная забот. К боевым наградам ветеранов ВОВ добавились уже послевоенные трудовые ордена и медали: «Ветеран труда», юбилейные медали. На правой стороне груди у обоих ветеранов нагрудные знаки - « 25 лет Победы в Великой Отечественной войне - За доблесть и отвагу».

Мария Алексеевна родила двоих сыновей. К сожалению, старший сын очень рано ушёл из жизни. Остался младший сын Геннадий 1952года рождения, который отслужил в Советской Армии, а вернувшись со службы, женился на моей соседке Галине Фисан. У них родился 28 мая 1975 года сын Сергей — внук Ивана Евстафьевича и Марии Алексеевны.

4 марта 1996 года умер Иван Евстафьевич, а спустя 3 года, 19 марта 1999 года ушла из жизни и Мария Алексеевна. Орден Великой Отечественной войны вручили сыну Геннадию уже после смерти Ивана Евстафьевича. Семья Геннадия бережно хранит ордена и медали родителей. Но жизнь продолжается. Вырос внук Сергей и уже у внука родились сыновья — правнуки ветеранов: Николай — 27мая 1998 г., Иван, названный в честь прадеда — 13 июня 2010 г. и Александр — 23 августа 2016 г. Связь поколений неразрывна!

Бережно рассматривает награды прадеда и прабабушки правнук Ванюша, 2017 г.

Летопись каневской старины

Валерий КОСТРОВ

ХРАНИТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

К 65-летию Александра Васильевича Дейневича — исследователя жизни и деятельности Ф.А. Щербины

Член Краснодарского краевого благотворительного Фонда памяти Ф.А. Щербины, Заслуженный работник культуры Кубани, почётный работник общего образования Российской Федерации, почётный гражданин Новодеревянковского сельского поселения Каневского района, член Российского общества историков-архивистов и Союза журналистов России Александр Васильевич Дейневич более тридцати лет занимается изучением жизни и деятельности историка кубанского казачества, уроженца станицы Новодеревянковской Фёдора Андреевича Щербины.

В одном ряду с кубанским писателем В.И. Лихоносовым и историком В.П. Бардадымом, А.В. Дейневич своими публикациями и деятельностью способствовал возрождению имени нашего великого земляка.

Семейные традиции, уважение к старшим поколениям, почитание памяти предков явились основой многолетней краеведческой деятельности Александра Васильевича.

Символично, что ему довелось учиться в первом в станице школьном здании, построенном в 1876 году на подворье Фёдора Андреевича Щербины. Труды великого земляка Дейневич впервые прочитал в Краевой научной библиотеке имени А.С. Пушкина, когда учился в Кубанском государственном университете.

В марте 1986 года в музее народного образования, созданном Александром Васильевичем в новодеревянковской средней школе № 43, по его инициативе была открыта экспозиция, посвященная жизни и деятельности Щербины.

Вторая, расширенная экспозиция о Щербине была устроена Дейневичем в станичном музее при Доме культуры, где он работал в 1988 — 1991 годах.

25 февраля 1999 года, в день празднования 150-летия со дня рождения Ф.А. Щербины, по инициативе Дейневича и при его активном участии в новодеревянковской средней школе № 44 был открыт первый и единственный в районе и крае музей Ф.А. Щербины. Александр Васильевич организовал в школе Щербиновские чтения, наладил сотрудничество с московским фондом имени Ф.А. Щербины. В музей приезжали потомки Фёдора Андреевича, щербиноведы и многочисленные экскурсанты.

Александр Васильевич Дейневич

13 августа 1988 года на страницах районной газеты «Заря коммунизма» был опубликован очерк А.В. Дейневича «Возвращение к землякам». Это было одним из первых описаний жизни великого земляка после многолетнего забвения.

Александр Васильевич Дейневич, 1982 г. Автор портрета — член Союза художников России Р.М. Сагадеев

13 февраля 1989 года в станице Новодеревянковской состоялось заседание любительского объединения «Светоч», посвященное 140-летию со дня рождения Ф.А. Щербины. О жизни и творчестве учёного и писателя рассказал А.В. Дейневич. Старожил станицы М.М. Слесарь поделился воспоминаниями о своих встречах со Щербиной.

В 1992 году каневская телестудия ТВК выпустила документальный фильм о Фёдоре Андреевиче Щербине «Казачий летописец». Александр Васильевич Дейневич был консультантом при съёмках этого фильма.

22-24 сентября 1999 года в станице Каневской при участии А.В. Дейневича состоялась Международная научно-практическая конференция, посвящённая 150-летию со дня рождения Ф.А. Щербины. В программе её работы было посещение станицы Новодеревянковской.

Александр Васильевич вёл активную переписку с руководством пражских учреждений культуры и истории о жизни и деятельности кубанского учёного и общественного деятеля. По инициативе А.В. Дейневича имя Ф.А. Щербины было увековечено в названиях улицы и самой большой школы станицы.

В своих исследованиях Дейневич вернул из забвения и имя учителя и общественного деятеля Василия Андреевича Щербины, младшего брата Фёдора Андреевича, автора ряда работ по истории Кубанской области. Он преподавал в Екатеринодарском духовном училище, а в 1892 году сменил известного историка и общественного деятеля Е.Д. Фелицына на посту секретаря Кубанского областного статистического комитета и в этом качестве внёс большой вклад в сбор экспонатов для Кубанского войскового этнографического и естественно-исторического музея.

Сведения о Ф.А. Щербине вошли в созданные Дейневичем «Краткий краеведческий словарь Каневского района», изданный в 1994 году к 200-летию станицы Каневской, и «Краткий краеведческий словарь Новодеревянковского сельского округа Каневского района Краснодарского края», выпущенный в 1996 году к 175-летию станицы Новодеревянковской.

Александр Васильевич принимал активное участие в подготовке к печати собрания сочинений Фёдора Андреевича Щербины, первый том которого вышел в 2008 году, а также в переиздании сборника его очерков «Казачьи герои и сподвижники», вышедшего в Праге в 1930 году.

В выпуске районной газеты «10-й канал» от 9 сентября 2011 года был опубликован отрывок из воспоминаний Ф.А. Щербины о поездке из станицы Новодеревянковской на учёбу в Екатеринодар «Лето 1861-го», подготовленный Дейневичем.

В 10-м выпуске историко-литературного альманаха «Каневчане», вышедшем в 2012 году, были опубликованы очерки А.В. Дейневича «Народився 26 лютого...»: когда родился Фёдор Андреевич Щербина» и «Кончина и погребение Ф.А. Щербины».

В том же 2012 году А.В. Дейневич опубликовал книгу «Там, за поворотом». Это подробная летопись почти двухсотлетней истории родной станицы, иллюстрированная редкими фотографиями. Многие страницы книги посвящены выдающемуся земляку.

На презентации книги, состоявшейся в Доме культуры станицы Новодеревянковской, кубанский писатель В.И. Лихоносов сказал, что во многих городах и станицах края изданы книги об истории этих мест, но книга Дейневича — лучшая из них.

В основу книги был положен одноимённый очерк по истории станицы Новодеревянковской, который в 1996 году был опубликован в районной газете «Каневские зори», а также вошёл в юбилейный номер альманаха «Каневчане», вышедший в 1999 году и посвящённый 75-летию района.

По предложению Г.В. Кокунько, главного редактора общеказачьей газеты «Станица», издаваемой в Москве, дополненный очерк под названием «Станица Новодеревянковская» вошёл во II (23) том «Кубанского сборника», выпущенный в 2007 году.

В IV (25) выпуске альманаха «Кубанский сборник», вышедшем в 2012 году, опубликованы воспоминания Дейневича о земляках из станицы Новодеревянковской, о своих поисках сведений о жизни Фёдора Щербины и трудах по сохранению родной истории.

Учитель и его ученики

А.В. Дейневич с В.И. Лихоносовым

В 2018 году вышла в свет книга А.В. Дейневича «Ваш старый дід Щербина...», рассказывающая о выдающемся учёном и историке, основоположнике русской бюджетной статистики, прошедшем жизненный путь от затерявшейся в кубанских степях станицы Новодеревянковской до вершин отечественной науки.

В книге, созданной на основе документальных, в том числе и архивных источников, опубликованы уникальные фотографии Щербины и документы о завершении его жизни, перезахоронении праха и увековечении памяти. Издание было приурочено к 170-летию со дня рождения Ф.А. Щербины.

А.В. Дейневич — внештатный корреспондент районных газет и альманаха «Каневчане». Он публикует свои труды в сборниках краеведческих материалов, журнале «Родная Кубань» и других средствах массовой информации. Его исследования доступны на многих сайтах в интернете.

Главная тема всего творчества Дейневича — родная история, возрождение казачества, живая связь минувших времён и наших дней. Его имя и деятельность известны далеко за пределами Каневского района.

Он награждён медалями «60 лет Победы в Великой Отечественной войне», «10 лет Союза казаков», крестами «За верность казаче-

ству» первой и второй степени, другими наградами и памятными знаками.

В 2014 году за активное участие в деятельности Российского общества историков-архивистов, пропаганду исторических знаний, значительный вклад в воспитание подрастающего поколения А.В. Дейневич был удостоен Почётной грамоты Правления Центрального совета РОИА, а в 2019 году — благодарности Каневской первичной организации Краснодарского краевого отделения РОИА.

В 2017 году состоялись краевая и районная поисково-просветительские экспедиции «Имя Кубани» и «Имя Каневского района», посвящённых 80-летию образования Краснодарского края. Среди лауреатов почётного титула «Духовное имя Каневского района» рядом стоят имена Ф.А. Щербины и А.В. Дейневича.

В феврале 2019 года 170-летие Фёдора Андреевича Щербины широко отметили на его родине. В торжественных мероприятиях участвовали представители кубанского, донского и терского казачества, историки, краеведы, журналисты, работники культуры из Краснодарского края, Ставрополья, Ростовской области, Москвы.

Глава Новодеревянковского сельского поселения А.С. Рокотянский, председатель Совета депутатов В.И. Дахов, атаманы Ейского отдела и Каневского районного казачьего общества П.А. Лях и А.В. Бежко посетили А.В. Дейневича и выразили ему благодарность за весомый личный вклад в дело сохранения историко-культурного наследия Кубани.

Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор Б.А. Трёхбратов на брифинге поделился воспоминаниями о совместной с А.В. Дейневичем работе по возвращению обществу имени и трудов Щербины.

Доклад председателя Каневской первичной организации РОИА был посвящён исследовательской и публицистической деятельности Дейневича, связанной с историческим наследием кубанского летописца.

29 августа 2019 года Александру Васильевичу Дейневичу исполнилось 65 лет. Юбиляра поздравили руководители администрации и Совета сельского поселения, районного Совета ветеранов, представители Российского общества историков-архивистов и районных средств массовой информации.

В станице Новодеревянковской состоялось открытое выездное заседание Каневской районной первичной организации Союза журналистов России, посвящённое замечательному педагогу и краеведу. Коллеги пожелали ему многих плодотворных лет творческой деятельности во славу малой родины и во благо будущих поколений.

В течение всей жизни он своими добрыми делами и исследовательским трудом истинного патриота выполняет наказ своего великого земляка Фёдора Андреевича Щербины, обращённый к потомкам: «Поддерживайте же и Вы славу своих отцов и дедов».

Цветы краеведу

Стела на въезде в Каневскую со стороны Стародеревянковской, 1983 год.

Игорь ПОГОРЕЛОВ

СТЕЛА НА ОКРАИНЕ СТАНИЦЫ

Современная стела на въезде в Каневскую со стороны Стародеревянковской. Фото И. Погорелова

Сколько бы дорог ни прошёл, сколько бы километров ни показывали приборы в твоём автомобиле и какая бы усталость не давила на плечи, но всё это снимает, как рукой, и чаще начинает биться сердце, когда видишь вдоль дороги указатель с родным названием — Каневская. И природа вроде бы та же, и небо всё то же, и солнце светит, как и несколько минут назад, но всё по-другому, всё преображается вмиг от одного только мелькнувшего за окном вида указателя или стелы с надписью — станица Каневская.

Сколько себя помню, эта стела Каневская — 1794 г. на въезде в станицу со стороны станицы Стародеревянковской была со мной. Кажется, что она была всегда. В восьмидесятом году пошёл в первый класс и после школы бегал мимо неё

на речку ловить рыбу и собирать ряску для уток в запрудах и маленьких болотцах возле неё. Вокруг стелы всегда было полно живности. Сейчас это трудно даже представить, но ещё в начале восьмидесятых утро на улице Горького от центра и до окраины начиналось с прохода на пастбище стада крупного рогатого скота, подгоняемого пастухами. Со всех окрестных улиц и дворов на рассвете сюда сгоняли коров, бычков, козочек. Широкое пастбище на окраине станицы, казалось, не пустовало никогда. В девяностых, на пастбище, уже изрядно поредевшем, появился маленький ослик. Живности становилось всё меньше, новые времена, новый уклад станичной жизни давали о себе знать, и пришло время, когда возле стелы на пастбище остался только этот ослик.

Всё детство была река. Просторная река Челбас между Каневской и Стародеревянковской, за которой до горизонта тянулись камышовые просторы манящие вдаль. И мы ватагой дружной пацанов всегда бодро и весело шествовали мимо стелы к реке, а после купания залазили на цифры. Самые отчаянные пытались вскарабкаться выше по буквам и сидели на них, с хозяйским видом оглядывая окрестности и очищая ножичком только что вырванный у реки рогоз. Сладкий был.

А потом так же дружно, гуртом все слазили со стелы и перебирались в глубокие камышовые заросли строить тайные ходы, шалаши, исследовать непроходимые чащи с их тайнами и искать клады.

Мимо этой стелы, мы, выпускники первой школы, в 1990 году шли встречать рассвет на реке. Родители уже разводили костёр, кто-то лез купаться, кто-то грустил, радовался, целовался, а кто-то строил планы на жизнь. А на рассвете все шли дружно обратно в станицу мимо стелы Каневская-1794 г., подсвеченной лучами восходящего солнца. Столько было планов, надежд и уверенности в будущих свершениях. Весь большой мир, казалось, был открыт этим утром.

Время неумолимо летело вперёд. И вот уже мимо этой стелы я проходил ночью домой, выйдя из попутки, возвращаясь после армейской службы в Прибалтике. Как я скучал по ней. Она была частью родного дома.

Я уже жил, учился и работал в Краснодаре, но всегда возвращался сюда, в родительский дом, к реке детства и стеле, возвышающейся при въезде в станицу.

Мимо неё я буднично проезжал каждое утро на работу в пятую школу станицы Стародеревянковской преподавать историю и возвращался уже затемно.

Сюда я впоследствии приводил на пленэр уже своих ребят Каневской школы-студии.

Время идёт. Меняется всё. Меняется облик станицы. Сменилась и стела на въезде в Каневскую. Для кого-то и она, теперь новая и современная, впоследствии станет обыденной и простой, незамысловатой, но тёплой искоркой воспоминаний о детстве, юности, взрослении, в общем, всего того, что называется жизнь.

А та, стела детства, ещё жива. Благодаря коллективу Каневской телестудии она сохранилась и продолжает радовать посетителей ТВК и редакции газеты «10-й канал».

Стела, сохранённая на территории Каневской телестудии. Фото ТВК.

Прицепной зерноуборочный комбайн «Сталинец-1»

Николай ЛЕМИШ

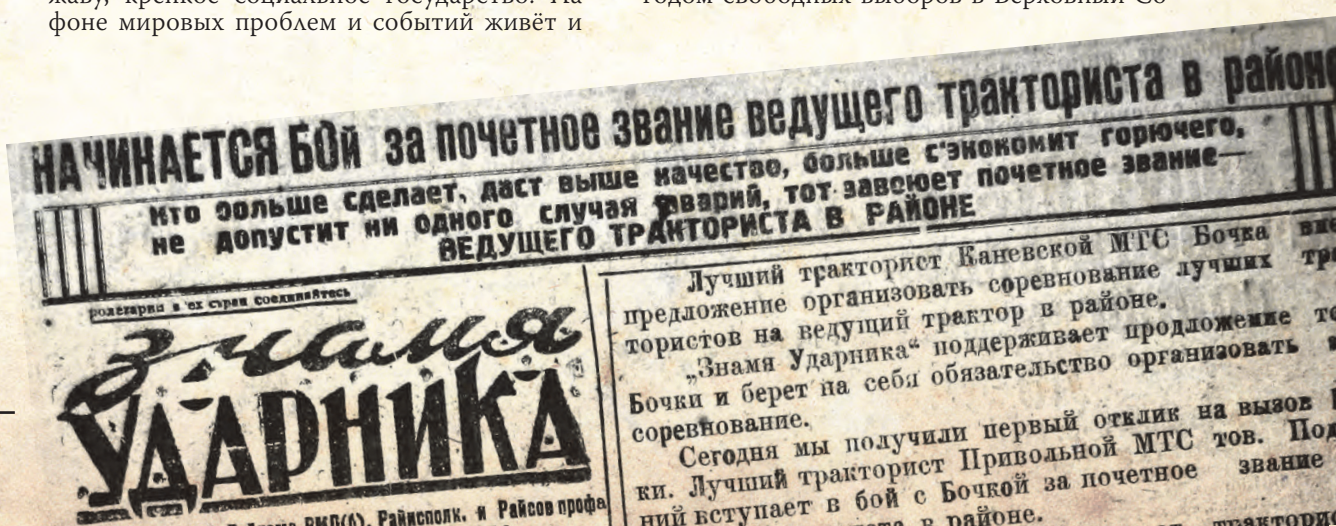
ГОД 1938. ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА ПО СТРАНИЦАМ ПРЕССЫ

Взгляд историка и публициста

Часть первая

Устремляя свой взгляд в прошлое, мы вновь окунаемся в предвоенную атмосферу — время сложное, без сомнения, противоречивое не только для Советского Союза, но и мировых держав. Первая в мире страна Советов, по сути, находясь в мировой изоляции, борется за судьбу отвергающего её мира, строит могучую державу, крепкое социальное государство. На фоне мировых проблем и событий живёт и существует небольшой регион — Каневской район.

Первого января 1938-го года была суббота, и в этот день вышел первый номер газеты Каневского района — **«Знамя ударника»**. На первой странице редакционная статья «Вперёд к новым победам». В ней дан краткий анализ первого года сталинской конституции. По сути, подведены итоги двух десятилетий советской власти. 37-й год назвали годом свободных выборов в Верховный Со-


НАЧИНАЕТСЯ БОЙ за почетное звание ведущего тракториста в районе

Кто больше сделает, даст выше качество, больше сэкономит горючего, не допустит ни одного случая аварий, тот завоюет почетное звание— ВЕДУЩЕГО ТРАКТОРИСТА В РАЙОНЕ

Пролетарии всех стран соединяйтесь

Знамя Ударника

Лучший тракторист Каневской МТС Бочка вы
предложение организовать соревнование лучших тр
тористов на ведущий трактор в районе.
„Знамя Ударника" поддерживает продложение то
Бочки и берет на себя обязательство организовать
соревнование.
Сегодня мы получили первый отклик на вызов
ки. Лучший тракторист Привольной МТС тов. Пор
ний вступает в бой с Бочкой за почетное звание
в районе.

вет СССР. Есть здесь и пафосные слова: «...12 декабря 1937 года свободный советский народ показал всему миру, что он крепко сплочён под знаменем партии Ленина — Сталина и что никому не поколебать его морального и политического единства.

Чудесный день **12 декабря** мы будем вспоминать с великой любовью, как вспоминает каждый человек лучшие дни своей жизни».

И действительно, 1937 год был годом великих достижений в развитии индустрии, сельского хозяйства, науки, культуры, здравоохранения, оборонной промышленности. Межконтинентальные полёты, освоение Арктики показали мировые возможности молодой советской страны.

В активе державы около 30 новых авиационных рекордов скорости, дальности и высоты полётов. И, как было сказано, «это всё достижения советского народа, руководимого партией Ленина-Сталина. И, конечно, в прессе не был обойдён вниманием вопрос борьбы с троцкизмом. По-прежнему звучал призыв: «Ни малейшей пощады врагам. Они должны быть уничтожены, все до одного».

На второй странице новогодней газеты опять призыв: «Ознаменуем Новый Год новыми трудовыми успехами!»

Редакционная заметка главного редактора Ф. Абраменко названа «Год колхозного изобилия». (Об успехах колхоза Большевик Куйбышевской МТС). Колхозники этой сельхозартели взяли обязательство в 1938 году довести урожайность полей в среднем до 21 центнера с гектара, повысив все трудодни до 18 кг зерна и до 5 рублей деньгами. Здесь же портреты передовых трактористов, бригадиров лучших тракторных бригад, комбайнёров. Завершают портретный ряд помощник механика Каневского лубзавода (пенькозавода) Жариков, заведующая магазином Стародеревянковского сельпо Ефросинья Кирдеева и Елена Катеруша — лучшая работница сапожной мастерской артели «Райкоопкожремонт». Весьма располагают к себе простые открытые лица тружеников и тружениц, чьими руками создаётся благосостояние страны. Несколько мужчин в шапках-кубанках.

«Выходите на соревнование» — так звучит обращение коллектива седьмой тракторной бригады Каневской МТС ко всем тракторным бригадам Каневского района. Дальше заметки о телятницах молочно-товарной фермы колхоза «Шесть условий Сталина» Стародеревянковской МТС Марии Демченко, знатном конюхе Алексее Фроловиче Акинове.

В ряду новостей, посвящённых событиям внутри страны, сообщения об открытии новой сверхмощной коротковолновой радиовещательной станции Наркомата связи. Её будут слушать как на Дальнем Востоке, так и в Средней Азии и даже в Арктике. К сожалению, начало Нового Года связано с обострением международных отношений. Японские военно-морские силы открыто вторглись в территориальные воды Англии. Более того, они высадили десант на территории английской колонии — Гонконге. Японский миноносец открыл огонь по сторожевому судну китайской таможни. Захватив судно, они увели его с собой, попытавшись уничтожить всю команду таможенного корабля.

Глава провинции Шаньси в Китае, генерал Ян Си Шань, в интервью корреспонденту газеты «Шаожан Бао», подчеркнул, что мирные переговоры с Японией на этом этапе просто невозможны из-за экспансионистских амбиций военной верхушки страны.

На первой странице газеты за 4 января 1938 года — большая фотография момента встречи депутата Верховного Совета Прасковьи Ивановны Кавардан на Каневском железнодорожном вокзале. В газете опубликовано письмо депутата к избирателям Ейского избирательного округа.

В ряду сообщений о событиях внутри страны промелькнуло Постановление ЦИК и СНК СССР об образовании в стране Общественного Народного Комиссариата по Военно-Морским делам и об утверждении Петра Алексеевича Смирнова, ранее исполнявшего обязанности заместителя наркома обороны и начальника Политуправления РККА, народным комиссаром по Военно-Морским делам. А Лев Захарович Мехлис утверждён заместителем Наркома Обороны СССР и начальником политуправления РККА.

На третьей странице газеты «Знамя Ударника» второго номера опубликован список кандидатов для поездки на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку в город Москву, отобранных из 17 передовых колхозов Каневского района. Это передовые трактористы, комбайнёры, животноводы.

Центральные газеты сообщили о всесоюзном совещании по улучшению конструкции самого массового в стране зерноуборочного комбайна «Сталинец — 1». В течение шести дней комбайнёры и комбайностроители подробно разбирали каждую деталь комбайна, обсуждая все поступившие предложения и нарекания.

Специалисты-комбайнёры одобрили намеченные заводом мероприятия по улучшению конструкции с учётом поступивших более тридцати предложений. В целом же, неплохо работавшая конструкция, потребовала чуть ли не двести поправок, которые должны были повысить её выносливость и упростить обслуживание агрегата. При этом остаётся главная задача — чистота обмолоченного зерна и сокращение его потерь. Очень велика была в этом заинтересованность людей, ставивших на этих комбайнах поистине мировые рекорды обмолота зерна.

Продолжая разговор на заданную тему, необходимо отметить высокий уровень социально-политической активности советских людей в этот период. Верхом всего был патриотизм. Патриот — это тот, кто считает государство своим, неравнодушен к тому, что происходит в Его государстве, при этом он

сильно желает, чтобы оно было лучше, богаче, могущественнее. При этом надо работать на государство, стремясь жизнь сделать лучше.

На фоне этого пресса предаёт гласности факты коррупции (а её фактически не было), бесхозяйственности, государственных преступлений.

В рамках, очевидно, существовавшей тогда государственной программы, пресса Каневского района в лице газеты «Знамя Ударника» продолжала обнажать существовавшие проблемы.

Одна из заметок называется «На глазах дирекции совхоза». Речь идёт о том, что в совхозе Кубанская степь безобразно содержится скот, буквально утопает в грязи. В то же время старший конюх с завхозом расхищают совхозное добро, корма, стройматериалы. Из-за плохого ухода начался падёж свиней и конематок. Газета категорично оценила ситуацию и потребовала от администрации совхоза навести порядок, поставив в известность Райзо. Немало писем поступает в редакцию и в виде жалоб. Колхозница колхоза «За технику» в станице Привольной жалуется на негативное отношение к ней бригадира Николая Пузика. Она долгое время не может получить заработанные ею сено и солому. Пожаловалась она председателю. Что сказал он — не известно, но Пузик, нахально выпучив глаза, сказал, что выделит ей подводу в самую последнюю очередь. «Ты, барыня, пидожды; багато вас таких будэ», — были его слова. А между прочим, Феодосия Пелипец одной из первых поступила в колхоз.

«Помогите получить свои деньги! — пишет в редакцию «районки» бригадир девятой тракторной бригады Стародеревянковской МТС. Его бригада прикреплена к колхозу имени Кагановича. Он возмущается бюрократической вознёй между МТС и колхозом.

По сообщению районной прокуратуры, утверждено обвинительное заключение в отношении гражданки Шуваловой, обвиняемой в спекуляции промтоварами.

Закончено и передано в суд дело по обвинению бывшего председателя колхоза за хулиганские действия в отношении колхозниц Гринь и Гробовик. Ему инкриминируется также присвоение колхозных денег.

Нашлось в районной газете место и для оптимистических новостей. Это своего рода репортаж с новогоднего бал-маскарада, состоявшегося в Каневском Доме культуры. Автор пишет: «Помещение беспрерывно наполняется жизнерадостной и весёлой колхозной и рабочей молодёжью, трудовой интеллигенцией. Всё больше и больше людей в танцующем, кружащемся потоке бал-маскарада. В клуб один за другим входят в масках и разноцветных костюмах. Больше всего публике понравились маски «Наркомвнуделец» со змеёй, зажатой «Ежовой рукавицей»; «Сноп», опоясанный лозунгом «За 7 — 8 миллиардов пудов зерна»; «Сталинская Конституция» и «Узник фашизма». Гремит духовой оркестр. Часы отсчитывают последние минуты 1937 года...»

Первую премию получила маска Скляревского «Наркомвнуделец»; вторую — «Сноп» Андрианова; третью — «Сталинская Конституция». Вопреки общей традиции была ещё четвёртая премия за маску «Узник фашизма». Её получил Дмитрий Святной.

Следующий материал был о том, как Новый Год встречала средняя школа. *(Речь идёт о школе №1 имени Короленко, ныне в её здании находится районная гимназия. Тогда это была единственная в станице Каневской полная средняя школа.* ***Прим. автора.****)*

Даже сегодня вызывает немалое удивление, насколько были развиты самостоятельность и самодеятельность школьников старших классов, сумевших провести 31 декабря новогодний вечер с музыкальным и песенным сопровождением. А бал-маскарад проходил уже первого января, причём, оригинально, с выдумкой, с новогодними костюмами и представлениями. В костюмированном представлении участвовали абсолютно все. И не было ни одного обиженного или равнодушного. Мерилом достоинства и авторитета школьников были не «крутая» одежда или благополучие родителей, а таланты и способности. Сейчас они довольны, веселы; у них надёжное будущее, но пройдёт три с половиной года, и они окунутся в горнило страшной из войн.

5 января газета «Правда» опубликовала на своих страницах статью с призывом «Возглавить социалистическое соревнование колхозов и совхозов». Страна тогда уделяла огромное внимание развитию сельскохозяйственного производства. Организация соцсоревнования — это только одна сторона вопроса, за ним — мощнейшая поддержка сельского хозяйства в целом. Сюда включили профильные, научно-исследовательские институты, селекционные станции, заводы системы сельхозмашиностроения, даже система Госбанка. И это всё — в масштабах огромной страны. Ещё одна сторона — это поддержка всего сельхозсектора партийно-политической системой государства.

С сообщениями центральной прессы по этому вопросу перекликается Постановление Краснодарского крайкома ВКПб и Оргкомитета ВЦИК РСФСР по Краснодарскому краю «О ходе подготовки к весеннему севу».

Ещё одно постановление Крайкома и оргкомитета ВЦИК называется «О ходе ремонта тракторов».

Газета «Знамя Ударника» опубликовала критическую заметку о недостатках деятельности Куйбышевской МТС, пребывающей долгое время в передовиках, что привело к самоотстранённости и почиванию на лаврах. Наверное, от этого основные показатели деятельности, в том числе качество ремонта техники, пошли вниз.

8 января 1938 года исполнилось 60 лет со дня смерти великого русского поэта Николая Алексеевича Некрасова, классика русской

литературы, поэта, прозаика, критика, издателя, написавшего поэму «Кому на Руси жить хорошо». На родине Некрасова в селе Юзвине Винницкого района Украины прошли торжественные мероприятия и «Некрасовские чтения». Газета подчеркнула, что во времена поэта на селе не было даже начальной школы, ныне же это средняя школа на 600 мест. Вечера, посвящённые памяти Некрасова, прошли по всей нашей стране.

Районная газета сообщила об организации при колхозе «Красный партизан» агротехнического кружка, которым руководит агроном Куйбышевской МТС Ладик. Появилась серия статей агронома МТС Сильвестрова под общим заголовком «Конопля», звучащим сегодня более, чем двусмысленно. Это своеобразное руководство по выращиванию конопли в Каневском районе. Здесь не только агротехнические приёмы, но и рекомендации по внесению удобрений, таких, например, как зола и навоз.

На Кубани коноплю выращивали с двадцатых годов девятнадцатого века. В сложные революционные времена её производство было свёрнуто. Возобновили выращивание конопли в годы НЭПа. С развитием колхозов государство стало не только стимулировать её выращивание, но и стало вкладывать деньги в развитие сферы переработки.

Каневской лубзавод (так называли изначально это предприятие) начал работать в 1936 году. Это было предприятие с широко развитой инфраструктурой, с собственной мощной котельной, водоснабжением, подсобным производством, ремонтными мастерскими, а главное — электростанцией. При предприятии был жилой посёлок, столовая, клуб, здравпункт. За свою историю предприятие не единожды было дипломантом Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (впоследствии ВДНХ). Работа на этом предприятии была престижной. Как говорят сегодня, с полным социальным пакетом, нормированным рабочим днём. В девяностые годы прошлого века предприятие стало банкротом, подверглось разрушению. Остался только жилой посёлок с приватизированными домами. Кстати, ещё в начале восьмидесятых годов прошлого века кубанцы не были знакомы с понятием «наркоман» и конопляными наркотиками, то есть, анашой.

10 января ТАСС разместило комментарий о ходе первой сессии Верховного Совета СССР. В Верховный Совет было избрано 1143 депутата. Две равноправных палаты (Советского Союза и Совета Национальностей) на своих заседаниях выбрали председателя Совета Союза и председателя Совета Национальностей.

15 января 1938 года в краевой газете «Большевик» появилось обращение краевого совещания председателей колхозов и стахановцев, передовиков высокой урожайности, ко всем колхозникам, рабочим совхозов и МТС, агрономам, учёным и другим работникам сельского хозяйства Краснодарского края и всего Советского Союза. Участники слёта предлагали битву за урожай считать общегосударственной задачей и распространить опыт передовых хозяйств не только на Краснодарский край, но и на всю страну. Звучал призыв: «1938 год сделаем стахановским!»

В газете «Знамя Ударника» напечатали так же репортаж с районного совещания учителей. Совещание длилось два дня. На совещании был поднят вопрос низкой успеваемости школьников. Критике подверглись школы хутора Мигуты, посёлка Кубанская Степь, неполная средняя школа в станице Привольной. В число отстающих попала и средняя школа станицы Каневской — школа №1 имени Н.Г. Короленко. Плохую успеваемость в средней школе докладчики изъясняли тем, что учителя русского языка и математики недобросовестно относятся к своим обязанностям, мало занимаются со школьниками после уроков, не проявляют должного усердия в изложении материала в процессе классных занятий. Дневники ведутся учениками неряшливо, редко проверяются классными руководителями. Как было сказано в итоговом документе, общим недостатком в работе школ Каневского района является недостаточное развёртывание критики и самокритики. А все выступающие слабо критиковали районо и недостаточно вскрывали недостатки в работе школ.

21 января вся страна отмечала день памяти В.И.Ленина. На траурную дату откликнулись все газеты, в том числе и «Знамя Ударника», поместив на первых страницах портрет Ленина. Заголовки и призывы отражали политическую ситуацию в стране и высокий уровень почитания великого вождя. Звучали, как всегда, призывы: «Наше оружие — Ленинизм», «Ленинизм побеждает, Ленинизм победит во всём мире», «Да здравствует Ленинизм!»

В центральных газетах продолжали печататься сообщения о ходе первой сессии Верховного Совета СССР, о работе его двух палат. Событие это было масштабным, и его освещению придавали огромное значение. Там же была опубликована речь председателя Совнаркома СССР депутата В.М.Молотова. Был оглашён состав Правительства — Совета Народных Комиссаров. Пройдёт совсем немного времени, и некоторые фамилии, как нарком путей сообщения Бакунин, нарком земледелия Эйхе, член Президиума Верховного Совета СССР Блюхер, Нарком Верховных дел Ежов, Председатель Госплана Вознесенский — исчезнут навсегда и будут вымараны из учебников. В стране продолжаются репрессии, и они не обошли руководящий состав страны и другие государственные структуры.

В районной газете первая страница была посвящена тридцать третьей годовщине «Кровавого воскресенья». Сегодня молодые люди совсем не знают, что это было за событие, а тогда о расстреле депутации рабочих,

идущих с прошением к царю, говорили и писали довольно много.

Но в стране всё пока идёт своим чередом. В центральных и краевых газетах появилось информационное сообщение об очередном Пленуме ЦК ВКПб. Пленум освободил П.П.Постышева от обязанностей кандидата в члены Политбюро ЦК. Вскоре его арестуют, как сотни и сотни других людей, объявленных врагами народа.

Но пленум... в то же время принял Постановление «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из рядов ВКПб и мерах по устранению этих недостатков». Партия подвергла критике политику расправ над неугодными, принципиально несговорчивыми коммунистами. Самое главное решение: «Запретить парторганизациям вносить в учётную карточку коммуниста факт его исключения из партии до рассмотрения апелляционной жалобы. Запретить неправильную, вредную практику, когда исключённых из ВКПб снимают с занимаемых ими должностей.

Местная же пресса вновь полна критики. «К севу готовятся плохо». Это о колхозе имени газеты «Правда», где из 12 сеялок отремонтировано только 5, из 13 конных граблей — только 3, из 9 плугов — только 6. Из 1129 центнеров ячменя, подлежащего очистке, очищено только 500. Газета бьёт тревогу о том, что в колхозе имени Калинина с подготовкой к севу явно не спешат. Царит равнодушие и самоуспокоенность. Меж тем из 350 центнеров ячменя не очищено ни килограмма. В первой и второй бригадах низкий выход колхозников на работу. Ещё надлежит отремонтировать 25 борон, 14 плугов, 4 сеялки.

Газета, не церемонясь, бросает обвинение в лицо директору Стародеревянковской МТС Курсову в том, что заболевший воспалением лёгких токарь Сварский нуждается в хорошем лечении и уходе. Причём болеет он уже более месяца. Директор мало что ничем не помогает, но даже отказал в подводе, чтобы отвезти Свирского в больницу.

В колхозе «Красный партизан» Куйбышевской МТС за стахановскую работу было премировано много колхозников, да только премий они до сих пор не получили. В качестве премий были выделены железные кровати, радио и велосипеды. Газета ставит перед районным земельным отделом в кратчайшие сроки установить справедливость по описанным ситуациям. Не простили правлению колхоза «Политотделец» прошлогодние обещания отремонтировать вагончик для трактористов. По ходатайству газеты было наказано правление колхоза «Путь к коммунизму» (станица Стародеревянковская), где из рук вон плохо поставлена подготовка к севу.

Газеты сообщили, что 25 января 1938 года скоропостижно скончался Председатель Комитета Народного контроля и заместитель Председателя Совнаркома Валериан Владимирович Куйбышев. Некролог был помещён в республиканских, краевых и районных газетах. Куйбышева любили в народе, поэтому утрата была огромной.

В газете от **30 января** был опубликован план сельхозработ на 1938 год, утверждён-

ный постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР. Видно, какое внимание партия и правительство уделяли аграрному сектору страны. Несомненно, что индустриализация страны, электрификация, механизация сельского хозяйства позволили укрепить страну в предвоенные годы.

В очередном выпуске газеты «Знамя Ударника» появилось выступление прокурора Каневского района Третьяка, сделавшего анализ хищений на объектах экономики района. Он сделал акцент на то, что наиболее высокий уровень растрат и воровства пришёлся на конец 1937 года. Так в «Райкожкоопремонте» на работу приняли некоего Маркозашвили. Украв 1600 рублей, он скрылся. Растраты в системе торговли составили 13000 рублей (при средней зарплате продавца 160 рублей). Прокурор жёстко ставит вопрос перед руководством райпотребсоюза об усилении ревизионного контроля. Что касаемо органов правопорядка, то они правомерно ведут свою работу с преступностью, и свидетельством тому служат ряд судебных процессов, проходивших в Каневском районе.

Некто Бородин сообщает о безобразиях в доме колхозника, находящемся на балансе жилкоммунтреста и призывает районные власти взять под контроль это учреждение.

Селькор газеты «Знамя Ударника» сообщает, что конюх колхоза имени «Семнадцатого партсъезда» Щербак по-варварски относится к лошадям, а на замечания колхозников отвечает нецензурной бранью. Представление газеты было направлено правлению колхоза для проверки и принятия мер. Все факты подтвердились. Д. Щербак переведён на общие работы и больше отношения к лошадям не имеет.

Комментарий автора. *В описываемое время должность конюха была особо престижной и располагала не только наличие немалой натуральной и денежной оплаты труда. Кроме этого давали и ряд привилегий. Конюх выдавал на работу колхозникам лошадей, получал на них корма. В любое время для своих личных нужд мог взять подводу и так далее. Имел привилегии на первоочередное получение сена, соломы, половы для своего хозяйства.*

В редакцию районной газеты поступило несколько жалоб на завхоза сельхозартели имени Косарева Стародеревянковской МТС Погорелого. На момент поступления жалоб он ещё исполнял и должность председателя. Колхозники обвинили его в финансовых махинациях, откровенном воровстве и бесхозяйственности. Изложенные в письмах жалобы подтвердились. На общем собрании он был освобождён от всех должностей. Более того, собрание постановило возместить все убытки, нанесённые колхозу, за счёт Погорелого. Ну, а дальше — дело за правоохранительными органами.

Ещё одна статья называется «Случай на реке Челбасы». В один из морозных январских дней на реке около мельницы №3(Мельница Белоусова в районе Загребли, взорванная в войну. Примечание автора.), дети катались на коньках. Двое подростков заманили младших детей Ваню Коноваленко и Васю Нелюбу на середину реки, где лёд был ещё тонкий. Лёд проломился, и дети стали тонуть. Заманившие убежали, уведя с собою и других детей. Оказалось, что помощь оказывать было некому. Тонувших бросились спасать колхозники, находившиеся в это время на мельнице. Колхознику Джунь удалось вытянуть из воды детей.

С 1 января 1938 года, как сообщила районная газета, пенсию пенсионерам труда выплачивает отдел социального обеспечения Каневского райисполкома. Слово «собес» стало обиходным на все последующие годы, вплоть до падения Советской власти. А тогда пенсионерам, как работающим, так и неработающим, надлежало явиться, по сообщению газеты, в отдел социального обеспечения с документами для перерегистрации. *(До революции 1917 года пенсию получали только лица, находившиеся на государственной службе: чиновники всех рангов, учителя, медики и военнослужащие в отставке.* ***Прим. автора.****)*

По сообщению ТАСС из Парижа о положении на фронтах Испании, после двух дней относительного затишья в конце января на теруэльском участке Восточного фронта, республиканские войска вновь взяли в свои руки инициативу боевых действий. 25 января республиканские войска атаковали мятежников в секторе Сингра и продвинулись вперёд. Артиллерия республиканцев также рассеяла скопление мятежников в районе Кампилью к западу от Теруэла. 50 республиканских самолётов подвергли бомбардировке мятежников в районе Сингра.

«Восстание в Сирагосе». Агенство Эспань сообщает, что по заявлению многих групп перебежчиков из лагеря мятежников в Сарагосе в январе произошло восстание среди войск мятежников. Восстал 17-й пехотный арагонский полк, в казармах которого произошло настоящее сражение. Восстание было подавлено, участники — расстреляны, среди них 10 солдат, четыре лейтенанта и три капитана.

Сообщения о событиях внутри страны. Наркомат финансов СССР решил провести шестой тираж выигрышей по займу второй пятилетки 17-18 февраля в городе Куйбышеве. Сумма выигрышей 173 миллиона 920 тысяч рублей. В состоявшихся ранее пяти тиражах было разыграно 5 миллионов 60 тысяч выигрышей на сумму 833 миллиона 600 тысяч рублей (сумма по тем временам умопомрачительная).

Краевая газета «Большевик» на своих страницах сообщила о судьбе экипажа самолёта СССР Н-209, потерпевшего во время беспересадочного перелёта Москва — США через Северный

полюс. Запросы о судьбе Героя Советского Союза Леваневского и его экипажа поступили от трудящихся Краснодарского края.

Главное управление «Севморпути» сообщило, что на острове Рудольфа находится группа тяжёлых самолётов под руководством Героя Советского Союза Шевелёва, которая при первой возможности продолжит поиск пропавшего экипажа. Со стороны Аляски поиски будет вести полярный исследователь Вилкине на самолёте «Локхид». Сейчас поиски затруднены из-за полярной ночи, а также неблагоприятных метеоусловий (пурга, метель, крайне низкие температуры). На вопрос, жив ли экипаж, ответить затруднительно, хотя у экипажа был запас продовольствия, оружия для охоты и охотничьи припасы.

ТАСС подвело итоги пятилетия пребывания Германии «под сапогом» Гитлера. Тюрьмы и концлагеря набиты революционерами и всеми инакомыслящими. На предприятиях царит невиданный произвол и безудержная эксплуатация рабочих. Сельское хозяйство пришло в упадок. Фашисты провозгласили лозунг: «Пушки и снаряды вместо масла». Германское правительство заключает с Японией и Италией «антикоминтерновский» пакт. Советское правительство, анализируя ситуацию, делает вывод, что против СССР готовится война, и гитлеровцы выжидают момент для осуществления своих кровавых замыслов.

Сведения из Китая поступают от ТАСС, которые, ссылаясь на сообщения в английской прессе, сделало заключение, что китайская авиация проявляет необычную активность, произведя 14 налётов. Были потоплены 4 японских канонерки, уничтожено 24 японских самолёта, разбомблено 2 военных поезда. При налёте китайской авиации на город Гуандэ было уничтожено 10 японских самолётов и склад горючего. А на аэродроме города Уху из 100 находившихся там японских самолётов была уничтожена половина. Таких потерь Япония ещё не знала на китайском фронте.

В плане дальнейшего освещения международных новостей ТАСС сообщает, что год 1937-ой для многих капиталистических стран стал годом дальнейшего обострения внутренних и внешнеполитических проблем, роста классовых противоречий.

В фашистской Германии 1937 год прошёл под знаком подготовки к грядущей войне. Увеличение налогов более чем на 70 процентов ухудшило условия жизни в первую очередь рядовых граждан. Резко повысились цены на продукты и предметы первой необходимости. В крупных городах введена карточная система на продукты питания. Только за четвёртый квартал в стране произошло 2213 самоубийств.

В Японии из-за войны, развязанной против китайского народа, произошло обнищание трудящихся масс города и деревни. В 1937 году цены на продукты выросли на 22,2 процента. На очередное снижение уровня жизни рабочие ответили массовыми стачками и забастовками, в которых участвовало более 200 тысяч человек.

В Польше средняя зарплата снизилась на четверть. Это на 20 процентов ниже номинального прожиточного уровня. Около 9 миллионов разорившихся крестьян не находят применения своего труда ни в сельском хозяйстве, ни в промышленности. Из 34 миллионов населения — 2 миллиона больны туберкулёзом, а 500 тысяч — трахомой. Врачебная помощь нижним слоям населения недоступна, в результате — высокая смертность и значительное сокращение прироста населения.

В Англии у десятой части детей школьного возраста здоровье признано ниже нормального. Причина — недоедание. И это в развитой европейской стране, по рангу находящейся на одном из первых мест в мире.

Америка в 1937 году вступила в новый экономический кризис, неуклонно сокращая производство. Добыча угля упала на 23 процента. С первого сентября 1937 года количество безработных в стране выросло на два миллиона человек. Сталелитейная промышленность работает на 20 процентов своих возможностей. Со времён первой мировой войны впервые забастовочное движение достигло своего пика. Только за первую половину 1937 года произошло 2512 забастовок, число участников перевалило за один миллион двести тысяч человек.

Казацькому роду нэма пэрэводу

Николай МРИНСКИЙ

О САЛЕ НАСТОЯЩЕМ, УКРАИНСКОМ

Бесспорно, что национальной гордостью украинца, малоросса, хохла является знаменитое сало, пудами вывозимое в прошлом столетии в Германию, Францию, Данию, Швецию, Англию и другие страны, и приносившее немалый доход в государственную казну.

Не утратило оно прежней славы и в наше время в умелых и трудолюбивых крестьянских руках. Украинец и сало издавна, да и теперь — неразделимые слова. Хотя, справедливости ради, надо бы отметить, что украинцы в этом вопросе были далеко не первыми. Значительно раньше по времени их опередили итальянцы. Вторыми были немцы, которые и привили вкус к салу вначале в запорожском крае, а затем и по всей Украине. Сколько анекдотов сложено на эту тему, и что сало-допинг, и сало-мечта, и сало-мусало. И при любом раскладе, при любой байке, украинец важно и степенно режет и смачно жует своё «сальцэ». На первый взгляд, казалось бы, ну что здесь особенного? Пошёл человек на рынок (базар), купил пару кусков свежего свиного сала, засолил его и через несколько дней готово — кушай на здоровье и наслаждайся свежим солёным салом. А вот не тут-то было, потому как (у хохла Мыколы, т.е. у меня — шутка) у соседа оно вкуснее, ароматнее и прямо тает во рту. Сказка, а не сало, ешь и не можешь оторваться. Так в чём же секрет, где, как говорят, собака зарыта. Ходишь порой по базару (автор сам это делал в пристойные, не так далёкие времена, в Одессе, Николаеве, Кировограде и т. д.), пробуешь сальцэ, а «воно всэ нэ тэ». То слишком солёное, то, как мыло, жирное и пресное, то ни то ни сё, не то рыба, не то мясо. То шкурку не угрызёшь — она как подошва, то вялое оно какое-то, прямо мокрое — сыростью и погребом отдаёт.

В общем, ничего не подходит, не нравится, а купить хотелось, плюнешь с досады и придёшь домой ни с чем. Куда оно теперь подевалось хорошее сало, как было когда-то — одному Богу известно. В летнее время жить без сала ещё можно, потому как зелень разная присутствует, овощи, фрукты и ягоды. А зимой, с наступлением холодов да морозов, нашему человеку без витамина «Цэ» — сальцэ, яйцэ, маслицэ, та мясцэ никак нельзя, т. е. довольно трудно выжить. Съешь с утра несколько ломтиков тонко нарезанного морозного сальца с чёрным бородинским хлебушком и будь здоров, не вспоминай за еду почти весь день. Ходишь, работаешь и не тяжело вовсе, не занимает же оно много места. Да, что тут скажешь? Калорийная пища, и в особенности необходима строителям, охотникам, геологам и другим людям, работающим на свежем воздухе. Сало — продукт незаменимый, не портится и силы большие придаёт организму. И всё-таки я пытался не раз найти настоящее украинское сало на разных рынках. Редко, но всё же что-то наподобие удавалось купить, тем не менее всегда мечтал о настоящем «хох-

ляцком» сале и вот однажды, находясь у родичей в пригороде Александрии, что на Кировоградчине, к столу пригласили пожилого соседа. Он с радостью пришёл пообщаться и прихватил из дома вместе с горилкой шматок сала. После выпитых нескольких рюмок полилась наша столь необходимая и интересная беседа. Сосед Юхим сразу заметил, что правильно посолить сало — это ещё далеко не всё, главное — и он продолжил, вот в чём. Сейчас свиней гонят на поток, на продажу. Людям нужны «быстрые» деньги, хозяевам без разницы, как и чем кормить поросёнка, лишь бы вес побольше да побыстрее набрал.

Перекупщикам свиней со двора продают тучных, вроде справных, накормив их перед этим солёной пищей, с тем расчётом, чтобы затем дать выпить животине ведра два-три воды перед забоем. Конечно, речь уже не идёт после этого о вкусном сале, да и мясе. И пошли дальше по цепочке: как обрабатывают свинью после убоя? Паяльной лампой, абы как, шкуру прожгут, ножом щетину подсобьют, вот и готово — вези на базар и торгуй. А старинное хохляцкое сало делалось совсем не так. Всё начиналось с маленького поросёночка. Весной их брали в хозяйство на сало нескольких. Вроде на первый взгляд все одинаковые, беленькие, розовые, а потом присмотришься поближе: один жрёт всё подряд, что не подставь, как взрослый кабан, другой только жижицу сосёт, третий же всё время спит, вялый весь какой-то и т. д. Поросят этих выбраковывали и оставляли одного-двух, здоровых да крепких. Второй вопрос, как и чем их кормить? Сейчас поросёнку такую иногда гадость дают, что и свинья есть не станет. Для себя, для своей семьи поросят кормили добрым кормом; кашу варили, пшеном, кукурузой, жмыхом, комбикормом, для сладости добавляли обрат молока, свеклу, картошку и т. п. Свинья росла в тёплом и добротном хлеву, без сквозняков и холода. В катухе стелили соломку, постоянно её сменяли и своевременно убирали навоз. Хозяин видел, что свинья росла чистой и здоровой. Так вот, настоящее украинское сало славится тем, что оно не сплошь сало, хотя и такое бывает, а с прожилинами, с прорезями мясца вроде слоёного пирога. Умный хозяин постил свою свинью пару дней, давал мало пищи или только растительную: свеклу, морковь, капусту, тыкву и т. п.

Кстати, этим голоданием он и вылечивал хрюшку от разных болезней. Рос поросёнок, набирал силу, круглел и становился уже «пидсвинком». Чтобы кабанчик не стал падать на ноги, хороший хозяин выгонял его во двор, порезвиться, подышать морозным воздухом. Бегает свинья по двору, роет землю своим мокрым, розовым пятачком, осматривает мир вокруг своими умными поросячьими глазами с белёсыми ресницами и похрюкивает от удовольствия. А хозяин тем временем поднимает сыновей и предлагает им убрать навоз и вывезти его в огород. Чего греха таить — не всегда хочется парням ковыряться в навозе, кривятся они от запаха, сопят, а деваться некуда. Отец стоит рядом, та и приговаривает: «А помните сынки, как в прошлом году ставила на стол ваша матэ кэндюх, печёнку жареную, сальце, ковбаску по-украински, та ещё и пирожки с потрибкою пекла?» — «Як же нэ помныть, батько, таку вкуснотищу, такой запах ароматный». — «Так я вам, хлопци, так скажу, оцэ ж шо воно сичас воняе, потим на столи будэ пахнуть».

После этих слов, надвинув шапки и поплевав на руки, братья с удвоенной силой брались за дело. А сосед Юхим, сидя за столом, продолжал, — настало время колоть, забивать свинью. Это не просто бывает. Свинья визжит, по двору бегает, а за ней горе-резчик. Настоящий ризник — это человек от Бога. Он каждую свинку, каждого боровка понимает, знает его норов. Большинство свиней и не чувствует своей смерти. Подойдёт он к ней ласково, пошепчет за ушком, приподнимет левую ножку, чик и готово. Хрюкнет только свинья — и набок. Спустит он ей кровь и начнёт пахучей ржаной или пшеничной соломкой потихоньку щетинку опаливать, осмаливать. Смотрит, чтобы не пережечь, чтобы шкурка не треснула.

Отсюда потом у такого сала кожа пахучая, золотисто — ржаная, впитавшая запах дымка и соломы. Разделает резчик тушу, вынет потроха и сложит их в хозяйский таз. Мясо нежное, непуганое, по всем правилам сделанное. Перевернёт он и положит тушу на деревянный настил, отрежет и себе кусочек печёнки и вкусного свежего мясца за проделанную работу. Хозяйке заявит: «Принимай работу, всё готово»,— своё завернёт в тряпочку, вымоет руки, выпьет стопочку, закурит, а затем сунет нож за холяву сапога и бывай такой здоров, люди добрые ждут его ещё в другом месте.

В старину, когда не было холодильников, морозильников хранили свинину в сенцах, подвешивая её на крепких вожжах. Резали свиней обычно с наступлением холодов. Мясо хорошо хранилось и долго не пропадало. Отрубит хозяйка кусок приморожденного мяса, выйдя в сенцы, и глядишь к обеду — борщ наваристый поспевает или жаркое (картошка тушёная с мясцом). Хотя, конечно, человек, знающий толк, может и возразить, доказывая, что настоящий украинский борщ вкуснее получается на говяжьей косточке. Он, по правде сказать, и крепче, и духовитее выходит. И всё же, как солили сало? Оказывается — просто. Брали крупную соль и густо ею натирали сало, лишней соли оно не возьмёт. Клали в прохладное место дня на четыре, потом счищали соль и складывали сало в ящик, выставляя его в сенцы, на мороз. Секрет сала не в соли, а в «холи». Особенно полезно хорошее сало детскому растущему организму. Если хлопчик, набегавшись и наигравшись, приходит домой голодный и съедает кусок сала — значит всё в порядке. Вырастет из него здоровый и крепкий парень. Вот вкратце и весь разговор на тему о настоящем хохляцком сале. Бувайтэ здорови, тай добрэ сальцэ потребляйтэ.

7 апреля 2010 г.

Андрей ЛЯХ

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЛЬНИЦА

Жеребчика-кабардинца трёхлетку Вьюна младший сын Мартына Лукича Архипка сам растил и холил. Непрестанно спозаранку водил его на водопой к «доброму колодязю», частенько подсыпал вместо овса арнаутку (белое твёрдое зерно). Сам выборочно косил ему сено, и каждый день скрёб и чистил любимца. Добрый конь вырос. Старший сын Свирид и старый приблудный черкес Хамид объездили его под седлом по всем правилам, а уж особые навыки меньшой прививал сам.

Привёл он его, вернее, принёс с товарищем своим Гришуткой в старом порванном вынсарате (плащ-дождевик) серым непогожим днём в начале декабря 10-го года на летнюю дальнюю кошару, больного и взъерошенного, кашляющего и фыркающего, со слипающимися гнойными глазами и забитыми слизью ноздрями.

— Цыганы бросылы, — промолвил Архипка. — Мы, тамычко, дэ стояв их табор, по смиттям лазылы, думалы, можэ чи якый ножик цыганы забулы, або загубылы, ото там цёго бидолагу и знайшлы… Грышка хотив до сэбэ тягнуть, та батько ёго, нагнав нас выламы с базу, сказав, шо нэ хватало ще сапу на худобу прытянуть. Ото я, батя, и до нас на баз нэ став ёго нэсты, а прынис сюды до кошары…Жалко ёго стало…

Лукич досадливо замахал руками, но затем, смягчившись, понял, что ничего не поделать с казачьей кровушкою, бушующей в его сыне и негоже попрекать его за ту генетическую особенность, перешедшую по наследству и выразившуюся в верности к лошадям, которая напрочь отметает и здравый смысл, и трезвые решения в действиях. От славных пращуров черноморцев передалось его сыну сочувствие и любовь к четвероногим товарищам... Про себя подумалось:

— Нэхай спытае сынку, як воно рэшать важки задачи, а нэ зможэ потянуть такэ дило, так на увэсь свий вик гирку науку запомнэ. Тикэ хай сам тянэ, бэз моих пидсоблэний.

Так рассуждал Лукич, глядя на не дышашего, ждущего приговора отца, сына.

— Цыганы просто такычко нычого нэ бросають, мабудь и их ворожии нычого з ным нэ змоглы подиять. А писля ных нашим коновалам и робыть тутычко ничого.

Архипка тоскливо посмотрел в глаза отцу, как бы ища в них участия, и тут же отвёл их в сторону и упрямо прикусил обветренную треснувшую губу, тем самым обозначив полное сходство со своим дедом, в память которого и был назван. Лукич смягчился сердцем и продолжил:

— Ладно, сынку, добрэ… Можэ и загоитця ёго вавка… Та и вивци вжэ на зимовыну одигнаны. А тутэчко и кобычка — нэвылычка есь, та турлуку хватэ надовго, грийтэ ёго душе, можэ й выличитэ. Кизяка трохи осталось, я ёго пэрэвозыть нэ буду, вам сгодыця. На сап на пэрший погляд нэ похожэ, а ось то шо лёгки у ёго дужэ запущени, або глысты лёгочни мабудь доидають животыну, ото можэ буты… Тилькэ так, хлопци, до конэй и худобы ны пидходьтэ в цией одэжи, та рукы свои баньтэ сулимою як до дому будытэ прыходыть… А йижу повэчеряты я сам вам зараз прынэсу, або Мыкыту прышлю.

Лукич глянул на Гришку.

— Батько знае, дэ ты блукаешь?

— Ага, — тот улыбнулся и утвердительно кивнул.

— Зайду по пути до нёго побалакаю. А вам обыдвум и ёму, — Лукич ткнул пальцем в сторону жалобно дрожащего жеребёнка, — Объявляю суворый ка-ран-тын.

Стригунок, почуяв доброжелательный тон, замахал куцым обгаженным хвостиком, как щенок.

— Ны хвистык, а вьюн якыйсь-то, — улыбнулся Архипка. — Ото Вьюном ёго и гукать будэмо.

Лукич усмехнувшись в бороду, неспешно накинул старую подпаленную снизу бурку, замотал голову, поверх низкой в залысинах папахи, серым затасканным башлыком и побрёл, по налипающей к стоптанным, пропитанным дёгтем сапогам грязюке в сторону хутора.

Как лечили стригунка — на то особый сказ. И смех, и грех, как точно подмечено народом. Главное, что горе — лекари, невесть как, притянули с Пысарэнкивськых дальних хуторов старого деда Буглая — ведуна, пьяницу и обжору, но дело своё твёрдо знающего. Живя особняком в жилище, напоминавшем скорее медвежью берлогу, молитвами и снадобьями он не единожды поднимал и животных, и людей, порой вытаскивая их из беззубой пасти «курносой».

Поговаривали, что Буглай в пластунской своей молодости заснул в залоге и попал в руки к хэджрэтам, и там у них прославился лечением всей ихней худобы и заодно бесплодных девок и баб. А також бывало, врачевал и раненых абадзехов. Но постепенно плен стал Буглаю в тягость, да и скудный рацион горцев, без капли

«животворящей жидкости» к обеду, раздражали казака. И тут на его радость и горе горцам, в окрестностях Хакуринохабля повсеместно и внезапно начался падёж скота. Буглай поломавшись для форсу, согласился его отвести от абадзехских жилищ, но лишь ценой собственного освобождения… Старейшины пообещали ему это, и он был отпущен под их слово. За неделю, колдуя и указывая жителям аулов, что нужно делать, казак остановил бушующий то ли сап, то ли мыт. Уйдя же восвояси, он, однако, не раз ещё приходил на помощь черкесам и кабардинцам. Гукали его и к казакам, и к оседлым иногородним. И пошла гулять буглаева слава и почёт по горам и долинам… Дошла она и до черноморских станиц. Нередко станичные атаманы присылали подарки пластунскому начальству с нарочными, чтобы на недельку-другую заполучить знаменитого лекаря. Однако кому-то из начальников, обделённых вниманием, не понравилось это куначество Буглая и его частые отлучки в степи и на ту сторону Кубани во вражии становища без стратегической надобности. По навету его подвели под трибунал за дезертирство, когда он в очередной раз врачевал кабардинских овец. Но приговор не привели в исполнение, так как у всех офицеров, принимавших участие в судилище, началось сильное расстройство желудка и помочь им смог только тот же проштрафившийся Буглай. Кончилось всё внезапным комиссованием пластуна — казарлюги с отправкой в свою родовую станицу Уманскую, при особом указании неразглашения военно-стратегической тайны в отношении выздоравливающих отцов-командиров и с одновременным определением его воинской непригодности по возрасту…

Казалось, весь хутор пестовал всепоглощающего ведуна. И хоть стоял Филиппов пост, не один кабаний окорок и бараний задок ушли за короткое время в его утробу. Даже щирые богомольцы — старики и те решили не мешать, именно таким образом, поднимать жеребчика на ноги… Благо зимой особых работ и занятий у казаков не было. Так что, можно сказать, всем хутором и поднимали. А уж с какой охотой каждый взрослый казак старался принять посильное участие в борьбе за жизнь жеребёнка — не описать словами. Они охотно несли различной вмещаемости пляшки и склянки с мутноватой, и, как слеза прозрачной жидкостью, к старой кошаре. Однако памятуя о Великом посте, старались не оскоромясь прихватить из кадушек кавунчиков, огурчиков или помадорчиков с мочёными яблочками и с капустной пылюсткою. Иногда, правда, особо забывчивые приносили и шматочки сала или окорока. Всё шло на общий стол.

В кошаре буйствовала иная жизнь, и действовали какие-то неведомые ранее законы, напоминавшие, как казалось казакам, «Сичеву старовыну», рассказанную им ещё по малолетству их дедами. Здесь в кругу таких же, недавно скучавших по хатам, старых рубак и лошадников, каждый, кто носил усы или бороду, наслаждался вперемешку с байками и анекдотами дымком резаного свежего табачка под чарочку — другую и чудодейственным мастерством легендарного лекаря. Удивляли их и казаки-парубки, варившие по указаниям Буглая для поднимающегося, выздоравливающего лошадёнка пойло из отрубей и сыворотки с какими-то добавками вкусно пахнущих порошков.

Начались погожие деньки. Уже выпал снежок и небольшие морозцы всё— таки сковали жирную грязевую кашу. Слава об образовавшейся «сичи» на кошаре облетела всё мужское население хутора, и каким-то образом минула мимо ушей постоянно занятой прекрасной половины. Мужчины показно-старательно без спешки и на совесть творили свои будние дела на базах. А коль не было особой надобности в их присутствии пред очима занятых хозяек, то есть, чтобы избежать сонливой лености на виду у своих баб, казаки потихоньку шли к кошаре. Малолетки и парубки после уроков в школе, устроенной в соседней Куликовке в доме богатого казака Игната Дубины, и управившись с домашними текущими заботами, возложенными на них мамками и батьками, тоже, собираясь ватагами, бежали к кошаре. И там уже с удовольствием перенимали навыки владения нагайками и батогами, шашками и кинжалами, которые один лучше другого показывали раскрасневшиеся и чудным образом всеобще подобревшие отцы, дядья и старшие братья. Показушки— шэрмованья творились тут же вокруг жердяных изгородей и турлучных плетней кошары. Такого братанья, товарищества и всепоглощающего единения казаков всех возрастов, давно не помнили ни седовласые третьеочередники,

ни деды, прищкандылявшие на сие стихийное сборище. Казалось, что жеребчик объединил изнывающие от зимней тоски души хуторян в единую команду, коей старыми батьками сразу же было дадено название «Вольница».

Утихало буйство лишь с сумерками под гудение набатного колокола, призывавшего на вечернюю службу. А на следующий день все, кому позволяло время и у кого не было текущих домашних забот на базу или в отъезде, охотно вновь шли скоротать время и позубоскалить на стихийно возникающие каждодневные сборища, походя сбрехав своим вечно занятым бабам, что идут перекинуться в «ишака» к куму или свату. Так и жила тайной жизнью неприметная летняя кошара Макара Лукича, где в турлучном и обмазанном глиной маточном катухе поселилась весёлая хуторская гулебщина.

Периодически дед готовил большими порциями микстуру из приносимой казаками горилки, пороха, высыпанного из патронов, и каких-то одному ему ведомых трав. Поочередно потчуя ею, в малых порциях и стригунка, и молодых казаков — лекарей, не забывая при этом щедрую толику наливать и себе. Бывалые, рэпаные вояки-хуторцы, с какой-то жгучей любовью и удовольствием возились с Вьюном. Заворачивали стригунка в шерстяные тряпки и шали поверх щедро намазанной горячей каши из отрубей, смешанных с толчёными голубиными гнёздами, мёдом и горчицей. Укрывали своими же бурками и кужухами. Под еле слышный молитвенный шёпот ведуна они зажигали святые свечи, принесённые ими из церкви, и при этом не забывали пропустить с Буглаем по очередной усиленной дозе приготовленной микстуры, дабы вывести из организма летающую повсюду «заразу».

Наконец дошло дело и до скандалов… Мамки, тётки и бабки, недосчитавшись в сундуках с поношенным рямтьем своих побитых молью шалей и вязаных платков, любовно переложенных табачными листьями, чтоб моль их до конца не съела, подняли вой и начали своё бабье следствие. Они без труда установили, что ихнее «драгоценное рваньё» утащено казачатами из родных хат в клятую кошару, а иссякающие бездонные рождественские реки свежевыгнанной «божей слезы» успешно превращены их суженными и чудо-лекарем в микстуру. Вооружившись коромыслами и рогачами, бабы лавой пошли на кошару во всекрушащей психической, по их понятиям, атаке.

Благо, повстречавшийся им батюшка Михаил, с его слов, по чудесному благоволению Творца оказавшийся на полпути от кошары, нетвёрдо бредущий к хутору по подтаявшей дорожке в сопровождении длиннобудылого краснолицего дьячка, пояснил им, любезным:

— Сие, что сотворилося у хуторе, есмь не что иное, яко провидение Господне, и испытание, ниспосланное в дни Поста Великаго на дщерей Его любящих, а Чудо возникше на небеси, вам, мои ягницы заблудшие, яко вразумление Его.

И в подтверждение своих слов святой отец указал на одинокие плывущие клубы серожёлтого дыма, с равными промежутками поднимающимися над крышей кошары и периодически закрывающие и без того холодное зимнее солнце.

Бабы были раздавлены увиденным «чудом», атака захлебнулась, и они, попадав середь поля на колени, начали креститься под унылое, гундосое пение периодически икающего дьячка. Затем горемычные вразброд поплелись каждая к своей хате.

Где ж им было ведать, что собравшееся почти половинное население хутора, носящее папахи и шаровары в дозволенной возрастной категории, напробовавшись заразоразгоняющей микстуры Буглая, не ведая о сорванной атаке «неприятеля», на тот самый момент демонстрировали малолеткам и парубкам, как подавать сигналы «сполоха» при помощи подожжённого мусора и тряпья, периодически накрываемого буркой.

К Рождеству в сторону Лукичевой кошары была протоптана плотная широченькая дорожка, и не удивительно, что все хуторские хлопчинята и парубки собирались там и обсуждали предстоящие колядки и щедрувания. Естественно, единогласно, как несомненных героев, на роль «мехоноши» и «бэрэзы» избрали Гришуху и Архипку.

В святки, с их разгульными времяпровождениями, с постоянными наездами гостей, а то и просто с походами по хаткам, праздничными выездами в станицу на ярмарки и прочие увеселения казакам, признавшимся всепрощающим жиночкам о своей слабинке в пост и о похождениях на кошару, уже не было надобности таскаться на свою маленькую тайную «Сичь».

Перед самым Рождеством Лукич отвозил в «берлогу» уставшего от своих благих деяний деда Буглая. Тот сидел в санях в огромных, подбитых кабаньей шкурой шерстью наружу, валенках — опорках с полными мешками разной снеди и булькающей бутылью незамерзающего зелья, в виде сэкономленной им микстуры. Хотя он щедро отлил её в четвертную пляшку, «на всякий случай» для Мартына Лукича, ему её досталось ещё предостаточно.

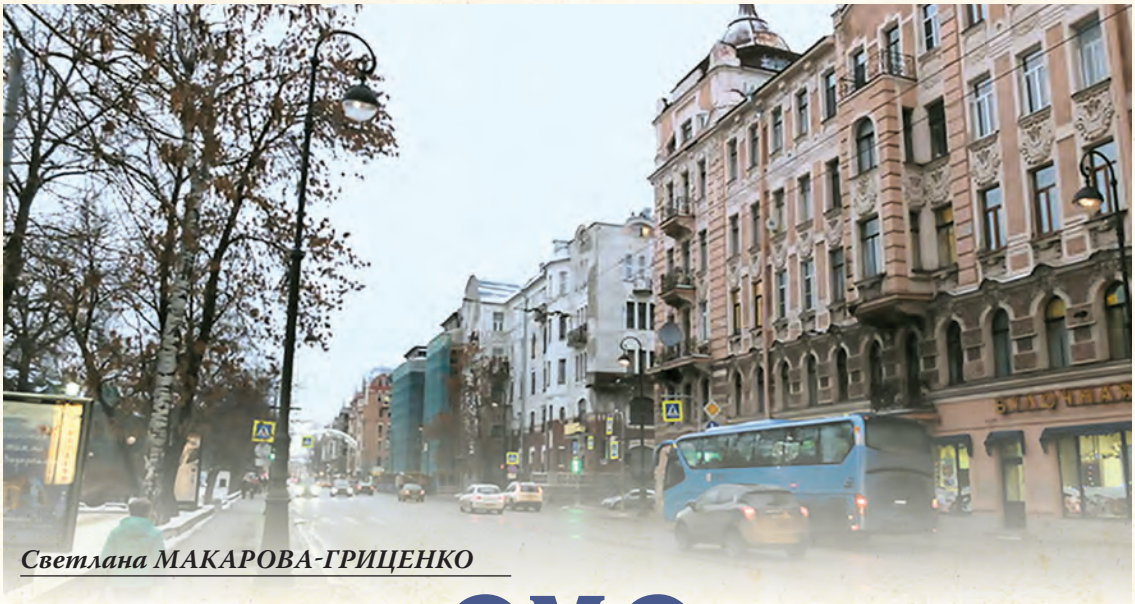
После шумливых колядок и шедруваний «вольница» потихоньку растаяла. Занесло сугробами натоптанную дорогу, и только рыжеватая стёжка указывала на то, что там ещё теплится жизнь…

А на Крещение Господне Гришуха и Архипка первый раз завели резвого стригунка на баз Лукича. Умыв его свяченой водичкой, уже весёлый, хлебнувший буглаевского зелья, Мартын Лукич заметил, что стригунок старается лизнуть его в губы.

— Ты дывысь, ныяк микстуру чуе, — расхохотался старый казак, а за ним следом залились в хохоте, хватаясь за бока и щёки, все высыпавшие на баз домочадцы и гости.

Ст. Уманская, ноябрь 2015 г.

Кубанские
писатели



Светлана МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО

СМС

«И так, форум закончился. Дело сделано! Шеф доволен». Пётр Григорьевич Калашников в поздний час шёл по длинной пустынной улице, кутаясь в воротник драпового пальто, которое вовсе не спасало от колючего, с редким снежком, ветра. В свете фонарей снежные заряды хаотично крутило, выбрасывало из светового потока, чтоб через мгновение снова завернуть их в бледно-оранжевый световой сноп. Корявые липки, высаженные вдоль тротуара, ловили невидимые снежинки и качали голыми ветками вслед проносящимся мимо авто. За деревьями прятались мерцающие бледными окнами новенькие многоэтажки. Словно гигантские великаны нависали они над Приморским проспектом и растворялись в мутно-сером небе. Было неуютно, сыро, стыло. Калашникову с каждым новым порывом хотелось ещё больше ускориться! Разбежавшись на просторах Невской губы ветрище пробирал до костей. Бегом — в такую погоду не погуляешь тихим шагом — к остановке автобусной — домой, в тепло! Только б транспорт не подвёл, времени в обрез, до закрытия метро меньше часа. А вдруг последний «бас», как случилось недавно, на маршрут не выйдет. Только б не сегодня! И без этого третье ноября наполнено событиями по самое горлышко. Форум сделали! Отработали, как часики — тики-тики-так! Наконец мероприятие закончено, и шагавшему по мокрому асфальту усталому Калашникову хотелось забыть о работе — но она не отпускала! Застряли в памяти испуганные глаза мальчишек, менеджеров по площадкам. Зудели слова шефа о том, что цель у форума одна, а у организаторов их много! И все главные: заработать максимально, зарекомендовать себя экспертами в области инвестиций, сделать всё филигранно!

Кто ж спорит, мелочей в бизнес-центре не было, с первого шага гостей под локотки вели. И очень кстати Калашников поставил на входе именно Дениса и куколку Ляльку! Не подвели, приветствовали участников так, что дамы подтягивали животы, а мужички плотоядно переглядывались.

— Несмотря на то, что профессиональный конференционный бизнес зародился в нашей стране не более десяти лет назад, я оцениваю его будущее весьма и весьма позитивно, — монотонно гудел в ушах голос шефа, застрявший в памяти от бесконечных повторов на ещё более бесконечных совещаниях. Международный, инвестиционный стал первым для коллектива, собранного при администрации области. Калашников, правая рука шефа, числился артдиректором. Опыт работы в подобных мероприятиях у него, конечно, имелся, но здесь, в Питере, всё впервые, и заново пришлось доказывать, что ты на своём месте... «Профи! Отработали во славу шефа. Дальше будет легче. А теперь до дома бы доплестись ...» Калашников и не заметил, как сбавил скорость. Голову раскалывало. Но хуже того — тупая боль в животе, каждый шаг усиливал её, будто расходовался, источался отведённый на сегодня запас сил и движений.

— Объём рынка деловых мероприятий в России освоен не более чем на 15—20 процентов! Это наш шанс, друзья! А если мы... и если качество, и если результативность...

«Если?...— продолжал внутренний монолог Калашников. — Справились мы, Евгений Сергеевич! И ты почти не мешал», — невольно хмыкнул при мысли о шефе. Будто услышал здравицы в его честь, сейчас на банкете шефу

точно поют дифирамбы, хотя сам он, конечно, сидит с «випами» в голубом зале, на пятнадцатом этаже. Вид там открывается… Надо отдать должное, бизнес-центр выбран шефом очень удачно, с панорамой и на восточную часть Финского залива с его песчаными пляжами, и на большой ухоженный парк, сочные оранжево-белые новостройки — иностранцы только бровями двигали. В холле по очереди у чучела медведя фотографировались. Его шеф раздобыл на время форума. «Слава Евгению Сергеевичу, слава…» Калашников шёл теперь совсем медленно, дотянуть бы до остановки, а там на автобусе до Новой деревни и метро. Эх, зря двинулся в ночь! Пристроился б на диванчике в комнате персонала, отлежался, пока молодёжь гуляет.

В правилах Калашникова и раньше было лишь обозначиться на корпоративах: он обычно звенькал первой рюмкой и по-быстрому ретировался, мол, чего ему с молодыми-то байки травить? Сегодня ушёл ещё раньше, седьмым чувством понимая, что сил бодро «петь» в общем хоре в угоду шефу у него уже нет. Лучше с глаз долой, чем остаться в глазах окружающих слабаком. Интуиция сработала верно: валялся бы сейчас на диванчике, крючась от боли, пока не обнаружили и не повезли в больничку. «Хорошо б в больничку …» Он не дошёл несколько метров до остановки, фонарного столба с написанной на жестянке буквой «А» и расписанием автобусов. Пришлось приткнуться к железной балке невысокой решетчатой ограды, отделявшей тротуар от придомовой территории. Сидел, согнувшись от боли. «Ночь, улица, фонарь, а где аптека? Хоть бы болеутоляющее… хреновато уж очень. Загнусь на дороге. И ведь никто не хватится!»

Жёсткие невидимые снежинки били по лицу, но Калашников не шевелился. Не от боли, от мысли, справедливой и беспощадной: «Никто не хватится… ребята на работе подумают, что, как бывало не раз, дома корплю, тем более выходные впереди. Сыновья в солнечной Анапе и вовсе ни о чём не догадаются, месяца через два, может, вспомнят, найдут номер в мобильнике и кроме как: «Телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети», — ничего не услышат. …А жена? Ну, какая жена у разведённого? Была Елена-прекрасная — да вышла вся».

Калашников застонал и от боли, и от жалости к себе. Его скрюченная длинная тень на сыром асфальте выглядела намного внушительнее жалкой фигурки невысокого узкоплечего лохматого человека, почти воробья на жёрдочке. «Вот так финал... И случилось в Питере, на пике карьеры». В голове Калашникова уже составилась картинка окоченевшего трупа в нелепо задранном драповом пальто с вывернутыми карманами. «Конечно, ограбят…, — скрипел зубами, беспомощно раскачиваясь из стороны в сторону. — В морге рядом с бомжами сложат… За этим приехал в культурную столицу? Целый год в коммуналке, перебивался с шабашки на шабашку,

Светлана МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО, член Союза писателей России, председателем Краснодарского регионального отделения Союза писателей России

«Светлана Николаевна убеждена, что «душа наша состоит из слов», и, читая Макарову-Гриценко, веришь каждому её слову: за каждой строчкой воспевания или обличения ощущается искренняя личная боль. Ей больно, до надрыва сердца больно от целенаправленного, в угоду мировым ростовщикам, искажения сознания у подрастающих поколений, от насильственно насаждаемого временщиками забытья подвигов ветеранов, от глупости или предательства верхов, от доверчивости низов. «Жизнь наша нелегка, но…» Но потому как боль эта не эгоистична и не корыстна, то она не ведёт в уныние, не нагнетает отчаянье, нет, это боль-жажда красоты мира, боль-желание чистоты мира, гармонии справедливости и добра».

Дворцов Василий Владимирович

и вот, наконец, пригласили в солидную контору… Вот оно — начинается! …И теперь без него?»…

Калашникова мутило, спазм от сильной боли парализовал тело. Что с ним происходило, он определить не мог. Раньше такого не было никогда. Пустая холодная улица равнодушно качала жалкую тень, двигалась с нею вместе, норовя опрокинуть скрюченного человека наземь.

И он бы упал! Не на тёрку асфальта, а назад, на тронутую снежком, укрытую бурыми листьями землю. Но впереди вспыхнули и всё ярче горели мощные фары.

Светящийся широколобый монстр — автобус плавно двигался к остановке.

Мокрый асфальт золотом блестел перед ним. Двигались тени деревьев. И перед глазами Калашникова расплывалась картинка мало похожая на реальность. В этом позолоченном преображённом пространстве боль, кажется, утихала. Он потихоньку смог разогнуться, потом, не веря себе, медленно поднялся с железной балки, шагнул к остановке. Войти в автобус, преодолев несколько ступенек, у него тоже получилось. Купил жетон у водителя, прошёл в салон. И сел! Откинулся на спинку кресла. «Спасён. Не помру вроде?…»

Через двадцать минут Калашников стоял на эскалаторе метрополитена на станции «Чёрная речка», тёплый ветер трепал его шевелюру, а он старался не шевелиться и со страхом прислушивался к себе: «Отпустило? Неужели доеду?».

Доехал… Рухнул на диван даже не сбросив ботинок. Свет из передней припечатался к линолеуму жёлтым квадратом, резал глаза, пробираясь сквозь сомкнутые ресницы. Встать и щёлкнуть выключателем не было сил. Но даже не это раздражало и мешало заснуть Петру Григорьевичу, а осознание собственного бессилия. Меньше всего ему хотелось сейчас валяться в квартире на пятом этаже шестиэтажного дома по Каменно-Островской. Вдыхать тяжёлый запах чужого съёмного жилья. Нет! Уйти отсюда, двигаться, ехать, лететь! Куда? …В Анапу.

Он никогда не был в этом городе, но подобно знаменитому венецианцу-картографу Фра Муаро, не выходившему из своей мастерской и создавшему потрясающие атласы и карты мира благодаря снам, Калашников «увидел» узкие улочки в колючих «мехах» итальянских сосен, белую анапскую набережную, солнечных рыбок, пляшущих на волнах, тёмно-зелёные водоросли в прозрачной тёплой воде, морщины песка, намытые лёгким прибоем. Елена-прекрасная, растрепав косы, бежала по пляжу, удалялась. Калашников лишь смотрел вслед. Останавливать не надо, она давно стремилась к этому ветру, солнцу. А главное, она чужая для него. Сильная, уверенная, успешная. Куда бежит? Где сыновья? Почему не с матерью? …Ах да, мальчишки выросли, они теперь взрослые и самостоятельные. Главы семейств…

Проснулся Калашников от зуда мобильника. С трудом соображая, где находится, упёрся взглядом в чёрные окна — ночь глухая … Застонал, возвращаясь в реальность: «Кто посмел? убью!... неужели шефу с перепоя не спится?» Нащупал аппарат в кармане пиджака, больше всего хотелось запустить им подальше, медлил, болезненно морщился, разглядывая незнакомый номер. Ткнул пальцем в экран и рубанул грубо, чтоб на том конце всё правильно поняли по одной интонации: «Да! Говорите!»

— Па! Папа, это я, Роман! Слышишь меня?

— Ромка? — подпрыгнул на диване, узнав голос старшего — Роман, что случилось? Где ты?! — в голосе Калашникова звенел страх за сына.

— Всё в порядке! Я в Анапе. А ты где?

— В Питере, я ж рассказывал! Работаю здесь, вот первый международный форум организовали. Очень солидно! Ты чего среди ночи звонишь?

— Не поверишь… Короче, мы же с Риткой новоселье справили месяц назад. И я фотку твою на тумбочку поставил. Сегодня сидим на кухне, часов в одиннадцать вечера и вдруг шум из комнаты. Представляешь, портрет твой упал сам! Никого в комнате не было, и не мог он никаким образом сорваться — полтергейст, слышишь? Упал — но не разбился, даже стекло не лопнуло. А я вот успокоиться не могу. Вдруг случилось что? Пап, я ж телефон поменял, номер этот сохрани! Думаю, вдруг ты дозвониться не смог?

— Я? Да, я не смог… вернее, не звонил, но думал… были проблемы. Как раз в это время, кстати! Спасибо, сынок! Спасибо, что вспомнил меня! Номер поменял давно?

— Давно, всё собирался позвонить! Извини, замотался.

— Как вы там?

— Всё хорошо! И у Серёжки с мамой! Я тебе говорил, что у неё агентство по недвижимости? Крепнет! Вполне! Вы у нас люди успешные! Будем надеяться, что и мы с Серёжкой в грязь лицом не ударим! Ладно, пап, извини, что потревожил! Не волнуйся за нас! В гости приезжай! В Питере у тебя кисель, а не погода! Приезжай!

Калашников кивал, улыбался растерянно… Мобильник уже лежал рядом, а Пётр Григорьевич продолжал прислушиваться к отзвукам прозвучавшего из трубки. В конце концов, зацепился за слова сына про «успешные». Ему льстило, и в то же время беспокоило признание Ромки. «Да… успешные. Всегда стремились! …Сыны точно не подведут. Но… как же я не сказал ему… не предупредил!».

Перезванивать Калашников не решился, заснуть не смог. Под утро сочинил фразу и вбил её в СМС: «Сынок, стремясь к большему, очень прошу — не потеряй главное!»

Читал, перечитывал, добавлял слова, потом стирал их. «Не поймёт, — скорбел Калашников. — Я б в его возрасте точно не понял! Хотя…». Короткое СМС улетело в туманный ноябрь.

Александр Дмитриевич МАРТЫНОВСКИЙ

НА СВОЁМ ВЕКУ

Александр Дмитриевич Мартыновский родился 22 января 1938 года в посёлке Бистюба Кустанайской области в Казахстане. С 1950 года живёт на Кубани. В 1954 году, закончив семилетку, поступает в Майкопский сельскохозяйственный техникум. После техникума в 1958 году направляется в колхоз «Путь к коммунизму» Красноармейского района, где работал механиком, бригадиром тракторной бригады, управляющим отделения, главным инженером совхоза. Александр Дмитриевич — автор повестей, рассказов, стихов. Писатель с 1973 года серьёзно занимается прозой. В 1973 году у А. Мартыновского впервые выходят в свет его рассказы в кубанских краевых газетах, альманахе «Кубань». Творческую деятельность начал с работы литконсультантом по поэзии и прозе в Краснодарской краевой писательской организации. Член Союза писателей России, он не раз избирался в состав Правления Союза писателей Кубани, в ревизионную комиссию, где долгое время был председателем.

В жизни каждого человека порой и неожиданно могут возникать самого различного рода случаи. А то и целые истории. Комичные, трагичные, приключенческие, нетипичные и т. п. Всего бывает. Особенно у человека, за плечами которого немалая череда прожитых лет. По этому поводу, помню из детства, мама говорила: «На веку, как на долгой ниве...»

Об одном из таких случаев мне и хотелось рассказать. Случай этот и забавный, но и в не малой мере был значительным для меня — юноши. Ведь я, хотя и по причине обстоятельств, но как бы излечил, избавил человека от хронического недуга или порока. И свидетелями того необычного происшествия стала вся бригада совхоза! Все были удивлены случившимся. И на меня, невзрачного паренька, смотрели с чрезвычайным удивлением, недоумением и даже восхищением.

Наверное, потому среди многих случаев, событий и историй в моей жизни этот случай в памяти не угасает. Торчком торчит!

Так вот, произошёл этот случай в годы моей юности. Поясню, что сразу, после окончания с отличием семилетки (Семилетняя школа им. Т. Г. Шевченко ст. Тимашевской) в 1954 году я поступил в Майкопский сельскохозяйственный техникум. Учился на ведущем отделении — механизация сельскохозяйственного производства по специальности техник-механик.

После третьего курса, в 1957 году по комсомольским путёвкам Майкопского обкома комсомола группу учащихся техникума направили на целину убирать урожай. Я был в том числе. К этому времени мы уже не только теоретически узнали технику хлеборобов, но и практически освоили основные регулировки, правила эксплуатации. Садились за рычаги, управляли машинами. И уже имели удостоверения комбайнёров, трактористов и даже шоферов, правда, только любителей.

Путь наш лежал на Алтай, конкретно — город Бийск. Потом неблизкая дорога была в одно из хозяйств. А там нас определили в самую отдалённую полевую бригаду, где, естественно, испытывалась нужда в кадрах механизаторов. Некая пустынность и эта малолюдность сразу производили неприятное впечатление. Техника — комбайны, жатки, ожидающие нас, стояли в беспорядке и порядочно утопали в бурьянах. Но уже с первого взгляда невольно бросалось мне в глаза, что на комбайнах покраска отдавала свежестью.

Агроном, которому временно приходилось нести на себе обязанности бригадира, человек замкнутый, хмурый, сказал, что эти комбайны прошлогодней получки. Что в минувший сезон они уже косили и молотили хлеб. А состояние заброшенности их объяснил просто:

— Нет кадра. Такие ж... По путёвкам... Кончили, бросили и айда домой...

Предупредил:

— За запчастями туда не ходить. За раскулачивание — тюрьма.

Как быть? Наша техника с той же группы, из бурьянов. И она уже была не комплектна. А сроки близкой жатвы поджимали. Ходить руки в брюки не получалось — косовица уже была на носу. Местные комбайнёры, как говорится, уже вывели свои комбайны на старт. И теперь лишь кое-что доделывали по мелочам, которые старались заблаговременно обнаружить и устранить, чтоб не терять драгоценное время по поломкам в загонках, при косовице и молотьбе. Вот и прокручивали «на холостых» оборотах моторы, жатки, молотилки.

Дни шли, а запчастей, необходимых нам для ремонта, всё не привозили. Всё возможное, что не зависело от нас, каждый из нас старался делать. Но без отсутствующих деталей комбайн работать не мог. Мы переживали, нервничали, возмущались и грозились отправить жалобщиков к районным властям. В конце— концов так и поступили. Подстегнуло нас и невероятно плохое питание. Предыдущий день какую-то тёмную похлёбку приготовили, притом неприятнейшего вкуса и запаха. Все, до единого, отказались от такой еды.

— Лучше бы обыкновенной воды вскипятили! — разразился возмущением наш старший, как и все остальные, жуя корку хлеба всухомятку.

Мы его поддержали. На другой день нам вскипятили воды. Хлеб ещё не привезли.

— Всё! Терпение лопнуло — что нам тут делать? Запчастей нет, питания нет. Если мы не нужны — пусть отправляют обратно! Это было сказано меж собой в нашей группе единогласно. Несколько человек со старшим отправились с таким требованием к властям. Пешие. Возвратились они уже далеко за полдень, притом легковушкой с неким представителем. Я в это время был у комбайна, и заметил их у бригадной конторы, а рядом кухарку и учётчика-полевода. Агронома в этот день ещё не было. Они о чём-то говорили, ясно, о наших жалобах. Подходя, услышал возмущённые, срывающиеся на крик слова учётчика-полевода:

— Капризные!.. Тут не ресторан! Вчера сварили... Чаво сварила? — обращается к поварихе.

Её ответ я едва расслышал, хотя уже подошёл к собравшимся:

— С чево было... Чё дают...Сколь осталось муки...Затируху... Обещают, не везут.

Учётчик-полевод, обречённый на расправу, не сдавался:

— Тут не ресторан. Чево было... Нет, им не то. Им не так. Отказались! Затребовали горячей воды. Сегодня наготовили им горячей воды.

Опять не так! Ящо пушше разбалаганились. Тут не ресторан!

При этих словах его некоторые из ребят даже голодные, даже на пустой желудок рассмеялись от такой «галиматьи». Представитель власти и тот испытал неловкость за неуклюжесть разговора учётчика. Я же присматривался к нему, почему-то полагал, что учётчик-полевод специально так говорит, пытается всё свести к юмору. Чтобы неприятность сгладить шуткой. Вот и несёт околесицу, как сейчас говорят «гонит дуру».

Но как я ни присматривался, никакой фальши не подметил. Учётчик проявлял абсолютную серьёзность. И тогда я рассудил иначе. Будучи в тот момент единственным представителем бригадного начальства, он со всех сил и способностей ревностно старался не уронить престиж бригадного руководства, в котором хотя и не великим рангом, но тоже значился. К тому же выпал момент показать себя, проявить и заявить, что и он тут не последняя пешка.

Представитель власти молчаливо и как-то мельком поглядывал на нас, явно занятый своими мыслями. Чаще же вскидывал руку перед глазами, смотрел на часы. Наконец, верхом на тонконогом скакуне, пожаловал агроном. И сразу начальство с нашим старшим зашли в бригадный домик, в кабинет бригадира. А там представитель власти распорядился распределить нас по комбайнам местных комбайнёров. Дело в том, что местные комбайнёры работали на прицепных комбайнах С-6, и там полагался штатный помощник комбайнёра. Проблема запчастей отпадала, а с ней прекращалась наша неопределённость.

На второй день к вечеру все уже определились по уборочным агрегатам. Все, кроме меня. Я терпеливо молчал, успокаивая себя тем, что не могли же меня забыть. Но и на утро следующего дня я продолжал оставаться без внимания начальства. Волнение моё стало неуправляе-

мым. Я, один из лучших учащихся техникума, фактически отличник, какими трудовыми успехами тут отличусь?

Томлюсь, переживаю, но ни агронома, ни нашего старшего ещё не трогаю. Перед однокашниками, уже занятыми делом по макушку, пытаюсь демонстрировать спокойствие и выдержку. А на душе полное отчаяние...

Но судьба меня хранила... Неожиданно не только для меня, но, видимо, и для всей нашей группы, меня определяют комбайнёром на комбайн С-4. Это новая модель, самоходный комбайн с четырёхметровой фронтальной жаткой. То есть, у прицепного комбайна С-6 шестиметровая жатка сбоку примыкает к приёмной камере. А у самоходного комбайна С-4 четырёхметровая жатка навешена впереди, симметрично приёмной камере. Об этих комбайнах я уже в начале рассказа говорил, об их плачевном положении в бурьянах. Но меня определяли на одну из самых благополучных по комплектности и техническому состоянию машин. Конечно, если его бы пришлось готовить по прямому назначению — на косовицу и обмолот пшеницы, то там определённо вопрос упёрся бы и в какие-нибудь запчасти, а то и в клиновидные ремни молотилки. Кстати, я сразу заметил, что некоторых не было на месте.

Но выигрышность моего положения заключалась в том, что комбайном предстояло обкашивать поле по краям, и делать через определённое расстояние прокосы. То есть, разрезать пшеничные массивы на определённые участки для тех самых прицепных комбайнов С-6, буксируемых в работе тракторами ДТ— 54 или СТЗ — НАТИ. Вот в этом и выглядело моё дело проще. Молотилка в таком случае была без надобности и полностью отключалась. Работала только жатка. Срезанные стебли с колосьями шнеком с обеих сторон подавались на середину и уже не доставлялись в молотилку, а пальчиковым механизмом сбрасывались вниз, на стерню. Для чего в днище жатки в этом месте теперь мной с помощью одного из местных комбайнёров зубилом и молотком было образовано окно. Валок скошенной пшеницы ложился меж колёс и срединой прокоса, пролегал от края до края поля.

Итак, машина моя фактически новая. Минувшего года выпуска. Мотор силён, да ещё избавлен от молотилки, которая отбирала бы добрую половину его мощности. Когда я катил по накатанной полевой дороге, то мне казалось, что лёгкая на бег моя машина просится на взлёт. Особенно об этом заявляла жатка, приподнятая передо мною, что большущее крыло этой железной птицы. Что лишь попусти, дай волю, хорошенько поддай ей духа — поднажми смелей своей правой ногой на чуткую педаль акселератора, и застоявшаяся в бурьянах твоя машина вольной птицей воспарит над необъятной золотистой нивой.

Быть лётчиком мне с детства хотелось. Лётчиком или моряком. Уж слишком смелыми и волевыми героями они являлись и в жизни, и в кинофильмах. Да и кого не манят, особенно мальчишек, бездонные высоты небес и бескрайние пространства океанов с далёкими и загадочными странами! В начале третьего курса я стал заниматься в городском кружке планеристов. Успешно завершил наземную подготовку, но перед полётной практикой не прошёл углублённой медицинской комиссии. Подвело зрение... И вот я теперь наземный пилот земной могучей железной птицы...

Где и как выполнять прокосы, будет мне определять бригадный учётчик-полевод, местные его называли Анисимович. Большей частью смурый, малоразговорчивый, в неизменном защитного цвета дождевике, он, сохраняя некоторую дистанцию, катился следом на двуколке, с запряжённой в неё вороной аккуратненькой лошадкой.

Комбайн норовил усилить прыть, резвее пронестись свежим солнечным утречком средь затяжелевших, зазолотившихся хлебных нив.

Лошадка лишь порой бежала, и то слабой рысцой, да при напоминании хозяина о том вялым подёргиванием вожжей. А вскоре вновь переходила на обычный шаг и снова отставала от меня. Как мне казалось, хозяина не шибко это расстраивало. Он знал, что этот юнец — то есть я — будучи в незнакомых местах и не ведая дела, далече не укатит.

Ещё на полевом стане я предложил ему оставить лошадь и ехать со мной. Но нет, Анисимович лишь одарил меня суровым взглядом, молчаливо отвернулся и направился к двуколке. А я пошёл на площадку к своему комбайну. Один из местных комбайнёров мне заметил:

— Ты его на такое не уговаривай. Технику он обходит десятой дорогой.

— Почему? — удивился я.

Комбайнёр лишь улыбчиво передёрнул плечами.

Так мы порознь выезжали на наше общее дело.

Я ещё в детстве от матери, а позже от дедушки, слышал рассказы, как раньше мужики восставали против первых тракторов. И нечистую силу видели в них, и ругались, что они этим «хватоженом» — горючкой, и почву, и пшеницу попортят, загадят вонью своей. Это было давно, в детстве матери. И вот через полвека рядом со мной, словно из прошлого, человек, который тоже проявляет непонятное мне предубеждение к технике.

Мне предстояло обкосить и раскроить прокосами на загонки два поля. Их не оглядишь, настолько они велики, раскинувшиеся по сторонам полевой дороги и ещё невидимо продолжаются за холмистым отдалением. Там лишь зубчатым гребнем темнеют осиновые колки. С площадки комбайна они видны более отчётливо, даже различаются отдельные, самые рослые деревья.

Я остановил комбайн, слегка подав его к обочине дороги. Оглянулся. Значительно позади, и также обочь дороги, стояла двуколка. Хотел было позвать взмахом руки, чтобы Анисимович ближе подъехал, да тут же вспомнил, что и техники он чурается. Ничего не поделаешь, здесь учётчик-полевод и начальник, и хозяин. По подножке спускаюсь наземь, иду к нему.

— Включай косилку, — сказал он о жатке, указывая кнутовищем вдоль незаезженной полевой дороги вдоль нивы. — И двигай так, по меже. Ровненько. Бери на весь хедер, — и это о жатке, то есть на всю ширину её.

Видя мою некоторую заминку, закряхтел:

— Ладно, я поеду вперёд.

Тут уж хочешь-не хочешь, но на незнакомом месте, при необходимости в поводыре, поневоле будешь целиком и полностью внимать ему. Всё во имя того, чтоб первый блин не комом, чтобы брака не наделать. А потому будешь напрягаться, чтоб и комбайном верно править, и постоянно держать в поле зрения Анисимовича, и аккуратно, чётко выполнять его знаки — указания с двуколки.

Когда она удалилась метров на пятьдесят (мною было намеренно учтено, что примерно на столько же метров Анисимович остановился от меня по приезду), я запустил мотор и включил жатку. Проверенный и смазанный режущий аппарат заработал мягко, ладно, поблёскивая сегментами косы. Включаю движение и медленно веду машину на межу. Постепенно заглубляю жатку на всю ширину в колосья. Как положено, стараюсь выдерживать требуемую высоту среза стеблей. Они, отяжелевшие спелыми колосьями, густо валятся на платформу жатки, и подхваченные шнеком с обеих сторон, тут же подаются к середине, где пальчиковой частью выбрасываются в окно, вниз под комбайн.

Я оглянулся, обкос получился ровный и чистый. А срезанные стебли аккуратным валком стелились следом. Конечно, в работе и по мягкой почве поля машина с включенной жаткой шла медленней, нежели перед этим беззаботно катилась по накатанной межпольной дороге.

По работе мотора я чувствовал, что запас мощности в нём ещё значительный. И можно было свободно добавлять ход. Но сейчас главная моя забота заключалась в том, чтоб как можно аккуратней получалось обкашивание нивы. Всё пока ладилось. Анисимович выдерживал прежнюю дистанцию, сидя в двуколке в полуобороте ко мне с опущенным кнутовищем. Я же старался ни на миг не упускать его из вида, и в то же время слух и внимание были прикованы к работе комбайна и жатки. Я оглядывался, начало обкоса было уже далеко позади.

Постепенно я всё более осваивался в своей работе. Дело для меня оказалось не сложным, не трудным. Машина работала спокойно, мотовило неустанно, и как мне казалось, даже азартно вращалось, ненасытно пригребая стебли к косе, к режущему аппарату. Охотно, даже весело вжикали сегменты косы, срезая бесконечную череду стеблей, и сосредоточенно, серьёзно и напряжённо шумел шнек, сгребая и выбрасывая скошенную массу стеблей вон — под жатку. Всё работало взаимосвязано и дружно.

Я был доволен и комбайном, и собой. И даже чуточку добавил оборотов двигателю. Всплеснулся дружный шум всех механизмов жатки. Дело пошло живей и делалось с прежней аккуратностью. На душе у меня повеселело. Да и день весь радостно сиял, щедро заполонённый солнечным теплом и светом. Там, впереди, двуколка уже стояла в стороне, в тени деревца. Оттуда Анисимович наблюдал за мной.

Вскоре я доехал и стал миновать его с вопрошающим взглядом. Он молчаливо махнул кнутовищем вперёд. Я повёл свой боевой степной корабль далее и вскоре благополучно достиг осиновых колок. Тем же ходом вдоль них прошёл до следующего края поля, и ещё раз на углу его повернул и замкнул периметр своего обкоса. Одним словом, управился. И даже не почувствовал томящей усталости, и даже не заметил, что солнце уже перевалило за полдень.

Управился я и с соседним полем. Сам того не замечая, но к концу работы я уже встречался у дороги с учётчиком с видом бывалого комбайнёра.

— Ну что? — спросил как бы обыденно. Однако, с видом человека, знающего и уверенного, что всё сделано хорошо.

Анисимович несколько удивлённо вскинул правую бровь, мельком глянув на меня. И лишь кивнул головой, отводя взгляд в сторону. Я тут же устыдился за свою выходку. Переспросил его, являя уважительный тон речи:

— Анисимович, а что ещё мне делать?

Он, забираясь в двуколку, махнул рукой:

— Хватит на сегодня. Можешь катить в бригаду, — глянул на часы. — Ешшо должон обед захватить. А завтра возьмёмся за прокосы.

— Давайте сейчас начнём, — погорячился я, готовый пожертвовать обедом, который только считался таковым. Душа рвалась к работе.

— Завтра, — повторил учётчик, отворачивая лошадь в другую сторону.

В обед для вторых блюд опять продуктов не дали. А первое — как прежде, мутный кипяток с разваренными шариками теста. По словам поварихи— то была затируха.

Моим однокашникам, которые работали с местными комбайнёрами, было легче. Местные их подкармливали домашней едой. Я оставался впроголодь. Но чувство радости, что так хорошо всё сложилось у меня в мой первый трудовой день, что первый блин получился не комом, а как надо, пересиливало огорчение от неважного обеда. Остальное время я потратил на уход за комбайном, подготовкой его к завтрашнему дню. Очистил жатку от пожнивных остатков, от пыли и всякого прочего мусора. Смазал все узлы и детали. Заправил бак топливом.

Утром, готовясь к выезду, я слышал, как говорил тракторист кухарке обо мне:

— Этот хлопчак дневную норму уклал за пол дня.

Только и разговоров было на полевом стане, что если не подведёт погода, то денька через два — три бригада приступит к уборке урожая. И что я уже завтра начну резать эти поля на карты, то есть на загонки для каждого уборочного агрегата. Уборочный агрегат — это гусеничный трактор в сцепе с комбайном С-6. Я уже говорил, что экипаж такого агрегата — три человека: тракторист, комбайнёр, помощник комбайнёра — он же копнильщик. Главенствующее лицо экипажа — комбайнёр. Когда уборочная масса сложная, то ли отсыревшая от дождей, то ли сильно засорённая или высокоурожайная, копнильщика могут давать дополнительно четвёртым. Как правило, комбайнёр старается подобрать в экипаж людей надёжных, дружных, проявляющих полную взаимовыручку.

Если, например, у комбайна случилась какая-либо неполадка, тракторист не станет отсиживаться в кабине трактора. Он уже рядом с комбайнёром, при необходимости тащит свой инструмент, и общими усилиями членов экипажа устраняются возникшие неисправности. Понятно, что заработок подхлёстывает каждого. Кроме того на тружеников полей мобилизующе действуют условия оплаты труда в страду. Дело сезонное — день год кормит. Вот и напрягаются хлеборобы. И, тем не менее, в коллективе экипажа возникает и проявляется некое высшее человеческое чувство, составляющие которого — уважительность, дружба, отзывчивость, взаимовыручка, полная отдача во имя общего дела, благородность и благонравие, и другие прекрасные качества этого ряда.

Я это видел здесь, когда после завершения своей миссии был включён в один из уборочных агрегатов.

Итак, на второй день я занялся раскашивать, разрезать на загонки дальнее поле. Поначалу дело оказалось не сложным. Но требовало постоянного и даже напряжённого внимания. Учётчик указал мне на линию телеграфных столбов на далёкой противоположной стороне поля. Вот каждую третью опору мне сказано было брать за ориентир. Чем точнее буду держать направление, тем ровнее будет выглядеть прокос. Я знал, что гусеничный трактор с навешенной или прицепной жаткой аккуратней,

ровней делает прокосы. Так как на гусеничном ходу он более устойчиво сохраняет своё положение при движении, нежели, например, трактор-колёсник. И самоходному комбайну на пневматических колёсах, чутко реагирующих на рельеф пашни, на малейшую впадину или кочку труднее сохранить ровно направленный ход, так как раскачка жатки и всего комбайна влияют на рулевое управление и способно нарушать необходимое направление.

Ничего, приспособился и помаленьку освоился. Как говорится, не святые горшки лепят. Учётчик — полевод Анисимович всё время держал на глазах. И я не упускал его из виду. Особенно обращал взгляд к нему, когда заезжал на новый прокос. Он с двуколки молчаливо, всё так же с расстояния, наблюдал, насколько верно я выставлялся на очередной ориентир. И неизменно взмахом кнутовища благословлял меня в путь. Я радовался, что всё идёт без замечаний. И так было до завершения работы на этом поле.

На следующий день предстояло то же самое. Но уже на ближнем от бригадного стана поле. Как я слышал в бригаде, именно с него начнётся уборка, сюда через денёк-другой заявятся степные корабли. Поле было развёрнуто к северной стороне по отношению к бригадному стану, и мне с комбайновой площадки оно показывалось несколько ровней прежнего. И это ободряло. Во-первых, легче держаться ориентира, во-вторых, значит, оборотистей вчерашнего будут управляться. Хотя всей работы тут, как прикидываю, одним днём не решить.

Остановил комбайн у межи, пошёл навстречу подъезжающей двуколке. Анисимович в том же мятом защитном дождевике, но просто накинутом на плечи. А поза та же: сутулая и какая-то отрешённая. Весь он где-то там, не тут.

— Доброе утро! Здравствуйте! — провозглашаю громко, больше для того, чтобы вернуть его в этот мир. — Так же? Начинать?

— Так же. Начинай, — отвечает он с некой мыслью во взгляде на меня. Затем вскидывает кнутовище, указывает в дальнюю сторону поля. — Видишь колки? По ним межевать будешь.

Далеко-далеко тянулась с разрывами гряда деревьев.

— Вот, смотри...

Вновь стал тыкать туда кнутовищем, называл купу деревьев, указывал в ней нужное дерево, на которое требовалось держать направление комбайна. Купа за купой, дерево за деревом... Но мне с этого расстояния и купы казались почти одинаковы, и в каждой из них не одно маячило дерево, выделяющееся высотой или особенностью кроны. Об этом, немало огорчённый и растерянный, я и сказал своему повелителю, сказал несколько раздражённо. Я уже представлял, сколь непригляден будет след моей работы от столь размытых исходных условий.

Анисимович дёрнул плечом, нахмурился, тоже занервничал. Вновь воздел кнутовище, затряс им, тыкая концом в колки, и опять начал говорить оговорённое, при этом призывал меня внимательней смотреть туда, «шире зенки раскрывать». Я же и в этот раз мало чего нужного понял, решил начать это дело по-своему. Не мог же я из-за своей непонятливости или непонятности даваемого задания по некоторым причинам, не мог же я из-за этого срывать работу бригады, срывать начало уборки хлебов.

— Ладно, — сказал ему. — Начну, а вы смотрите, так или не так.

И началась не работа, а сущий ад. Эти бесчисленные купы колков мешались и путались в моих глазах. То и дело приходилось подправлять левей или правей направление комбайна. Сзади не межа, а словно бык по дороге последил. Анисимович то и дело дёргал меня отчаянными окриками от межи, грозил, размахивая кнутовищем из двуколки. Да всё тыкал им в сторону колок.

Я, полный отчаяния, решительно остановил комбайн и пошёл к нему.

— Так не получится, видите?! — кивал я на безобразно кривой след начатого прокоса. — Вы кричите— то туда, то сюда... Это не дело. Пошли на комбайн. Будете рядом, и сразу всё получится.

— Ты сдурел? — воскликнул он.— Никаких комбайнов. Это не моё дело, а твоё. Вот и делай его. Ну, чего тут непонятного?..

И вновь начал толмачить мне за эти колки — приколки. Но они в том отдалении так и продолжали быть для меня не воспринимаемыми по прежним причинам. И лишь бы как-то успокоить, но больше убедить Анисимовича, что таким способом ничего у нас не получится, я снова ушёл к комбайну. И снова повёл его почти вслепую, полагаясь лишь на команды учётчика. Правда, теперь прокос чуть выровнялся. И всё равно получалось чёрте что.

На этот раз я предстал перед Анисимовичем донельзя истерзанным и сбитым с толку. Не знаю, то ли мой жалкий и растерянный вид подействовал на его упёртость, то ли подстёгивал урочный час жатвы (комбайны-то начать её должны с этого поля, и самое позже послезавтра, а то и завтра) — не знаю. Так или иначе, но совсем неожиданно вдруг поступился Анисимович своими убеждениями, или там догмами, или ещё чем-то, неизвестным для меня. Сдался! Но не сразу. Сначала отвернул голову от меня, и что-то думал, молчал. Затем обернулся ко мне, смотрел и опять что-то думал. В конце глубоко вздохнул и смирённо молвил:

— Ладно... Я выйду наперёд, а ты держи на меня. Но расстояние меж нами не меняй. — Отложил вожжи и стал неспешно выбираться из двуколки.

Отошёл подалее дорогой, затем забрёл в пшеницу и затонул там почти по пояс. Тому поспособствовал ещё и рост. Не свожу с него глаз. Ещё чуть прошёл, пооглядывался, потоптался и стал. Я напрягся, и мотор гудит напряжённо. Есть! Махнул кнутовищем на себя. Всё ясно, даю чуть влево и веду комбайн на него.. Он вскинул кнутовище вверх, помахивая им вправо. Даю руля вправо и вновь на него. Он

резко замахал влево, даю руль влево. Чуть-чуть трепещет кнутовищем вправо, и я чуть-чуть доворачиваю баранку руля правей...

Мельком глянул назад и ужаснулся — валок змеёй извивается следом. Так же «кривляется» весь прокос. Остановил комбайн, спрыгнул с подножки наземь. Учётчик шёл мне навстречу сумрачный, огорчённый.

— Поймите, Анисимович, так мы ничего не сделаем, — взмолился я, — я вас прошу, дорогой Анисимович, пошли на комбайн. Он вас не укусит. Меня ж не кусает? А с площадки вам будет удобней меня направлять. Да и вы намного лучше с высоты будете видеть нужную цель. Пойдёмте!

Но и в этот раз Анисимович заявил категорический отказ. Тогда и я категорически заявил, что не трону комбайн с места.

— Брак делать не буду! Пусть потом разбираются бригадир или агроном. По тому полю они увидят, могу я такую работу выполнить или нет... Но дело не в этом. Дело в том, что послезавтра придут комбайны...

В конце концов уговорил я его хотя бы рядом идти с комбайном, чтоб я слышал его и видел знаки. Чтоб мог вовремя реагировать на них. Не знаю, возможно, мольба и бедственный вид мой тронули его, но скорее всего последние слова тронули и обеспокоили его. Ибо была очевидность безвыходного положения от его упорства, отчего могли быть неприятные и для него последствия.

Конечно, по прокосу, по стерне было легче Анисимовичу следовать рядом с комбайном, нежели пробираться да путаться в густых стеблях пшеницы. Но идти-то надлежало не десятки, а сотни метров. К тому же, чтобы всегда находиться рядом, на виду у комбайнёра, необходимо и самому активней передвигать ноги. То есть почти переходить на бег трусцой. Поначалу у Анисимовича получалось, но уже через пару десятков метров он внезапно исчез с моего поля зрения, лишь слабый голос его достиг меня...

Я торопливо остановил комбайн, запыхавшийся, вспотевший, я настойчиво предложил забираться ко мне на площадку. Свирепые искры гнева вспыхнули в его тёмно-карих глазах, и выкрикнул что-то, не расслышанное мной из-за гула мотора. Но полагал, что его, скорее всего, ругательное негодование относилось не к моему предложению, а лично ко мне горе-комбайнёру. Однако я не сдавался:

— Чего бить ноги! Комбайн не зверь, не кусает. Послушный и смирный. Как ваша лошадка. Станьте рядом со мной, всего один прокос сделаем, а потом я...

В конце концов, удалось уговорить Анисимовича стоять хотя бы на самой нижней подножке у моей площадки. И вот прежде намаявшийся и предельно утомившийся учётчик, теперь освоившийся продвигаться по раскосу в таком положении, то есть стоя на подножке, уже через какое-то время поддался моему уговору взобраться на площадку комбайнёра, быть рядом со мной. Согласился потому, что уже на подножке убедился: в согласии дело решается успешней. Выровнялся наш прокос, ибо он был рядом. И я уже с полуслова выполнял его замечания.

Вскоре я заметил, что он уже одной рукой держится за поручень ограждения площадки. В эдакой свободной позе как-то деловито, по-хозяйски оглядывал свои владения. Да, теперь ему можно было и смотреть по сторонам. Дело у нас наладилось особенно после того, как ближе стали колки, и я, наконец, увидел и понял, на какую именно осину, избранную ориентиром, мы держим направление.

Когда достигли противоположной стороны поля, добрались к этим злополучным колкам, с площади комбайна он оглянулся на наш многострадальный прокос и вновь обратил пристальный взгляд к купе осин с выбранным им ориентиром, и первый раз за все дни лицо его слегка распогодилось.

— Всё правильно... Правильно ты ошибся.

Я не знал, насколько ошибся, так как многократно поправлялось движение, чтобы вернее выходить на ориентир Анисимовича, которого я так и не мог рассмотреть. Тем более, что в какой-то момент отважился вообще не реагировать на задёргавшие меня окрики учётчика и пойти своим курсом, несколько смещённым уже на свой ориентир, дабы получился более-менее выровненный след жатки. И вот теперь вдруг Анисимович заявляет: он, мой выбор ориентира, оказался более верным. Я в душе несказанно обрадовался тому. А ещё был доволен, что наши отношения несколько посветлели.

На обратном пути следующую мою просьбу Анисимович выполнил без малейшего сопротивления. Теперь на рулевом колесе была и его рука. Мы вместе вели комбайн, вместе подравнивали направление движения. Уже со средины пути я, ничего не говоря, всего лишь формально держался за руль. Только при необходимости слегка подстраховывал. Вёл комбайн он. И я видел, как вдохновенно он делал это, окрыляясь обретённым правом повелевать этой железной грохочущей громадиной. Да и сам я разделял его торжествующее состояние.

Одновременно у меня нарастало азартное намерение ещё более приобщить Анисимовича к такому «самовластию» над степным кораблём. Чтобы он вообще занял моё место, место комбайнёра.

На следующих прокосах я просто рассказывал и показывал, как управляется комбайн. Нет никакой сложности: две педали. Педаль муфты сцепления, чтоб начать движение. И педаль тормоза, чтобы остановить комбайн. Рычаг включения и выключения жатки, и рычаг скоростей движения. Показывая последовательность их взаимодействия, Анисимович быстро это усвоил. Потому, как когда ещё только оказался рядом, уже присматривался к моим действиям по управлению работой машины.

На последнем прокосе этого дня сиденье комбайнёра занимал он. А я, в некоем роде, находился в роли дублёра.

Следующий день был для нас завершающий. Все до последнего прокосы выполнил Ани-

симович, и с превеликим удовольствием. А я стоял на площадке рядом с ним и праздно ротозейничал. Специально это демонстрировал, даже порой вообще отворачивался от него продолжительно, тоже специально, оглядывал панораму алтайских просторов. Или садился на площадку спиной к Анисимовичу, опершись ногами о подножку и вроде бы оставляя Анисимовича один на один с комбайном. А он теперь настолько освоился, что уже свободно управлял комбайном, как и я, на полном рабочем режиме. И у него прокосы получались безупречными. Это занятие настолько увлекало его, что он не только не ощущал усталости, но даже выглядел по-молодецки. Да и движения его приобрели оживление и динамичность.

А я уже обдумал завершающий, финальный номер нашей совместной трудовой деятельности.

...Итак, конец рабочего дня. И конец нашей работы. Солнце ещё не село, но над созревшей пшеничной нивой растекается лимонный свет всё более пропитывающийся дымчатой розовостью.

Я в двуколке в понуром виде и при вялом ходе лошади медленно въезжаю на бригадный стан. Местные вначале безразлично, но в следующий момент недоумённо вглядываются в нас, и вдруг в один голос:

— А что случилось?

— Где Анисимович?

Кто-то направляется ко мне. Я молчу, правлю лошадь к её стойлу.

— Ты слышишь? — уже обеспокоенно окликает кухарка.

И тут с рёвом, с высоко поднятой жаткой на бригадный двор, словно на аэроплане, влетает на комбайне Анисимович. Влетает и выписывает полукруг, который я обычно выполнял к своей стоянке.

Все в недоумении! Онемели! Окаменели! Невероятное! Невозможное! Но очевидное...

Уже потом, когда прошёл шок, допытывались: как ты смог?

Удивлялись и восхищались. Ну, ты и дал, паря... Да он всю жизнь обходит любую технику, шарахается от неё, как от дьявола... Ну, ты дал... скажи кому из наших, не поверят... Да и мы, абы не видели, не поверили б ни за что...

Я почистил комбайн. Перегнал на стоянку. Он свою миссию с честью выполнил. Слава ему!

Меня же определили на прицепной комбайн С-6 вторым помощником комбайнёра. Через десяток дней бригада управилась с уборкой пшеницы, и мы засобирались домой, на Кубань.

Уезжал я с родины Василия Шукшина с почётной грамотой, и с неплохими, по моим меркам, деньгами. В Новосибирске сразу купил себе спортивный байковый костюм и объёмистый однотомник стихов Есенина местного издания. Ранее ничего из его творчества и нигде на глаза мне не попадалось. И вот впервые, благодаря новосибирцам, я основательно познакомился с творчеством великого поэта. К сожалению, в общежитии книгу быстро зачитали.

С годами, мысленно возвращаясь к этой командировке, я не всегда вспоминаю о почётной грамоте. Но неизменно, вновь и вновь проживаю всё свершившееся у меня с Анисимовичем. И оно мне иной раз представляется чем-то вроде победы или подвига... А вообще-то существует ли какое-либо поощрение за нечто подобное? Мне-то достаточно и того, что оставил селянам невероятное удивление этим чудесным преображением Анисимовича.

Станица в лицах

8-й класс, Михаил Рубан, Владимир Тарасов (слева направо)

Наталья ИВАНОВА

ЭТОТ ПАРЕНЬ С ГИТАРОЙ

Бывшего руководителя, музыканта и солиста группы «Район» Каневского РДК Владимира Тарасова знают многие. Любовь к музыке Тарас, а именно так его называют в творческих кругах, пронёс через всю жизнь, чем бы ни занимался.

Ты помнишь, как всё начиналось?

— Владимир, когда ты полюбил музыку?

— С раннего детства, с колыбельных матери. Наша семья была очень поющей, и домашние пиршества всегда сопровождались украинскими и казачьими песнями. Голоса прекрасные были и у матушки, и у бати, покойных. Кроме того, мой старший брат учился в музыкальной школе, потом туда поступил и я. Мечталось о гитаре, но такого класса тогда не было, пришлось три года играть на …балалайке. Это для меня была смерть! Почему? В то время выходили миньоны с теми же «Песнярами» и «Весёлыми ребятами», всё это было на слуху, и на этом фоне — балалайка. Ты только представь, как ко мне относились одноклассники, спрашивая: «На чём ты играешь?». И я угрюмо отвечал: «На балалайке».

— И когда в твоей жизни появилась гитара?

— Старший брат, студент Новочеркасского политехнического института, привёз домой семиструнку, переделанную под шестиструнку, и лет в 12-13 я начал её осваивать. Для родителей это был шок: им по вечерам фильмы по телевизору хотелось посмотреть, а тут рядом сидел сынок и терзал гитару. Первое, что начал играть, как сейчас помню, — «Криденс» «Видел ли ты дождь?», а также любимейшую мною в то время вещь «Толстый Карлсон». Это увлекло, поэтому я приставал к приезжим

и местным музыкантам с просьбой: «Дяденька, покажи аккорд». И некоторые помогали. А в основном до всего доходил сам, потому что специальной литературы тогда было очень мало. И однажды случился Час Икс. Это было в первой школе, в седьмом классе на вечере. У школьного ансамбля произошла очередная заминка, пайка, магнитофон не работал, наступила двадцатиминутная пауза, народ возмущался. Я подошёл к гитаристу Мише Рубану — он был на год старше, мы дружили с детства, и он дал мне гитару. И я как зарядил пять-шесть песен — танцевал весь зал!

— Что исполнял?

— Весь срез «Бременских музыкантов», опять же «Криденс», кое-что из «Битлов». По тем временам это было круто. Правда, учителя английского языка неодобрительно качали головами по поводу моих «содранных» с миньонов текстов — они же чётко не прослушивались, пел, как слышал. Ну, как получалось, так и получалось. Это попозже у меня была хорошая практика общения на английском, когда я матросом, боцманом работал в море.

— И наутро ты проснулся знаменитым на всю школу?

— Так и было. После этого Миша пригласил меня играть в школьном ансамбле на ритм-гитаре. Поначалу я отнёсся к этому ровно, так как серьёзно увлекался спортом, имел несколько разрядов. Но потом узнал, на какой базе проходят репетиции нашего ансамбля — в клубе «Победа». Там же репетировал и ведущий коллектив не только Каневского района, но и северной зоны края — эстрадный ансамбль «Кубанский сувенир». Это были взрослые музыканты, гастролирующие даже за границей. И у нас, пацанов, появилась возможность играть на профессиональных чешских и немецких музыкальных инструментах. А руководил нами великолепный музыкант Николай Логиновский, царство ему небесное. Вот тогда я и познакомился с великими для меня клавишниками Виталием Новиковым и Володей Внуковским.

Когда уйдём со школьного двора

— После школы я оказался в ПТУ в Ворошиловграде. Там получал профессию электрика промышленного оборудования. И там тоже не расставался с гитарой. В итоге на областном творческом смотре-конкурсе наш коллектив занял второе место. Причём в жюри сидели Юрий Богатиков и София Ротару. Её убеждали, что я учащийся ПТУ, а она отмахивалась: «Да что вы мне рассказываете? У него чисто кабацкое поведение». Я пытался объяснить Софии Михайловне, что с четырнадцати лет на сцене, но она мне не поверила. Оттуда же, из училища, ушёл в армию. Меня забирали в музвзвод, но, как говорится, одна минута решила всё. Я и флейтист-молдаванин ждали старшину музвзвода. Когда возник старший лейтенант и спросил нас двоих: «А вы кто?» — «Музыканты». — «На чем играете?» — «На флейте и гитаре». — «Гитарист, давай к нам! У нас единственный в Советском Союзе учебный взвод плавающих танков в Венгрии, такой

Группа «Вариант», агитбригада, Александр Дубченко, Виктор Редерс и Владимир Тарасов (слева направо)

Группа «Район», Камо Галстян, Владимир Тарасов, Игорь Тараканов

Ансамбль «Вече», Сергей Штанько, Юрий Жульев, Владимир Тарасов, Александр Чигрин

бронированный спецназ!». И я, недолго думая, перебросил вещь-мешок в другую машину.

Отслужу, как надо, и вернусь

— Как сложилось после армии?

— Поступил в краснодарский станкостроительный техникум, хотелось стать механиком. И там встретил старого приятеля, гитариста Юру Штерле, который учился в институте культуры. Он играл в ансамбле, музыканты которого были студентами «кулька». Юра пригласил меня на вокал и на ритм-гитару. Для меня это была хорошая школа. Ох, «чесали» отлично! А ещё я был на подмене в ресторане «Кавказ» — солидный приработок к стипендии, родители обижались, когда я отказывался от их денег — своих хватало. После окончания техникума стал работать в ГПУ. Там я играл в музыкальном коллективе, которым руководил Анатолий Акулов. В газопромысловом управлении проработал пять лет, потом меня пригласили в РДК, в группу «Вариант».

Вот — новый поворот

— «Вариант» — это Витя Редерс, Саша Дубченко, Сергей Штанько и две певицы Валя Штанько и Ирочка Бибик. Я проработал в РДК до 96-го года. Потом интересная вещь случилась: приехал бывший студент-строитель Новочеркасского института Саша Чигрин и предложил заняться своим творчеством. Мы собрались из нескольких коллективов: тот же гитарист Саша Чигрин, барабанщик Сергей Штанько, клавишник Юрий Жульев и я — получилась такая «подпольная» команда, андеграунд, группа «Вече», и стали писать свои песни. И в

конце 90-х на первом фестивале джаз— и рок-музыки в Краснодаре мы неожиданно для нас взяли приз зрительских симпатий. После этого нашему коллективу поступило предложение работать в Майкопской филармонии, но с ней по техническим причинам не срослось. Прошло немного времени, и мне предложили работу в ансамбле клуба «Колос», а затем появилась возможность вернуться в РДК.

Мы — певцы и музыканты

— Вместе с Камо Галстяном мы начали набирать группу «Район». В неё подтянулся и Игорь Тараканов, приехавший из Соликамска. Тогда мы, среди прочих, исполняли песню из репертуара «Круиза» «Как трудно жить без светлой сказки». Решили сделать на неё клип. И, на мой взгляд, получилось неплохо (примечание автора: режиссёром клипа был редактор ТВК Сергей Кащеев, оператором и монтажёром — директор телестудии Михаил Моргун). Вместе с коллегами мы пробовали писать свою музыку, но как-то не пошло, потому что у каждого были свои задачи.

Компьютерная революция внесла свои поправки в музыку, и вот это было концом той старой живой музыки. Появились так называемые «самограйки», в которые уже были запрограммированы целые оркестровки. Первыми, как живые, «отпали» барабанщики, потом бас-гитаристы, команды уменьшались, так как востребованными стали более ёмкие коллективы. Опять же, стали появляться фонограммы на компакт-дисках. Кстати, первой группой, которая откровенно работала под фонограмму на концерте в РДК, была «НА-НА». Внимания больше уделялось не музыке, а зрелищности. А сама музыка дошла до уровня «два прихлопа, три притопа». Я ещё работал в группе «Район», когда появилась возможность работать то звукотехником, то звукооператором со звёздными командами: «Альфой», Надеждой Чепрагой, Екатериной Шавриной, Алёной Апиной, Татьяной Овсиенко и другими. Последняя «живая» команда, с которой мне посчастливилось работать звукорежиссёром в проекте «Последний дебют», — Ефрема Амирамова.

Не стоит прогибаться под изменчивый мир

— Володя, а кого из современных исполнителей ты слушаешь с удовольствием?

— Дальше моя жизнь сложилась так, что пришлось работать на судах загранплавания, тогда я видел много стран и знакомился с их культурой, а последние 11 лет работаю в охране. И за эти два десятка лет я выпал из музыкальной жизни — полная прореха. Но, работая в охране, начал плавно обращать внимание на современную музыку. Абсолютным открытием для меня стал Ярослав Сумишевский. Его культура исполнения, понимание материала — у него ведь два высших музыкальных образования — не оставили

Сегодня Владимир Тарасов возвращает к жизни старые «убитые» гитары и отстраивает новые

Ансамбль первой школы, первые слева Михаил Рубан и Владимир Тарасов

меня равнодушным. Интересно то, что его не принимает наш российский музыкальный бомонд. Кроме того, «цепляет» Трофим, исполняющий социальные песни, а хорошая песня всегда социальна. Кстати, меня удручают попытки наших федеральных каналов лишить песню социальности. Практически отсутствуют «ДДТ», «Алиса», «Чайф»... Послушай, о чём сейчас поют: об отношении полов плюс «рюмка водки на столе» — не за что глазом или ухом зацепиться. И, конечно, среди тех, кого люблю, — «старая школа», Коля Носков. В редкие моменты, когда он даёт концерты, понимаешь, что это не просто певец, а настоящий артист, умеющий создать мини-спектакль на сцене.

20 лет спустя

— В последнее время меня очень радует музыкальная Каневская: есть новые формы и новые люди. В той же группе «Район» сегодня работают певицы, как со стажем, так и молодые: Яна Плотникова, как всегда, на высоте, Наташу Волик хотелось бы отметить. В День молодёжи для меня стала открытием Саша Медведева, я сразу определил профессионала. Потом узнал, что она работает и в ДК «Колос», и в «Чудо-Чаде» с детишками занимается. Вот с такой школой у детей будет правильное отношение к музыке.

Хотелось бы сказать и о работе студийников. У Камо Ашотовича Галстяна в гимназии хорошая студия, молодёжь там постоянно крутится — он создал своеобразный клуб, и это здорово. И не могу не сказать о таком умном и вдумчивом музыканте, тоже студийнике, Игоре Ивановиче Полтавцеве из ДК «Колос». Юрий Горяйнов тоже продолжает там работать. Порадовал и Виктор Григорьевич Грищенко, бывший бас-гитарист клуба сахзавода, ресторана «Нива», фермер, собравший коллектив и работающий «в живую» в стародеревянковском клубе «Россия».

Кстати, большое спасибо Владимиру Борисовичу Репину, что взял на баланс администрации поселения ДК «Колос», в котором задействован такой пласт музыкантов. Ведь важно то, что люди заняты делом и от них есть отдача. Я тоже не остаюсь в стороне: когда молодые или опытные музыканты обращаются ко мне за советом или с просьбой, никогда им не отказываю. Например, возвращаю к жизни старые «убитые» гитары и отстраиваю новые.

А ещё сегодня меня удивляет такая вещь: раньше всегда была проблема с приобретением музыкальных инструментов и аппаратуры, «выбить» их было невозможно. В советское и постсоветское время мы покупали все за свои деньги. Тогда цена хорошего микрофона была как средняя годовая зарплата, а гитары, клавишных, ударной установки — порядка двухкомнатной квартиры. Всё это покупалось в ущерб семье, детям. Сегодня совсем другая картина — для коллективов района приобретается новая музыкальная аппаратура. Не хватает только хороших профессиональных звукорежиссёров. И это ложка дёгтя в бочке мёда.

Группа «Район».

Историко-
литературное
объединение
«Родник»

Степан ДЕРЕВЯНКО

ПЕТЮШИНЫ ГЛАЗА

Новелла

Я хожу по этой окраинной, у самых камышей улице, как только выпадает минута отдохновения или когда на душе скребут «кошки» и необходимо, чтобы эти скребучие звери покинули меня или хотя бы угомонились. Там, где много машин и людей, ходить не люблю — там себя ощущаешь продуктом и объектом капитализма, которому навязывают кредит, товар или хотят, чтобы проголосовал за очередного прощелыгу. А здесь, на станичной окраине, нет магазинов, банков и властных структур. Здесь тишина, нарушаемая собачьим перебрёхом, да редкая легковушка, не пыля, протащит на прицепе стожок сена. Здесь люди живут по-крестьянски и здесь, по межам, уходя в камыши, растут столетние акации, на которые, чтоб не упала с головы шапка, не поглядеть, и которые уже не скрипят на ветру, а кряхтят. И есть на этой улице хата ещё крепкая, саманная, довоенной постройки, дожившая трудами и старанием хозяйки до нового века. Правда, пригнулась она маленько, как и хозяйка, да тут ничего не поделать — годы. Обросла эта хата, двор и огород со всех сторон акациями, но как-то растут они не полностью закрывая солнце, и между ними всё пространство заросло мелкими голубыми цветами. Такими голубыми, про которые говорят лазоревые. И зацветают они дружно по ранней весне, когда много влаги и потеплело и когда акации после зимы ещё не проснулись и не затенили двор.

В такую весеннюю пору я как-то бродил по окраине с фотоаппаратом и, увидев лазоревое море, от неожиданности застыл. Не видел никогда в наших местах такой красоты.

— Наравыця? — вдруг услышал я голос.

Возле хаты на скамейке сидела, согнувшись, маленькая старая женщина, которую я сразу не заметил, и улыбалась мне.

-Что Вы, матушка, на ваш двор голубое небо упало! Разве такое не понравится? Можно я зайду во двор пофотографирую ваши незабудки?

— Заходьтэ, раз знаетэ мои цвиты, — ответила хозяйка.

Я снял кадров десять и подсел к старушке.

— Спасибо Вам. Такую красоту я видел только на буграх у Дона, у нас её и на курганах нет — всё распахано.

— Да, красыво, — согласилась старушка, глядя на свой двор.

— А почему только голубые незабудки? — спросил я.

— Так получилось. Я их ще в сорок трэтём году трошкы посияла, колы сыночка схоронылa, а воны розрослысь на вэсь двир, и люды любуюця, як и Вы, а мини прыятно и на души лэгшэ — я цвиты в память сыночка посияла — у ёго голуби глаза булы.

И она уголком платка промокнула глаза.

— А что с сыночком случилось?

— В копанки по высни утоп. Ще малый був, пырыд самой войной родывсь. А тоди як с Кубани прогналы нимцив, робылы мы в колхози и дэнь, и ничь, а дитэй самих дома оставлялы. Я сусидского хлопчика просыла доглядать за Петюшой, та хиба ж той хлопчик мог доглянуть — сам був дытына, хочь и старший.

Она говорит спокойно, вроде даже бесстрастно — всё давно смешалось в памяти: и боль, и вина за гибель сыночка, и, может, не вспомнилась бы та горькая весна сорок третьего, если бы не я, случайный прохожий, любитель цветов. Я чувствую, что разбередил материнскую боль, и мне не по себе от этого, но старая женщина угадывает моё состояние, поворачивает лицо ко мне и, глядя в глаза, спрашивает:

— А чий ты будышь, сынок?

Я называю имена отца фронтовика и матери, которых давно похоронил, да и самому

мне явно не семнадцать, и женщина, наверняка, это замечает, но я чувствую: ей необходимо назвать меня «сыном» — оживить для себя слово, которое превратилось для неё в цветы.

Она не знает, а может, не помнит моих родителей, и это не удивительно и для неё не важно, ей важно, что есть у неё собеседник, что она хоть на какое-то время не одна. И я, понимая это, спрашиваю:

— А хозяин Ваш, отец Петюши, с войны вернулся?

— Як бы ж... Дэсь загынув, сердешный. Як тэпэр кажуть: «Неизвестный солдат и имя его неизвестно». Тилькы мини воно известно: Иван Фёдорович. У Петюши булы ёго глаза. А як умру, никому будэ помныть ны ёго, ны сыночка — стара я дужэ. И дитэй у мэнэ ныма, вдовой осталась. Всэ надиялась, шо вэрныця, раз «без вести»... Може, сынок, колы ты спомныш....

— Вспомню... Только скажите, как Вас звать-величать?

— Поликарповной люды звуть.

Посидели мы тогда со старушкой долгёнько, полюбовались незабудками, поговорили о разных цветах, сфотографировал я Поликарповну да и домой собрался. Помог старушке встать, проводить меня захотела, и почувствовал, что весу в её сухоньком теле немного — значит, век человека кончается. Проглотил подступивший комок и еле слезу сдержал — сколько вдовьего одиночества на нашей земле! А старушка досеменила в галошиках и зимней шали до калитки, перекрестила меня и попросила:

— Заходь ще, сынок...

Я согласно кивнул и поклонился, сказать ничего не смог.

Через дней двадцать пошёл проведать старушку. Издали за забором её не увидел, цветов незабудки почти не осталось — отцвели, а на улице, у двора, огороженные ветками, появились две грядочки с неизвестной мне рассадой. На калитке, на цепке висел замок, и не во двор, когда хозяйка дома, а на улицу смотрел своим глазком. У меня ёкнуло сердце. Напротив на огороде трудилась соседка и я, ещё на что-то надеясь, спросил:

— А что с Поликарповной?

— Та всэ тэ ж. Ны дождалась вона свого Ивана Фёдоровича — всю жизнь прождала и пишла до ёго. Як незабудкы отцвитать сталы, так и пишла... Пырыд тим, бачишь, посадыла якись нови. «Людям», — сказала. Хай ей и на том свити пахнэ цвитамы, любыла вона их, — и немолодая соседка, потирая левой рукой поясницу, перекрестилась.

— Сколько ж ей годов было?

— Багато, точно не знаю. Стара була, — ответила соседка и, нагнувшись, продолжила работу.

А по станице пчелиным гудом гудел апрель, голубело небо и от тепла просыпались белые акации, и на некоторых во дворе Поликарповны уже были заметны листочки. Ушло время раннецветов, пришло время акаций. Время у всего своё. И только небо, просиявшее лазоревой голубизной Петюшиных глаз, вечно.

КОЛЕНОЧКИ

Новелла

В станичном парке солнечным летним утром разудалый парень прилюдно целовал девчонке коленочки, стоя перед ней на коленях. Зуба не было переднего у парня, усы растянулись в улыбке, и весь его шебутной вид говорил о том, что парень разудалый, весёлый, балагур и трепач, и зуб потерял в драке за девчонку ту или эту, которой целовал коленочки. А девчонка вертела головой по сторонам, стреляла глазами — ей было неудобно, но уйти или убежать не могла — парень держал её ноги. И тогда девчонка наклонилась и поцеловала парня. Он закрыл глаза от счастья и откинулся назад — понял, что простила его за очередные грехи, и ослабил руки. А девчонка ласточкой выпорхнула из них и убежала, смеясь.

Я стоял в стороне и зачарованно смотрел на юную пару — такого в новой российской жизни ещё не видел. Значит, не исчезла в бешеный техногенный наш век святая и грешная земная любовь со сладкими коленочками... И весь оставшийся день у меня перед глазами стоял образ шебутного парня и смеющейся девчонки с распущенной наполовину косой. Ох уж эти коленочки...

Степан ДЕРЕВЯНКО

ДЕВОЧКА С КОТИКОМ

Новелла

Ехал на велосипеде по станичной улице. Тяжело на душе было, старого товарища проведывать ездил. А там..., упаси Господь, не дом, а больница: шприцы везде, стойка для капельниц и кислородный баллон у изголовья. Задыхается товарищ, даже поговорить не удалось. И глаза уже в небытие смотрят. Спросил жену, что да как — «воспаление лёгких», — ответила. «Если бы», — подумалось мне. Всю жизнь Валентина врёт или привирает, даже мне, хорошо знающему её мужа — с ним мы много лет проработали на стройке. Он жил на сигаретах и кофе. Часто и много курил — по несколько пачек сигарет в день. И так всю жизнь. Говорили ему, чем это кончится, да кто б кого слушал — привычки часто сильнее нас. А теперь живи, пока кислород в баллоне... Уехал я от товарища с болью в сердце. Эх, Митрий, Митрий....

А было уже под вечер, и в станице после вчерашней бури с ливнем и градом пахло сыростью и обострившимися запахами сельского жилья. Думалось о том, что мне теперь делать с садом и огородом: град с крупную вишенку попортил созревшие яблоки и сливы, и они теперь гниют на земле и деревьях, а помидоры и огурцы смешал с землёй. Все семейные труды весны и лета пропали. Одна картоха осталась цела, хотя ботва стобурчками торчит. А вода случилась такая, что потоки неслись по улицам и через дворы. И в тех потоках тащило кур, крыс. За всю жизнь не довелось видеть такой стихии! В самый градобой выскочил из дома посмотреть, как утята под брезентом в загородке, да в спешке нырнул ногами в резиновые шлёпки, а во дворе уже льдинок сантиметров на десять. Ошпарило холодом! Но утята оказались живы, сбились только в уголок от испуга.

Вот и ехал я со своими печалями домой. Жаль товарища, с которым работали бок о бок и ладили, жаль погубленного урожая и своих трудов. А за углом у высохшего, а теперь налитого стихией пруда мне сказала маленькая девочка с чёрным котиком на руках: «ТЛАСТЕ!». Девочка стояла у сарая с вывалившимся от потока углом, гладила котёнка, смотрела на меня и улыбалась. Жёлтая маечка с рукавчиками, круглое личико, светлые кудряшки и сияющие глазки — всё мне улыбалось. Я остановился.

— Тласте! — сказала ежё раз девочка. Ей было годика три.

— Здравствуй, девочка! — ответил я.

— Катя, неси котика во двор, ему уже кушать и спать пора, — позвала девочку от калитки мама. Она была невысокая, широколицая и с кудряшками, как девочка.

— Слышишь, котику кушать и спать пора, — повторил я девочке мамины слова.

— Пола, — ответила она и побежала к маме.

Я сел на велосипед.

— Не обижайтесь, она у меня общительная, со всеми разговаривает, — сказала мне мама.

— Да что Вы, это ж хорошо, что разговаривает в век эсэмэс, дай ей Бог счастья, — ответил я.

Женщина вздохнула, взяла девочку на руки, и девочка, обернувшись, помахала мне «До свидания» лапкой котёнка. И у меня в душе вдруг всё прояснилось: вечер не стал таким хмурым, печалям я сказал: «Что ж, переживу», и опустевшее было сердце заполнилось теплом и захотелось сказать:

— ТЛАСТЕ ВАМ,
ЛЮДИ!

Ольга СЕРГАНЬ

* * *

Мы с нею шли по маревым болотам,
И по лесам, сгоревшим до корней.
В грязи по пояс и в снегах, с пехотой,
И с Верой в Бога, в Правду. Только с ней!!!

С той Верой, что нам помогала выжить,
Удерживать плацдармы, перевалы,
И помолившись перед боем трижды
В степи на танки мчаться конной лавой.

Подростку с обмороженных ладоней
Вставлять запальник в бомбы на заводе,
И ждать отца, чтоб рассказать сегодня
О Силе Духа, Воле, и народе!

В госпиталях нам раны врачевала,
Спасала нас в горящих самолётах,
И гнать фашистов Вера помогала,
И в полный рост подняться возле дотов.

От танков, что утюжили нам кости,
Студили кровь, идущую по жилам.
Родную Землю мы сжимали в горстях,
И верили, мы будем жить! Мы живы!!!

От донных мин уйти, прямых бомбёжек,
И от лавин в горах не захлебнуться.
Молились о ПОБЕДЕ, кто как может,
Чтоб в сорок пятом в дом родной вернуться!!!

* * *

Конь ты мой вороной, с золотою уздой,
Нам удачу гадалки гадали.
Расскажу про бои и про крылья твои,
Что всегда нас от смерти спасали.

Поклонюсь тебе земно, мой преданный, верный.
Сколько мы пролетели размашистых вёрст.
От клинка басурмана, из чёрного плена
Своего казака на крыльях унёс.

Ты спасал меня друг от свинца шалой пули.
От холодных ветров и от глаза дурного.
Помню скошенный луг, где в земле мы тонули
И распоротый круп моего вороного.

Ты не бросил меня на побоище диком.
Шёл аллюром и рысью по минному полю.
Среди ясного дня, с храпом стоном и гиком,
Улетала душа в поднебесье, на волю.

Ты спасал меня, друг, от морозов трескучих,
От студёной воды и от сабли в бою.
У пустой коновязи, под ивой плакучей
С золотою уздой на коленях стою.

Занимались осины рубиновым цветом,
Запах осени поздней меня отрезвил.
Кто заменит коня, что убили тем летом?
Кто заменит коня, что на крыльях носил?!

Столько минуло лет, столько вёсен и зим.
И война далеко укатила.
А в глазах до сих пор эти мины и дым,
Вороной, с белой проседью в гриве.

Ирина ХАНАНИНА

* * *

Когда осенние подступят холода,
Я нараспев невольно прочитаю
Есенинские дивные слова:
«Отговорила роща золотая…»

Откроется души моей словарь,
Ошибки все и промахи замечу,
Вдруг станет близких и далёких жаль,
Под вечер в образа затеплю свечи.

Увидев в золоте волос стальную нить
И то, как дни красу с лица сметают,
С печалью можно будет повторить:
«Отговорила роща золотая…»

Ах, осень жизни! Подлетят года,
Охряный листопад переметая,
И эти строки вспомню я тогда:
«Отговорила роща золотая…»

* * *

Падал бережно снег,
От морозов поля сберегая.
Кутал прорези рек
Белоснежным своим горностаем.

Заметал тополя
Вдоль дороги, овраги и склоны.
Засыпала земля
Под торжественной белой попоной.

И под вздохи зимы
Ей в мучительно сладких объятьях
Снились вещие сны
Да вишнёвое майское платье.

* * *

А где-то в Болдине торжественные клёны
С листвой искуснейшей, затейливой резьбы,
Всё так же осеняют всех влюблённых,
И так же царственны столетние дубы.

А где-то в Болдине парадные аллеи
Уткнулись в дома выцветший фасад,
От ранней изморози ветви онемели,
Но помнит сказки старый сонный сад.

А где-то в Болдине от солнечного света
Багрится золотом листвы иконостас…
Там, где из уст великого поэта
Лились стихи, что воспитали нас.

Василий МАКУХИН

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Продолжение.
Начало в №№ 12—18.

Проводы на службу

Прошло немного времени и Якиму из атаманской канцелярии привезли сообщение, что 15 мая ему надо явиться в Деревянковку для отправки на Линию.

Понимая, что скоро они расстанутся надолго, Марта старалась, как можно больше времени проводить рядом с Якимом. Даже несколько раз ездила с мужчинами на лиман, на рыбалку. Обладая выносливостью и силой, она наравне с мужчинами черпала огромных сомов и сазанов из ловушек. Занималась разделкой и засолкой рыбы. Казалось, что ей любое дело по плечу. Тяжёлая работа, зачастую в воде и на холодном ветру сделали её руки шершавыми, даже видны были трещинки. Марта очень страдала от этого, мазала руки сметаной, но домашние средства почти не помогали. Яким жалел жену, помогал по возможности, но и мужской работы было очень много, надо готовиться к севу. Со дня на день ветер просушит землю, можно будет пахать и сразу же сеять. Дед Степан последнее время стал сдавать, и основные работы легли на плечи Петра и Якима. Помогал им Миша, но силёнок у парубка было ещё мало, оберегали его от тяжёлой работы, чтобы не надорвался.

Снаряжение для службы у Якима было давно готово. Кинжал и шашка наточены, наган много раз проверен, пристрелян и смазан, винтовку Яким должен был получить на Линии. Одежда, стараниями Арины и Марты, тоже подготовлена, подогнана по фигуре. Степан насушил для внука сухарей, сделал небольшой мешок для хранения припасов в походах. С внутренней и внешней сторон этот мешок был отделан рыбьей кожей и не промокал даже погрузившись в воду.

Коня для Якима стали готовить ещё четыре года назад. Яким ни криком, ни силой не обижал коня, всегда баловал, то солёный сухарь принесёт ему, то расчешет гриву. Постепенно между Якимом и жеребчиком появилась дружба. Назвал Яким коня Громом, так же, как и его отца, жеребца ахалтекинской породы. Казалось, они понимали друг друга без слов, при помощи свиста, или лёгкого похлопывания по телу Грома. Чуть подрос жеребёнок, Яким стал его приучать ходить под седлом. Дикий нрав Грома гасился возникшим между ними дружеским чувством. Первое время конь пытался сбросить всадника, даже пробовал кусаться, но ласковые слова, что говорил Яким, и поглаживания по холке успокаивали Грома, и в конце концов он смирился. Тонкие ноги находились постоянно в движении. Если Яким садился в седло, казалось, что Гром под ним пританцовывает. По команде Гром мог ложиться и не боялся выстрелов, что особенно важно во время боя. Им можно было командовать даже без помощи уздечки, только лёгким движением ног в стременах.

Оставался месяц до отправки на Линию. Яким горел идеей построить себе отдельное жилье. Вместе с отцом он готовил площадку под строительство хаты. Выше по склону балки они расчистили от зарослей терновника и выровняли участок земли примерно около двух соток. Дёрн, что снимали с площадки, Яким складывал в несколько рядов с северной стороны будущей хаты. Этот вал из дёрна будет служить защитой от ветра. Для скота решили не строить отдельный сарай, а просто увеличить уже существующий. Обломии жили дружно, делить хозяйство не собирались, разве что молодые будут жить в отдельной хате, чтобы просторнее было, ведь подрастали Миша и Настенька и становилось тесно в трёхкомнатной родительской хате.

Пришёл день расставания. Накануне попрощаться собрались все родичи, посидели за столом, поговорили. Каждый хотел дать пожелание Якиму, подбодрить.

Для казака служба на границе всегда являлась почётной миссией. Все ясно представляли себе, что живут казаки в этом краю, потому что царица Екатерина дала землю, дала возможность жить, трудиться, но взамен казаки должны нести службу, охраняя от врагов, настойчиво посягавших на богатые земли Кубани.

Черноморские казаки стремились заслужить прощение Екатерины II за выступление против неё в восстании бунтовщика Емельяна Пугачёва и получить дополнительно зем-

лю для ведения хозяйства. Беспримерное мужество в русско-турецкой войне с 1787 по 1791 годы они проявили в битвах на море и на суше. В историю вошёл штурм неприступной турецкой крепости на острове Березань, где черноморцы проявили смекалку, мужество и героизм. После русско-турецкой войны казаки обратились к Екатерине II с просьбой выделить им землю. Организовал и возглавил прошение атаман и войсковой судья Головатый. Екатерина II вручила черноморским казакам грамоту, по которой в вечное пользование они получали земли в «Таврической области, остров Фанагорию, а также земли по правую сторону реки Кубань, от устья её к Усть-Лабинскому редуту, чтобы с одной стороны река Кубань, а с другой Азовское море до Ейского городка служили границей войсковой земли. В обязанность войску вменялось бдение и стража пограничная».

Рано утром 15 мая вместе с Якимом на подводах в Деревянковку отправились в полном составе семьи Сербиных, Обломии и Галки. Добрались до поселения быстро. На площади собралась большая толпа провожающих. В разных концах её слышались песни. Яким спешился и подошёл к родителям, рядом собрались родичи. Марта не отходила от мужа, глаза её были красными от слёз. Обеими руками она держалась за руку Якима, боясь даже на минуту отпустить его от себя. На площади казаки уже начинали строиться для проверки. К Якиму подходили по очереди родичи, обнимали, прощались. Каждому хотелось сказать что-то тёплое, душевное. Все понимали, что не на пир едут казаки, предстояла тяжёлая и опасная служба на границе длиной в два года. Яким расцеловался с отцом, дедом, подошёл к матери. Арина выглядела внешне спокойной, не раз уже провожала мужа на войну, но было видно как она волнуется, руки дрожали, в глазах стояли слёзы и, пытаясь говорить, не могла произнести ни слова, мешал комок в горле. Яким обнял мать, прижал её к себе и прошептал на ухо:

— Мама, я повэрнуся жывый, тилькы ты бэрэжы сэбэ и Марту.

Потом подошёл к жене, пристально посмотрел в её глаза и шёпотом произнес:

— Я тоби хочу сказаты, що ты найкраща , ныхто нэ зривняеться з твоею красою, ты мое свитло и мое жыття, бэрэжы сэбэ.

Ещё раз пристально посмотрел на Марту и вскочил в седло. Быстро заняв своё место в строю, оглянулся на родню, стоявшую на левом краю площади. Все сгрудились и внимательно смотрели на него. Дети стояли на телеге и смотрели, махая руками. Яким взмахнул папахой в ответ и стал смотреть вперёд, чтобы скрыть слёзы, навернувшиеся на глаза. На помост возле правления взошёл атаман и произнёс напутственную речь, после чего начался молебен.

Смерть Марты

Следующий 1841 год был годом бедствия для населения. Появилась холера. Началась она в России, а оттуда перебралась и в Черноморию». С болезнью боролись приказами, наставлениями, в церквях читалось «увещевание архиепископа Петербургского и Новгородского Серафима о послушании при холере

властям и о воздержании от возмущений против врачей, жертвовавших жизнью в борьбе с эпидемией».

Распространению холеры способствовала общая безграмотность, люди не понимали каким образом идёт распространение болезни. Прежде всего нужна изоляция от больных, необходимо соблюдать чистоту рук и пищи.

Заболевание начиналось остро, с появления многократной мучительной рвоты, поноса, жажды, часто по телу проходили судороги, понижалась температура и артериальное давление и как следствие развивалась сердечная недостаточность, которая приводила к смерти. Заболевание должно быть определено грамотными в медицине людьми, а так как на Кубани не в каждом курене был свой фельдшер, то становились понятны масштабы распространения болезни. Как правило заболевало сразу много народу и очень часто люди умирали, не получив медицинской помощи.

В Деревянковке холера появилась с приходом сезонных работников из России. Не было карантинных застав, никто не обеспокоился проникновением больных людей на Кубань. Очень быстро болезнь распространилась по поселению. Не было фельдшеров, не было лекарств, люди зачастую сгорали от холеры за несколько дней. Буквально за месяц на кладбище прибавилось более двухсот могил. Умирали в основном старики и дети.

Родственники перестали ходить друг к другу в гости. Хуторяне старались не появляться в Деревянковке. Ходили слухи, что по всей Кубани умирают люди, как мухи. Чтобы обезопасить себя от чёрной болезни, не подпускали к своим хатам пришлых людей, были даже случаи, когда даже стреляли издалека навстречу путникам. Страх заполнил души хуторян. В семьях Обломий, Галки и Сербиных пока не было больных. Казаки старались жечь побольше костров, чтобы очистить воздух, воду пили только из родников, работали на полях и в огороде сами, без помощи наёмных крестьян.

Однажды, когда Марта занималась прополкой в огороде, со стороны Деревянковки подошли трое русских крестьян. Они искали работу и спросили у Марты, сможет ли она дать им хоть какое-то занятие. Объяснили, что никто не берёт их в наймы, они остались без денег, нет даже куска хлеба утолить голод. Видно было, что они действительно голодны и изможденны. Марта, по характеру своему добрая и отзывчивая, даже помня, что нельзя ни с кем общаться, попросила крестьян подождать у плетня. Сама сбегала в хату, взяла краюху хлеба и кусок варёного мяса и прибежала к странникам. Когда она отдавала провизию, почувствовала, что руки берущего очень холодные. Быстро отдернула свои руки, потом долго их мыла с золой в ручье. Вечером почувствовала, что болит голова, беспокоит живот, её стало тошнить и Марта с ужасом поняла, что она заразилась от крестьян чёрной болячкой. Она заплакала, собрала немного вещей в узелок и сказала Арине, чтобы её не трогали, она будет жить в сарае. Просила оставить ей в горшке воду возле сарая, но внутрь чтобы никто не заходил.

Арина переполошилась, сообщила всем, что Марта больна, чтобы никто не приближался к ней, авось сама выздоровеет. Пётр принёс большую охапку хвороста к сараю, развёл костёр у входа и крикнул, чтобы Марта сидела больше возле огня, воду и настойки трав ей

сейчас принесут. Степан судорожно вспоминал, что делали в случаях заболевания холерой на Украине. Запомнилось, что нельзя было ни с кем общаться, нельзя пускать не только в хату, даже во двор чужих людей.

Обломии с утра до поздней ночи молились у икон, чтобы Бог послал Марте излечение и здоровье. Приходили к их подворью Сербины, стояли у плетня и плакали, но страх был сильнее их и, побыв немного возле сарая, Василий и Анна уходили к себе, боясь приблизиться к дочери.

Прошло два дня, из сарая не доносилось ни звука. Первое время слышны были стоны и плач Марты, но потом всё затихло. Степан оделся в одежды, которые потом можно будет сжечь и пошёл в сарай узнать, что с Мартой. Нашёл её в углу на куче соломы мёртвой. Вокруг всё было перевернуто, видимо Марта умирала в больших муках. Степан взял лопату и выкопал могилу на кургане, рядом с тем местом, где похоронили когда-то Олесю. Отвёз туда тело Марты, закутав его предварительно в чистую ткань. Родным Марты и своей семье запретил прощаться с телом. Издалека посмотрели, как Степан закрыл крышку гроба. Сверху гроба насыпал извести и развёл костёр вокруг могилы. Не было поминок, все боялись новых проявлений болезни. Каждая семья в своей хате помянули Марту, поплакали за столом, но полностью никто не мог поверить, что молодой, красивой, весёлой Марты больше нет. Арина и Пётр боялись даже подумать, как сообщить сыну о смерти его любимой жены. Только через месяц написали письмо на Линию, рассказали, что приходили странники, попросили у Марты хлеба, видимо, были больны холерой, после чего Марта заболела и умерла.

Степан после похорон Марты неделю сам жил в сарае, боялся, что если он заразился от Марты во время похорон, остальных родных не заразить холерой. Но обошлось, Бог миловал, через неделю Степан вернулся в хату. Пока находился в сарае, на всякий случай делал отвар из горького перца и пил по несколько раз в день. Перец убивает все болячки, главное, чтобы желудок был не больной. За неделю Степан похудел, как бы высох, так действует отвар перца на организм. И потом ещё долго, благодаря этому настою, Степана не брала никакая хвороба.

Холера холерой, но жизнь продолжается. Обломии изолировались от общества, берегли себя, не ездили почти три месяца никуда, ни в гости к родичам, ни в Деревянковку. Полностью посвятили себя работе на хуторе. Степан и Пётр даже на рыбалку редко выбирались, всё равно рыбу нельзя было возить на ярмарку. Год выдался без особых дождей и урожай получился не очень высоким. Огородные культуры ещё более-менее уродились, потому что Арина и Пётр с Мишей всё время поливали, пропалывали овощи. А остальные посевы дали средний урожай. Со скотом много возились, ухаживали, кормили, поили усиленно, и приплод по весне был неплохим. Стадо увеличивалось, и Степан, посоветовавшись с Петром, решил по осени часть коров и овец продать. Наконец-то семья могла разводить скот самостоятельно, без прикупа дополнительных голов. Сами животные стали, размножаясь, давать прибыль. Пчёлы принесли в этом году хорошую взятку. В конце мая Степан выгнал три макитры хорошего цветочного мёда. Спрятал до поры в склад, осенью надо вывезти в курень на продажу. Охотились в основном на дичь, к столу. Зайцев и гусей били из ружей, а птиц: дроф, фазанов, куропаток — Пётр приловчился стрелять из лука. Как-то привёз трофейный лук со стрелами, подобрал после боя с черкесами. Уже здесь, на хуторе сам учился и Мишу учил стрелять стрелами. Шума лук не производил, можно было находясь на одном месте, подстрелить несколько птиц, пока они не поднимутся на крыло. А дрофы не летали и можно было стрелять ,пока не добудешь всю стаю из трёх-пяти птиц.

Находясь в невольном заточении из-за чёрной болезни, Степан и Пётр стали заниматься выделкой шкур, как овечьих, так и диких животных, добытых на охоте. Из выделанных шкур шили телогрейки и кожухи. Заготовили для всей семьи обновы и Степан стал шить верхнюю одежку на продажу. Получались кожухи тёплыми, удобными в носке и красивыми. Арина обшивала края и карманы тонкими кантами. К осени Степан пошил восемь кожухов и пять телогреек-безрукавок.

Урожай убрали ещё до августа, остались только овощи на огороде. Пётр с Мишей потихоньку молотили пшеницу и по мере просушки относили в склад и засыпали в корзины на хранение.

Настенька, оторванная обстоятельствами от посещения церкви, очень сильно страдала. Она только стала приобщаться к иконописи, стала понимать, как надо писать иконы, а тут свалилась на Кубань эта холера. Лежала в красном углу написанная ею икона Святого Пантелеймона, помогающего страждущим и больным. Настенька думала, что если отдать икону в храм, то чёрная болезнь закончится, и тогда они смогут общаться с другими людьми. Но и дед, и отец категорически отказывались ехать в Деревянковку, и Настенька молилась и ждала лучших времён. Помимо работы в огороде, помощи матери по дому, у Настеньки оставалось немного времени, и она старалась как можно больше рисовать. Благо, дед ей купил как-то несколько листов плотной бумаги. Рисовала не только людей, но и природу, ручей, текущий через дубовый лесок, склон балки с несколькими берёзками на обрыве, свою хату под тополями. Всё у неё получалось красиво, даже краше, чем наяву.

Ближе к осенним дождям привезли из лесочка несколько арб сухостоя, сложили после распиловки дрова под навесами вокруг сарая со скотиной. Оставались неизрасходованными ещё прошлогодние запасы дров, но кто знает, какая зима выдастся в этом году? Сена заготовлено тоже было сверх меры. Жизнь потихоньку входила в благоприятное русло,

и если бы не смерть Марты в начале лета, то можно было бы жить с радостью. В начале сентября стали поступать слухи, что ушла из Деревянковки чёрная болезнь, люди стали ходить в церковь, открылись ярмарки по воскресеньям. К Обломиям приехали Сербины, без опаски и без тревоги собрались за столом, помянули Марту вместе и расспрашивали, что слышно от Якима с Линии. Степан и Пётр радушно встретили сватов, рассказали, как Марта заболела. Решили ждать Якима со службы, там будет видно, как жить дальше. Поговорили об урожае, надо везти зерно в Деревянковку, часть скота продать, чтобы на зиму осталось только необходимое количество для расплода. Зерно покупали купцы из Ейска, потом это зерно из Ейского порта экспортировалось в Италию, Англию, Турцию, Грецию. Василий Сербин сокрушался, что очень трудно жить из-за того, что в семье один мужчина, на которого даётся земельный пай. Подрастают ещё две дочери, где брать деньги на приданое, на то, чтобы их отдать замуж, он просто не может придумать. Степан подумал немного и предложил Василию купить немного земли у них, а ещё лучше будет, если Василий отдаст свою среднюю дочь Ирину за Якима. Да, случилось горе, невестка умерла, но Яким вернётся и жизнь продолжится, ему нужна будет жена. А если и Яким согласится на такой вариант, то Ирина перейдёт в его дом, нахлебников в семье Сербиных станет меньше и приданое не надо готовить дополнительно, пусть останется то, что принадлежало Марте. Предложение Степана было неожиданным, Василий с Анной сказали, что подумают об этом, потом скажут своё решение. Видно было, что Степан уже задумывался о судьбе Якима, присматривался к семье Сербиных и теперь высказал свою мысль. Старшим в семье Обломий был Степан, он принимал основные решения. Пётр хоть и работал больше всех, тянул на себе всё хозяйство, но принимал старшинство отца, уважал его решения и на этот раз согласился, что так будет лучше. На том и закончился разговор за столом. Решили поддерживать родственные отношения, не отталкиваться друг от друга , пока не придёт со службы Яким.

Прошло два года

В Деревянковке выбрали нового атамана. Раньше, с 1836 по 1841 год атаманствовал Семён Мова. Имение его было недалеко от Обломиевой балки, на берегу Сладкого лимана. Степан и Пётр частенько заезжали к атаману Мове в гости, были обласканы на его хуторе. Им нравился грамотный, не заносчивый, общительный с простыми казаками сотник. Иногда за столом, попивая чай, а то и что покрепче, говорили они о порядках в казачьем крае, о политике, о трудностях хозяйствования в степи. Семён Мова поддерживал общение с простыми казаками без чинопочитания.

После Семёна Мовы атаманом Деревянковского куреня стал Олексеенко. С 1842 года Деревянковский курень стал называться Стародеревянковской станицей. Станичными судьями выбрали Сохача и Серого. Станичный писарь Цыганко писал о том времени: «...церковь 1, домов у духовных лиц 4, офицеров 4; хуторов офицерских 7, урядничих и казачьих — 83; частного скота: лошадей 302, волов 500, коров и прочего гулевого скота 1589, пасек 3, ульев 125, мельниц ветряных — 2».

Весной ждали возвращения казаков с Линии. Закончился двухгодичный срок службы, и теперь казаки должны выйти на льготу.

Яким после смерти жены не жалел себя, всё время искал опасности в бою, ему хотелось забыться, утолить тоску по любимой. Пришла и к ним в крепость чёрная болезнь, выкосила чуть не треть казаков, но Яким был словно заговорённый, ни болячки, ни острая сабля, ни пуля не брали его. Сложно передать те чувства, что испытывал Яким, получив печальное известие от родителей. Только узнав любовь, только прикоснувшись в самом начале к счастью, он почти сразу всё потерял. Рухнули мечты о будущей счастливой жизни, будто ножом по сердцу провели, боль душевная преследовала его постоянно, почти все эти два года. Якиму хотелось как можно скорее вернуться домой, увидеть могилу любимой. В глубине души он надеялся, что вот вернётся на хутор, а Марта выйдет его встречать, улыбнётся своей улыбкой и, любя, прижмётся к нему. Но нет, сознанием он понимал, что всё это иллюзии, случилась беда и это надо принять сердцем, молиться о царствии небесном для любимой и хранить память о ней в душе.

В конце мая Яким получил разрешение уйти на льготу. Сумрачно собирался он к возвращению домой. Хоть и соскучился по родным, по Деревянковке, но сама мысль, что увидит могилу любимой, удручала его очень сильно.

Вместе с остальными станичниками ехал он в сторону Деревянковки, и голова его была полна печальных мыслей. Вот уж и окраина Каневской станицы, знакомые хатки под высокими тополями. Рядом товарищи радуются, песни поют, а Яким, как в воду опущенный, не спешит домой.

В Стародеревянковскую прибыли после обеда. Яким на площади увидел деда, собирающегося ехать домой. Степан запрягал лошадей, когда по площади прошёл слух, что едут с Линии казаки. Под старости лет Степан стал плохо видеть, но тут усмотрел в колонне всадников внука, узнал его по одежде и стройной выправке. Обнялись, постояли немного молча, и потом Степан стал рассказывать, как они живут на хуторе. Яким помог деду собраться и пересел к нему в телегу, его конь шёл рядом. Проехали речку Мигуту, заглянули к тётке на хутор. Наталка, Терентий, Гриша, Фрося и Феденька обрадовались возвращению Якима. Наперебой старались расспрашивать о его службе, здоровье. Особенно радовался Гриша, он был на свадьбе дружкой и после этого сблизился с двоюродным братом. Тем более, что на следующий год предстояло самому идти на службу в войско. Яким ничего не стал рассказывать, обнялся с родичами и сказал, чтобы приезжали на воскресенье на хутор к ним.

Выехали от Галки, через километр Яким увидел вдали на кургане два креста. Степан остановился напротив кургана и Яким один пошёл к могилам. Склонился на колени и долго сидел наверху. Степан стал беспокоиться и позвал Якима, чтобы ехать домой. На хуторе родные встретили Якима с чувством радости от встречи и чувством вины, что не уберегли его любимую. Арина, тихо плача, обнимала сына и шептала, что на всё воля Божья, надо смириться и жить дальше. Пётр молча подошёл к Якиму и обнял. Знакомые запахи, которые услышал от сына, напомнили ему дни, когда сам служил в крепости, это и запах пота коня под седлом, запах оружейного масла и неповторимый запах воли, который присущ только казакам. Быстро Арина и Настенька приготовили на стол, все сели и молча стали вечерять. Яким попросил ни о чём не говорить, ни о чём не спрашивать, на всё это будет день завтра. Хотелось Якиму помолчать в кругу близких, печаль утраты не отпускала его даже под крышей родной хаты.

Степан переглянулся с Петром и Ариной и стал рассказывать о рыбалке на неделе. Привезли тогда с Петром две телеги рыбы. В этот раз стали ловить кроме кот-ловушек ещё и на перемёты. На длиной бечёвке на поводках закреплены крупные крючки. На них насаживали земляных червей и ловили осетров и стерлядь. На два перемёта, по пятьдесят крючков на каждом, выловили тридцать два осетра. Почти половина из них была с икрой. Сразу же после рыбалки обложили рыбу льдом из погреба и отвезли в Стародеревянковскую станицу, сдали перекупщикам за большие деньги.

На другое утро Степан заседлал лошадь и уехал со двора. Направился он прямо к Сербиным. Помня давний разговор с Василием Сербиным после смерти Марты, Степан решил поговорить о Якиме и средней дочери Василия — Ирине. Сообщил Степан Василию и Анне, что Яким пришёл со службы и пригласил их приехать через пару деньков к нему на хутор всем семейством, но пока никому не говорить об их предыдущем уговоре. Степан зашёл в хату под предлогом попить воды и ещё раз посмотрел на Ирину, среднюю дочь Василия. Ей исполнилось в этом году восемнадцать лет. Поражало удивительное сходство со старшей сестрой. Если бы можно было поставить рядом ту восемнадцатилетнюю Марту и нынешнюю Ирину, то вряд ли с первого взгляда нашлись бы различия. На взгляд Степана, Ирина была даже немного приятнее обликом и тоже не росла белоручкой.

Довольный визитом к Сербиным, Степан лелеял надежду, что Яким обратит внимание на Ирину и даст Бог, смирится с теми условиями, что замыслили его дед и Василий Сербин.

Первые дни после приезда Яким почти не разговаривал с родными, если что спрашива-

ли у него, отвечал односложно, несколькими словами. Он случайно нашёл в рисунках Настеньки портрет Марты, прибил его гвоздиком к стене и теперь всё время посматривал, вспоминал любимую. Каждый день он ходил на курган, подолгу сидел у могилы.

Через несколько дней приехали на телеге всей семьей Сербины. Яким вышел встречать родителей Марты и остолбенел, увидев их среднюю дочь Ирину. За два года она подросла, оформилась в девушку, наполнилась красотой и умом. В глазах Ирины видна была не детская сентиментальность, а взрослая смышлёность и тонкий ум. Пережив много лишений, Ирина смотрела на мир с пониманием, будто хотела сказать: «Оглянись вокруг, этот мир даётся нам один раз, прожить его надо красиво, но праведно». На Якима она смотрела с обожанием, ещё два года назад Ирина невольно услышала разговор Степана с её отцом, сначала её душа взбунтовалась, не могла принять эту новость, но постепенно Ирина свыклась с мыслью, что Яким может стать её мужем и даже стала желать этого. Когда Ирина узнала, что Яким вернулся со службы, нетерпеливо стала ждать встречи с ним. В мыслях своих мечтала, что всё образуется, Яким полюбит её и женится.

Опешив в первое время, Яким пригласил дорогих гостей в хату, обнялся с каждым по родственному. Когда подошёл к Ирине, чуть замер, не решаясь её обнять, но она сама прижалась к парубку и поцеловала его в губы. Якима как кипятком ошпарило, так этот поцелуй напомнил его Марту. Ошеломлённый быстрым поцелуем Ирины, Яким зашёл следом в хату и стал помогать отцу устанавливать стол и лавки. Его послали в склад за разносолами и колбасами. Яким заскочил на минуту в погреб, отколол небольшой кусок льда и приложил ко лбу. Было ощущение, что всё внутри горит, сердце колотилось как сумасшедшее, руки дрожали, мысли путались, в голове стоял сплошной сумбур. Яким задержался на время в коридоре, прислушался к голосам в хате и заметил, что голос Ирины очень похож, почти неразличим от голоса Марты. Ему казалось, что сейчас Марта находится в комнате, но ему пока нельзя её обнимать и ласкать. Как будто запрет какой-то стоял между ними.

Шумно сели за стол, уставленный отменными кушаньями. Якима усадили под иконами, в святой угол. Оттуда он видел весь стол и всех гостей. Невольно глазами всё время он возвращался к Ирине, сидящей напротив. Она тоже украдкой поглядывала на казака. Иногда их взгляды встречались и тогда оба, смущаясь, отводили глаза в сторону. Яким присматривался к Ирине, замечал все черты, сходные с его покойной женой. Только Ирина была более мягких линий, чуть полнее лицом и немного смуглее. Но Якиму казалось, что Ирина даже красивее Марты.

Встал Степан из-за стола, поднял стакан с терновкой и произнёс:

— Дороги родычы, ридни мои, прыйшла до нас у будынок радисть — повернувся зи службы гарный козак, наш Якым. Отслужил у далэкому краю мий онук, чэсно выконав свий обов'язок, тэпэр от прыйшов додому. Зла доля прынэсла йому гори, умэрла його кохана дружына. Алэ жыття продовжуеться, хочу побажаты йому здоров'я и благополуччя, а щэ щастя. Нэхай Господь Бог нэ залышае його своим заступныцтвом.

Степан выпил немного и попросил Арину и Наталку спеть песню. Сильными высокими голосами запели женщины протяжную песню про долю казачью, про то, что ждёт всегда казака с чужбины верная жена. Отзвучала песня, навеяла грусть-тоску на людей, сидящих за праздничным столом. Притихли все, даже дети не гомонили за маленьким столом. Тут во дворе раздались голоса, заржали кони. Яким вышел на улицу и вернулся с двумя казаками. Это приехали Нечипоренко и Головко. Они прослышали, что прибыл со службы Яким и решили проведать, выразить почтение уважаемому соседу. За столом все оживились, сейчас Нечипоренко расскажет очередную свою историю, которая повеселит и развеет тяжкие мысли. Так и получилось, подняв чарку за здравие Якима и чуть закусив, Нечипоренко стал рассказывать:

— Ехал я недавно на хутор, и вдруг навстречу идёт цыганка, по земле за собой тянет чёрный платок. Увидела меня и подзывает к себе. Я подъехал, цыганка и говорит: — Нэ йидь туды, — и показывает на мой хутор. В это время сбоку треснула ветка, я оглянулся — нет никого. Снова глянул на цыганку, а её уже нет, вместо неё на дороге чёрная кошка с большими глазами стоит и шипит на меня. Перекрестился я и поехал дальше. Вижу, у дороги сидит старик, и глаза у него большие, испуганные. Увидел меня и говорит: — Нэ йидь туды, — и показывает на мой хутор. Я опять перекрестился и галопом поскакал на хутор, что ж там за нечистая сила такая.

В это время Арина и Наталка стали креститься, прижались к мужьям. Ирина, Меланья и Настенька выбежали в другую комнату и оттуда, из-за занавески, испугано смотрели на Нечипоренко.

А тот продолжал свой рассказ:

— Прыскакав я на хутир, а там никого, навить працивныкы кудысь пишлы. Заходжу в хату, а там за столом сыдыть...

Тут Нечипоренко сделал долгую паузу, взял со стола пирожок с патрипкой и стал его медленно жевать. Глаза его были устремлены куда-то вдаль. Все притихли и боялись пошевелиться.

— Ну, що дали? Хто там сыдив? — не вытерпел Степан. Он тоже весь напрягся и затаил дыхание. Нечипоренко медленно повернулся к Степану и сказал:

— Так кум там мий сыдив. Скучыв напэвно, захотилося з мною горилкы выпыты, от и зайшов до мэнэ.

— Дядько Нэчыпорэнко, що Вы так лякаетэ нас, мы думалы, що там у вас нэчыста сыла сыдила, — сказала Наталка.

Все рассмеялись и дальше за столом оставалось хорошее настроение. Яким неотрывно смотрел на Ирину, она просто притягивала его взгляд. Под вечер, когда гости стали собираться по домам, Яким вызвался проводить Сербиных до хаты. Семья Сербиных ехала на телеге, рядом верхом ехал Яким. Все молчали, каждый думал свою думу, но время от времени смотрели на Якима и вспоминали Марту. Анна даже заплакала — вот едет рядом муж её дочери, пришёл с войны, столько опасностей было вокруг, но выжил, а дочка, вроде и рядом была, а сгорела в одночасье, ушла в другой мир — как такое принять материнскому сердцу...

Прошло немного времени, Яким чуть привык к мирной жизни. Утром, управившись со скотиной, уходил к кургану и сидел у могилки Марты. О чём он там думал — не знал никто. Не хотелось Якиму говорить с родными на эту тему. Он замкнулся в себе, мало с кем разговаривал, только мать и Настенька иногда общались с Якимом. Он обнаружил вдруг, как красиво рисует его сестра. И раньше знал о её художествах, но придя с войны, вдруг остро стал воспринимать красивые вещи. Яким часто смотрел на рисунок Марты, замечал, как тонко и точно Настенька отобразила её облик и характер. Потом стал смотреть и другие рисунки сестры. Увидел наброски ликов святых, иконы, что рисовала Настенька и понял, что его сестра действительно талантливый человек. Несколько раз Яким ездил в станицу и обязательно покупал для сестры краски, кисточки и бумагу. Всегда привозил домой небольшой кулёчек конфет. Настенька обожала сладкое и Яким баловал её и деда, который тоже был охотник до конфет.

Временами Яким под вечер уезжал верхом как бы на охоту. И всегда путь его пролегал мимо хутора Сербиных. На правах близкого человека, Яким мог зайти в хату, поговорить с родителями, с сестричками. Его ещё неосознанно всё время волновала Ирина. Её прямо портретная схожесть с Мартой, её голос очень похожий на голос его покойной жены, заставляли замирать сердце и будоражили душу. Постепенно в голове Якима происходило замещение образа Марты на образ Ирины. Он меньше ходил на курган, меньше думал о самой Марте. Якима пугало такое превращение. Он корил себя за короткую память, молился за упокой жены и тут же думал об Ирине. В церкви, стоя у алтаря, молился и снова думал об Ирине. Это было просто наваждение. Да ко всему и Ирина всё время искала с ним встречи, её глаза выражали восхищение и страсть. Яким не выдержал и поделился своими мыслями с дедом. Степан, когда узнал, что Яким всё время думает об Ирине, обрадовался в душе, но виду не подал, а стал, как бы размышляя, говорить Якиму, что возможно это судьба его такая, да и всегда во все времена, если умирала жена, на её место приходила младшая сестра. Таков закон жизни, и такие обычаи у славян. Выслушав деда, Яким успокоился, значит ничего непристойного он не делает, если влечёт его к сестре Марты, значит так положено в обычаях. С этого дня Яким перестал стесняться и стал приезжать к Сербиным всё чаще и чаще. Уже не таясь, Яким стал разговаривать с Ириной, оставался чаще с ней наедине и даже оказывал знаки внимания, дарил мелкие безделушки, угощения, конфеты. Степан, встретившись с Василием, стал говорить, что пора детям сказать об их планах, но только так, чтобы они сами пришли к решению жить вместе. И однажды Анна позвала Ирину на разговор, сказала, что если дочке нравится Яким, то можно сыграть свадьбу и пусть она переезжает к Обломиям. Конечно такой свадьбы, как у Марты, у Ирины не будет, но в церкви венчание будет обязательно. Ирина смутилась и обняла мать, прижалась к ней и только одно сказала:

— Я тэж цього хочу.

Степан в свою очередь поговорил с Якимом и сказал, что не стоит долго женихаться, пока Ирину не засватал кто-то другой, надо самим её сватать, если она, конечно, Якиму нравится. Яким обрадовался и попросил деда, чтобы тот поговорил с родителями.

— Так воны давно уси знають, нэ слипи. Воны рады, що в тэбэ будэ вси добрэ в жытти.

Продолжение следует.

Владимир САЯПИН

ЛЕОНИД И ЕВДОКИЯ

Рассказ

Многое из того, что происходило со мной в начале жизни, теперь находит отражение в моих рассказах. Почти все они оттуда, из страны моего светлого детства. И эта новелла, которую я хочу сегодня предложить вам — оттуда, из доброго времени, где на краю степного хуторка стояла белая мазанка моих дедушки и бабушки, рядом с которыми я прожил самые лучшие свои годы.

Конец шестидесятых…Взамен степной, пыльной летом и непроезжей зимой дороги, проходящей по хутору и ведущей из оного, собрание правления колхоза решило покончить с бездорожьем, и насыпать вдоль хутора гравийку, которую местные называли не иначе, как «прохвиль». Были выделены необходимые средства, и в начале осени в хутор доставили три скрепера, которые весьма живо насыпали глинистую основу «прохвиля». Грунт брали тут же, один-за-одним скрепера ныряли в ими же сделанный котлован, набирали землю и довольно быстро отсыпали земполотно дороги. Дороге полагалось выстоять определённое время, после чего уложили гравий, и хутор приобрёл долгожданную дорогу, ведущую к светлому будущему и прогрессу местного колхоза.

Вырытый скреперами котлован живо заполнился водой, талой и дождевой, и за счёт ключей, бьющих со дна. Где-то за год, рядом с дедовским домом образовалось уютнейшее озерцо, сразу же заросшее по краям камышом. Мы детвора, тут же оценили выгоду от обретения; не надо было пешком топать около километра до речки, и столько же, после обеда, обратно. А тут… Как сказала бабушка: «И дома, и замужем». Общими силами мы, пацаны, сколотили деревянный помостик, с которого дружно и с визгом ежеутренне прыгали в чистую воду. Надо ли говорить, что вся окрестная детвора оценила новый пляж и все плескались, как лягушата, в холодноватой, но прозрачной воде.

В середине сентября, когда солнце уже перестало припекать по-летнему, на озерце стало тихо. И, как следствие, в один из дней на водную гладь опустилась маленькая лебединая стая, пробывшая на водоёме дней пять. Хуторяне редких в этих местах птиц не обижали, любовались издали белыми красивыми лебедями. В один из дней стая поднялась на крыло.

Но двое — лебедь и лебёдка, не полетели со своими, а остались на озере. Каким уж своим лебединым чутьём, они догадались, что озерцо замерзать не будет. Так и остались… Жили своей размеренной птичьей жизнью, радуя хуторян. По ночам, спрятав клювы под крыльями, спали на залитой луной водной глади… По душе хуторянам оказались смирные, красивые, несуетные птицы. Детворе строжайше было наказано не беспокоить лебедей, а, уж, собак лебедь отвадил сам, учинив показательную трёпку зарвавшейся собачонке. После этого их уже никто не беспокоил. Весной они вывели птенцов. Серые пушистики быстро сновали вокруг родителей, потихоньку крепли, подрастая. К осени начали делать пробеги по воде, постепенно встали на крыло, делая с родителями облёты окрестностей. А в одно прохладное сентябрьское утро поднялись в небо и уже не вернулись. Грустили или нет родители — не скажу. Покричали призывно день-другой и зажили прежней жизнью. Так и прошла вторая зима. Сошёл в марте снег, запарила земля на солнцепёке. Занялись и птицы привычным делом — возведением гнезда и ухаживали друг за другом. Воистину прекрасна эта лирическая картина, радовавшая глаза хуторян. И вдруг… В одну из ночей, под утро, прозвучал ружейный выстрел… Так и не удалось узнать, кто совершил эту гнусность. Скорее кто-то приезжий, потому что у хуторян рука бы не поднялась. И, тем не менее, когда пришёл новый день, лебедь оказался в озерце один. Не умолкая, с утра до вечера он неустанно кричал, звал, облетая окрестности, подругу. Глухая тишина была ему ответом. До слёз было жалко горевавшую птицу. Дней через десять лебедь умолк, и как изваяние, затих посередине пруда, спрятав нос в перьях на спине. Никуда не улетела гордая птица, молча горевала, расстраивая хуторских кумушек, которые тыкали пальцем в лебедя и шипяще уличали своих благоверных в отсутствии лебединой верности.

Однажды утром бабушка, насыпая зерно дворовой птице, недосчиталась серой гусочки Дуськи. Маленькую и складненькую птицу обнаружили на озерце. Дуся кокетливо плескалась, как обольстительная красавица на виду у лебедя. На что он, надо сказать, сначала не обращал никакого внимания. Но Дуся ежедневно устраивала показательные купания с деланным безразличием к белому красавцу. И вскоре сердце белоснежного «казака» не выдержало. Он начал робко проявлять знаки внимания, которые Дуська милостиво принимала. «Ну, и слава Богу!» — хутор облегчённо вздохнул. Бабушка моя махнула рукой на ветреную Дуську, но не прогоняла её, когда та утром приходила позавтракать вместе с птицей дворовой. Кавалер, сколько она его ни звала, не решился последовать за ней на дармовое угощение.

Так и прошло лето… Птицы ни на мгновения не расставались. Дуся даже соизволила немного полетать с кавалером, но недалеко и каждый раз возвращалась на озерцо, ставшее им обоим жилищем. Влюблённость этой пары и взаимные ухаживания умиляли хуторян до слёз. Даже дедушка воздержался от ехидного замечания на этот счёт. Смущённо покашливая в кулак, он покуривал на лавочке рядышком с бабкой глядя на благостную картину.

Ранним сентябрьским утром Дуська привычно отправилась «подхарчиться» на птичий двор стариков. А в это время на озеро присела неизвестно откуда залетевшая стайка лебедей. Дуся, неспешным шагом следуя к другу после сытного завтрака, неожиданно обнаружила, что её кавалер оказывает знаки внимания симпатичной лебёдушке… Надо было видеть, с какой скоростью Евдокия разъярённой фурией налетела на лебёдку. Белым облаком полетели пух и перья над водой. Дуся, выгнув шею, яростно била крыльями и клювом коварную разлучницу, оглашая окрестности громким пронзительным криком. Лебеди сочли за лучшее подняться на крыло и скоропостижно покинуть негостеприимное озеро. Дуся плавала из стороны в сторону, никак не могла успокоиться. И тут её взгляд упал на смущённо притихшего друга… Через минуту тот бежал от Дуськи прямым ходом…на птичий двор. Злюка щипала у него из зада перья и бежала, не отставая. Проскочив мимо бабушки, чуть не сбив её с ног, лебедь отчаянно забился головой в стог сена… Но тыл— то остался снаружи. Дуся не успокоилась, пока не ощипала весь зад своего кавалера догола. После чего, распахнув гордо крылья, громко известила всю округу о своей победе.

Неделю хохотал хутор над незадачливым кавалером с голым задом. Ему присвоено было имя Лёшка, Леонид. Просидев головой в скирде сена полдня, Лёшка перестал привередничать и начал изредка с Дусей захаживать на птичий двор. Но всё остальное время они проводили на озере. Весной птицы совместными усилиями построили гнездо. Дуська высидела штук семь удивительных, пронырливых, длинношеих, как батя, и серых, как мамка, пушистых существ, которые осенью уже никуда не улетели и остались на озерце, создав небольшую дружную стаю. Так они и жили там несколько лет.

Чем закончилась эта история — не знаю. Бабушки и дедушки не стало, и, скорее всего, без стариковского внимания и защиты птицы куда-то исчезли. Мне не к кому стало приезжать на летние каникулы. Озерцо потихоньку стало зарастать ряской и тиной, превращаясь в болото. Позже, с годами, от озерца не осталось и следа, как и от бабушкиного дома на краю хутора. И только старый дедов сад растёт на том месте, где стояла дедова хатка, цветёт ежегодно. По ночам ухают в нём совы, мяукают сычи. И ничто не напоминает о том времени, когда здесь был уголок рая земного. С неизменным, положенным любому раю, лебединым озерцом, с Лёнькой и Дуськой, спящими на лунной глади под мелодичный стрёкот сверчков и еле слышный голос гармони за речкой…

Константин БАНДИН

ТАЙНА КУБАНСКОГО ОСЕТРА

Река Кубань в античные времена называлась «Антикитес», что переводится с древнегреческого «Осетровая река». Действительно, в стародавние времена многие реки Краснодарского края (в том числе и наша речка Челбас, и соседняя Ея) были богаты осетровыми рыбами, слава о которых гремела по Европе.

Осетровые — древнейшие представители фауны, которые появились раньше динозавров, но выжили во время глобальной катастрофы (примерно 65 миллионов лет назад), после которой гигантские ящеры канули в Лету.

До сих пор учёные изучают тот исторический период по сохранившимся осетровым. К сожалению, реликтовые представители животного мира, которых не сгубил всемирный катаклизм, не выдержали человеческого вмешательства в дела природы.

Появившиеся на Кубани в конце XVIII века казаки-запорожцы были поражены многообразием обитателей наших природных водоёмов. На нерест в реки нашего края из Азовского моря (Меотиды) заплывали осетровые поистине колоссальных размеров. Длина отдельных особей белуг могла достигать 5-7 метров, а осетров до 2 метров.

Азовский осётр занимал почётное место на царской кухне, поэтому, стремясь угодить взыскательному вкусу августейшей семьи, кубанские казаки присылали к императорскому столу дары наших морей — царь-рыбу (осетра).

Уже работая в Каневском районном историко-краеведческом

музее, мне как-то на глаза попал снимок известного фото-летописца начала XX века Карла Буллы, где запечатлены наши казаки, которые привезли «Презент Ея Императорского Величеству Государыне Императрице Александре Фёдоровне» в виде рыб осетровых пород. Каким образом в те времена удавалось доставить подобные подарки в столицу Империи, ответ на этот вопрос волнует многих, ведь осётр не бывает «не первой свежести».

Рыба осётр и её сородичи могут употребляться в пищу в любом виде, кроме солёного. Всё дело в том, что если приготовить эту рыбу подобным образом, в ней образуются токсические вещества и употребивший её обязательно получит тяжёлое отравление. А если потерпевшим будет лично Самодержец Всероссийский? О последствиях сего происшествия даже страшно подумать!

Как же казакам удавалось поставлять свежего осетра в царскую кухню?.. Может, был у них какой-то секрет, который ныне позабыт?

Сегодня в станице Каневской, на перекрёстке улиц Горького и Айвазовского, стоит пятиэтажный дом-«свечка», на месте которого когда-то стояла хата казака Алексея Ильича Удода. Он умер бездетным, хоть и имел двух жён, но к детворе всегда относился приветливо и с добром.

Возле его калитки стояла лавочка, на которой он сидел вечерами, в неизменной фуражке-сталинке защитного цвета, с палочкой, когда сам, а когда со своей второй супругой Полиной Никифоровной. Я, будучи мальчишкой, которого всегда интересовала история, частенько беседовал с ним о прошлом, и он мог долго рассказывать о том, о чём я не мог прочитать в своих учебниках. Как я узнал позже, на известном каневчанам историческом фотоснимке «Свадьба казака Петра Гриня» (1913 года) Алексей Ильич стоит слева от жениха, а возле него находится и его первая супруга Варвара (умершая в 1939 году). Он был 1893 года рождения, служил ещё в казачьих частях царской армии на Закавказском фронте (в 1915 — 1917 годах).

Увидев фотоснимок Карла Буллы с осетрами, я вспомнил рассказ А.И. Удода о том, как казаки возили эту рыбу царю Николаю Второму.

— Дедушка Алёша, как же вы её везли из Кубани в столицу? — спрашиваю как-то у старика.

Тот хитро прищуривается, погладив пальцем седые усы, отвечает:

— Был у нас один секрет, который знали только наши казаки.

— Что же это за секрет?

— Это военная тайна, которую должны знать только те, кому надо.

— Я никому не скажу…

— Ну ладно, бабушка не услышит?

— Нет, она в хате.

— Тогда слушай…

Оказывается, перед тем, как отправить осетра в столицу, казаки заливали ему в пасть стакан горилки (без закуски!).

«Мама дорогая! Пьяная рыба — о таком я ещё не слыхивал! Наверное, сочиняет дед», — подумал я.

А старик серьёзно повествует об этом, как говорят «в ярких красках и со всеми подробностями». Хочешь — верь, а хочешь — не верь!

И вот, спустя сорок лет, занимаясь историей родного края, я вспоминаю дедушку Алёшу и наши с ним беседы.

Однажды, будучи в городе Ейске у своего приятеля-рыбака, мы за столом разговорились о трагической судьбе русского осетра, о славном его прошлом и о туманном будущем.

— А знаешь, как наши земляки царю осетра возили?

— Как? — поинтересовался я.

— Да заливали ему в рот 200 граммов водки, и он, как Женя Лукашин из фильма «Ирония судьбы», ехал «под градусом» до самой столицы!

«А взгляд у него такой же, как и у дедушки Алёши! — подумал я. — Кто рассказал ему нашу «военную тайну», ведь они даже не были знакомы?»

Татьяна КУН

КАНИКУЛЫ ДЕТСТВА

Воспоминания из детства всплывают в моей памяти яркими цветными кадрами, как в широкоформатном кино, даже спустя много лет…

Лето 1962 года. Папа пришёл с работы и, тихо посовещавшись с мамой, сообщил мне замечательную новость: «Танюша, ты едешь в августе в пионерский лагерь в Кабардинку. Мне на работе дали путёвку».

С нетерпением я ждала дня отъезда. И вот 31 июля, рано утром, мы с мамой пришли в «Автохозяйство». Жёлтый автобус с табличками «ДЕТИ» на переднем и заднем стекле к поездке был готов. Диспетчер разрешил выезд.

Сопровождать детей поручили маме и тёте Лене. Дети, попрощавшись с провожавшими родителями, сели в автобус. В автобусе было два водителя. «Дядя Слава и дядя Боря, наши лучшие водители», — представила их мама. Выехали в 6:00 часов утра. Я впервые уезжала так далеко из дома, так как до посёлка Кабардинка по трассе было более 300 км.

За окнами автобуса мелькали ухоженные поля. Высокие тополя росли по обе стороны от дороги. Мы переезжали через реки по мостам, проезжали через станицы, посёлки. Всё было чрезвычайно интересно. Я впервые увидела город Краснодар с многоэтажными домами, трамваями и троллейбусами. Прильнув к окнам автобуса, дети во все глаза смотрели на чудесный город. По пути следования мы несколько раз останавливались, чтобы перекусить тем, что брали из дома. За городом водители поменялись местами, и мы продолжили путь.

Вскоре появились холмы, незнакомая растительность. Но вот и горы… Город Новороссийск. Мы проехали мимо промышленной зоны окраины города с дымящимися трубами цементных заводов, и вдруг увидели лазурное море, окаймлённое зелёными горами Цемесской бухты. Оно сверкало искристыми солнечными лучами, голубовато-бирюзовое, сливающееся с голубым небом на горизонте. Зрелище было потрясающим! Автобус остановили на обочине, мы вышли и с восхищением смотрели на открывшийся вид. Воздух был напоён особенным запахом моря. Крупные чайки летали с криками над водой. Волны с шумом набегали на берег и, пенясь с белыми гребешками, откатывались обратно, унося за собой мелкие камешки. Этот ритмичный шум волн был завораживающим…Но дорога была высоко, а до моря было ещё далеко…

Нам предстояла самая сложная часть пути, называемая «серпантинкой». Оба водителя обошли автобус, осмотрели колёса, проверили тормоза.

Дорога извивалась между скалами крутыми петлями, поднимаясь всё вверх и вверх, мотор автобуса натужно гудел, мы ехали потихоньку, на небольшой скорости, огибая одну скалу за другой. Вздохнули облегчённо только тогда, когда выехали на прямой участок дороги. Наконец мы въехали в пос. Кабардинку. Вдоль трассы слева и справа были расположены пионерские лагеря. Мелькали названия пионерских лагерей, украшающие арки ворот: п/л «Кабардинка», п/л «Октябрь», п/л «Отважных и смелых», п/л «Спутник», п/л «Альбатрос», п/л«Сигнал».

Мы достигли первого пункта нашего назначения, так как у половины наших ребят были путёвки на третий поток в п/л «Сигнал», и именно здесь сейчас находился мой 11-и летний брат Санька. Весь июль месяц он отдыхал по путёвке от «Автохозяйства», которую получила на работе мама. Пока в медпункте принимали ребят, мы с мамой нашли отряд Саньки, и вскоре уже обнимали нашего Саньку, загоревшего и весёлого. Он восторженно стал рассказывать, как ему понравилось здесь и что ему не хочется уезжать домой…

Пионерский лагерь «Сигнал» буквально спрятался в лесу. Высокие дубы накрывали своими кронами красивые одноэтажные здания с колоннами на входе. Главная аллея простиралась от центральных ворот до выхода к морю. Ступени к морю спускались от калитки лагеря. Несколько деревянных домиков стояли прямо в лесу, как сказочные избушки…

Море было рядом. Мама разрешила отлучиться на 5 минут. По ступенькам мы с братом спустились к морю. Сняв босоножки, я вошла в воду. Тёплые лёгкие волны окатили мои ноги. Санька быстро достал из-под камня маленького краба и показал мне. Он был плоским с клешнями и лапками, как у наших речных раков. Я положила краба на раскрытую ладошку, но он угрожающе поднял клешню и я, испугавшись, не успев разглядеть его толком, отпустила обратно в море. Зачерпнув в ладошки немного воды, я попробовала её на вкус. К моему великому удивлению она оказалась солёной. Пять минут прошли, и мы с Санькой вернулись к маме.

Тем временем мама и дядя Боря, привозивший неоднократно детей в п/л «Сигнал», решили вопрос о возможности ночёвки. Я попрощалась с Санькой, и нас, оставшихся детей, повезли дальше в п/л «Детскую турбазу «Смелых». Наконец мы добрались до конечного пункта нашего назначения. Автобус въехал во двор турбазы, и мы со своими чемоданами вышли.

Нас приняли в медпункте, взвесили, осмотрели наши волосы, посмотрели «Карты школьников» и распределили по отрядам. Меня — в младший — 7-й отряд, Валеру, как

Детская турбаза «Смелых», Кабардинка, 1964 год, 5-й отряд, 1-й поток.

самого старшего — в 1-й отряд. Валеру я уже знала, так как наши отцы работали вместе, и наши семьи дружили. Мама попросила Валеру «присматривать» за мной, чтобы никто не обижал. Валера стал моим другом и защитником. А я подарила ему одну из своих ярких косыночек, которую он носил на шее — было очень модно.

Наш младший отряд поселили в капитальном корпусе, девочек в одну большую комнату, мальчиков — в другую. С нами в комнате жили наши воспитательницы и пионервожатые.

На следующий день нам выдали красивую форму и пилотки. Девчонкам подобрали по размерам белые рубашки с коротким рукавом и шерстяные юбки в складочку фиолетового цвета, мальчишкам — тоже белые рубашки и фиолетовые брюки и шорты. У всех 7 отрядов форма была одинаковая, только размеры разные…

«Детская турбаза «Смелых» имела большую территорию. Зданий капитального типа было немного: медпункт, кухня — столовая с огромным летним навесом с обеденными столами, пара корпусов. А остальные домики были деревянными и из плоского шифера, выбеленными известью. Белоснежные домики стояли стройными рядами на небольшом расстоянии друг от друга, а напротив стояли такие же. Между рядами были асфальтированные дорожки и цветочные клумбы. Деревца, видимо высаженные совсем недавно, были маленькими, и от этого территория лагеря в первый мой приезд казалась немного пустынной, не хватало зелени.

Мне очень нравился распорядок дня в пионерском лагере. С утра все делали зарядку под музыку на большой спортивной площадке. Упражнения нам показывал физрук. Потом мы завтракали и шли на море. Путь к морю занимал минут 10, мимо футбольного поля и ещё квартал вниз к морю по каменистой дорожке. На берегу были камешки более мелкие, гладко отполированные морскими волнами.

Не передать того восторга, с которым мы окунались в море, плескались, смеялись, учились плавать. Нас учили держаться на воде, правильно дышать, плыть — сначала на доске, потом без доски. В воду заходили небольшими группами, по очереди. Море для каждого пионерлагеря было отделено буйками с канатами на воде. Каждый день море было разным. Вода была то теплее, то прохладнее. Иногда в море плавали медузы, но нам строго-настрого запретили трогать их руками. Дно было каменистым, на небольшой глубине было видно, как проплывали маленькие рыбки — бычки, они сновали быстро небольшими стайками. Чаще всего мы видели небольших крабов. В море были недолго, потом загорали на солнышке, расстелив полотенца. Камешки на берегу были горячими. Загорали тоже недолго, чтобы не обгореть.

На берегу я часто находила интересные маленькие камешки, причудливые ракушки

На Малой земле, 1965 г.

и тогда уносила их с собой. К концу потока я собирала небольшую коллекцию, которую увозила домой, отчего мой чемодан становился намного тяжелее после лагеря, нежели до него. Пробыв на море два часа, мы возвращались в лагерь тем же путём, оставляли полотенца и шли в столовую, где ждал нас горячий, вкусный обед. С каким аппетитом все уплетали за обе щеки наваристый борщ, котлеты с картофельным пюре или кашей, компот! Еда всегда была вкусной и разной. Каждый четверг был рыбным днём. После обеда был тихий час, и мы спали сладким сном. После тихого часа — полдник, и снова — на море! После моря душ и ужин.

А после ужина начиналось всегда всё самое интересное. Вечером, через день, во дворе нам показывали детские фильмы, сказки, мультфильмы, юмористический журнал «Фитиль». Экраном служили натянутые белые простыни под навесом сцены.

Месяц пролетел быстро, и нас увезли домой.

В пионерском лагере «Сигнал» я отдыхала летом 1963 года. Наш отряд жил в деревянных домиках, похожих на сказочные избушки в лесу. Море было рядом, очень удобно, лагерь красивый, уютный. По вечерам нам показывали кино во дворе. Кормили в этом лагере тоже очень вкусно. Пионервожатые вместе с воспитателями организовывали для

нас соревнования по шашкам и шахматам, учили на танцплощадке танцам.

А Санька, мой брат, в это же время отдыхал в «Детской турбазе «Смелых», но ему не понравилось в папином лагере, поэтому на следующее лето в «Детскую турбазу «Смелых» поехала я, а Санька — в свой любимый п/л «Сигнал».

С каждым последующим приездом в «Детскую турбазу «Смелых» на каникулах летом с 1964 по 1968 годы, я с радостью наблюдала, как подрастали деревья, а пионерлагерь преображался и «прирастал» новыми деревянными домиками.

Июнь 1964 года, я в 5-ом отряде, нам всем по 10 лет. На фото во втором ряду, справаналево, первой сидит моя подружка Лариса Скварцова, затем я — Терещенко Таня. С Ларисой мы подружились сразу, с самого начала потока. Она приехала из ст. Нижнебаканской. Чем-то с ней мы были очень похожи; обе курносые, зеленоглазые, обе русоволосые с двумя косичками. С Ларисой мы потом несколько лет переписывались, делились новостями, пересылали друг другу марки, фантики и открытки.

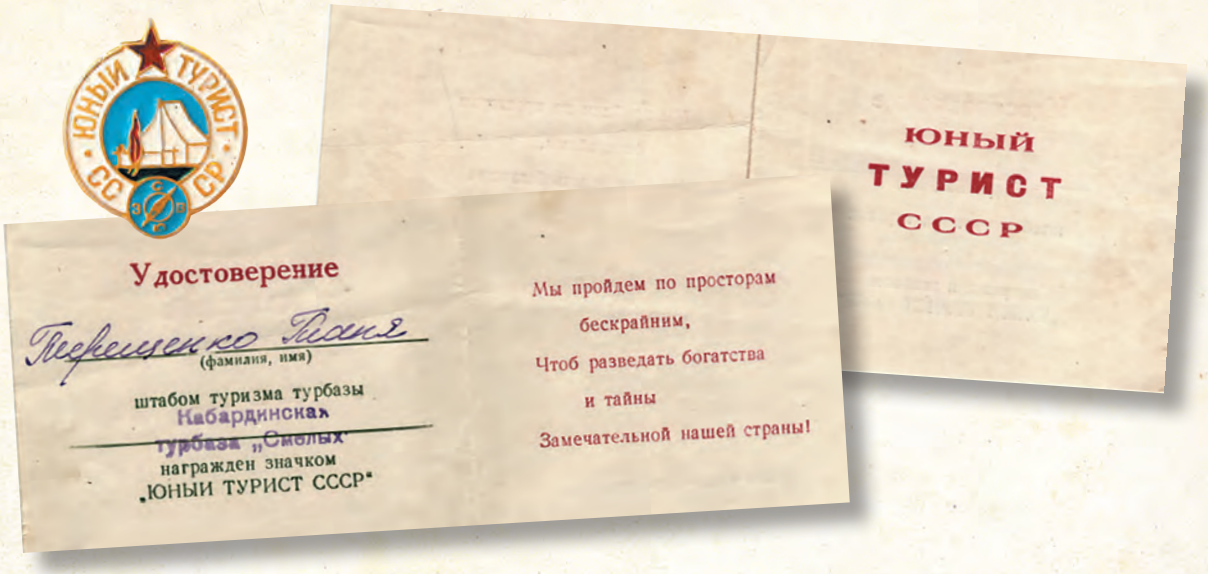
Наш 5-й отряд жил в белых шиферных домиках. С Ларисой мы жили в одном домике, каждый домик был рассчитан на 4 человека. Нам снова выдали красивую форму, за которой мы, повзрослевшие девчонки, ухаживали сами, а мальчики отдавали свою форму в прачечную. На торжественную линейку все выходили в парадной форме, в красных пилотках и с пионерскими красными галстуками. Галстук я всегда носила с гордостью.

Старшие отряды возили на экскурсии в город Новороссийск и на Малую землю. Там я была дважды в 1964г. и в 1965г. По морю на прогулочном катере мы переплывали бухту от Кабардинки до Новороссийска. Море было тихим, спокойным и когда мы доплыли до середины бухты, я, выглянув за борт, увидела, что море необычайного цвета; бирюзово-сине-зелёное. Цвет менялся ежеминутно под лучами яркого солнца, позади катера оставался пенный шлейф волн. Мы пели пионерские песни, и вскоре катер пришвартовался к пристани. На пристани нас ждал экскурсионный автобус, на котором мы и совершили поездку по городу Новороссийску. На Малой земле нас встретил экскурсовод. Он повёл нас по памятным местам боевых действий во время Великой Отечественной войны 1941 — 1945годов и рассказал о том, что «Малой землёй» этот небольшой участок земли под Новороссийском назвали сами бойцы-десантники, которые высадились здесь, чтобы освободить город Новороссийск от фашистских захватчиков.

Мы сфотографировались у памятника на Малой земле, на котором написано:

«На этих рубежах 4 февраля 1943года высадился десант моряков черноморского флота и воинов Северо-Кавказского фронта. 225 дней в ожесточённых боях героические советские моряки и солдаты отстаивали плацдарм, названный десантниками Малая земля. Отсюда начался решающий штурм позиций гитлеровских захватчиков, завершившийся 16 сентября 1943 года освобождением города. Слава воинам освободителям Новороссийска».

Перед выходом в поход, лето 1966 года.



Обратный путь на катере из Новороссийска в Кабардинку прошёл без песен, все осмысливали увиденное и услышанное. После экскурсии весь наш отряд притих, потрясённый увиденным разбитым вагоном, рассказом экскурсовода, как-то враз все ребята немного повзрослели… Ведь мы раньше не знали, что здесь во время войны шли такие тяжёлые кровопролитные бои, что столько людей погибло, освобождая нашу землю от фашистов… Вечером нам показали фильм о войне.

В другие вечера мы играли в ручеёк на танцплощадке и танцевали популярную тогда Летку-Еньку, вальс или танго. Музыка звучала из огромного репродуктора, висевшего на столбе возле танцплощадки. Мальчики приглашали девочек танцевать, а когда объявляли белый танец, то девочки приглашали мальчиков.

Для нас часто организовывали различные конкурсы: на лучшее исполнение песен, стихов или танцев. Отряды соревновались друг с другом на лучшее исполнение строевой песни. «Заводилами» всегда были пионервожатые…

В турпоходы ходили дети из старших отрядов. А младшие отряды с завистью смотрели, как в очередной поход уходили старшие... Вскоре и я подросла, и в последующие приезды в «Детскую турбазу «Смелых» тоже стала ходить в туристические походы с 1965года. Сохранилась фотография 1966 года, где мы запечатлены с рюкзаками за плечами на фоне гор, куда нам предстояло идти. По дороге, ведущей вверх, мы пойдём через перевал. За день до выхода в поход с нами провели инструктаж в пионерской комнате, в которой на стене висели цветные плакаты с порядком установки палаток и прочими полезными советами.

Погода стояла чудесная и мы неспешным шагом вышли из лагеря. С нами вышли четыре инструктора по туризму, врач, медсестра, воспитатели и пионервожатые. Взрослые несли самые тяжёлые рюкзаки и палатки. А каждый из нас нёс в своём рюкзаке байковое одеяло, полотенце, сухой паёк на два дня, банки с тушёнкой и сгущёнкой, алюминиевые тарелку и кружку, ну и только самое необходимое в походе, весом не более 5кг.

Выйдя за посёлок Кабардинку на восток по каменистой дороге, постепенно вытянувшись змейкой, мы шли очень долго, инструктор впереди, инструктор сзади, инструкторы в середине нашего отряда. Идти на подъём с рюкзаками за плечами было тяжело, через каждые полчаса останавливались отдохнуть, недолгий привал и затем продолжали путь дальше. Так, потихоньку поднялись на перевал и только ближе к обеду спустились к поляне в лесу, на которой и расположились лагерем. Палатки были тяжёлыми, поэтому устанавливать их нам помогали инструкторы и пионервожатые. Вскоре палатки стояли вокруг полянки, в центре которой устраивали костёр для приготовления еды. В каждой палатке разместилось по 4 человека. Положив свои рюкзаки в палатке, мы пошли собирать хворост в лес. Каждый, принеся небольшую охапку, складывал хворост недалеко от костра. Сварили огромный котёл гречневой каши с тушёнкой, вскипятили в ведре воду для чая. Вот и готов обед. Каши получилось так много, что нам хватило ещё и на ужин. В горах солнце садится быстро. Вечером все собрались вокруг костра и начали рассказывать разные истории, петь песни. Особенно интересные истории рассказывали наши бывалые инструкторы по туризму…И здесь мы услышали легенды о горах Кабардинки с вершинами, названными в честь трёх сестёр «Вера, Надежда, Любовь»…

Но прозвучал отбой: «Спать, спать по палаткам пионерам и вожатым»… Инструкторы остались дежурить по очереди всю ночь у костра, поддерживая в нём огонь, а мы отправились в свои палатки. Ночью было хо-

лодно, спали одетыми в спортивные костюмы, завернувшись в свои байковые одеяла. Спали, как «убитые»… А утром, умывшись водой из холодной горной речушки, снова кашеварили. Все достали свои сухие пайки к чаю, позавтракали.

Потом начались соревнования по ориентированию на местности с картой и компасом. Время летело быстро, интересно, после обеда собрали вещи и палатки, убрали после себя полянку и выдвинулись в обратный путь на турбазу. Идти было легче, так как наши рюкзаки опустели наполовину, запасы еды были съедены. Перевал прошли, дорога вниз показалась короче. А в турбазе нас ожидал вкусный ужин и тёплый душ.

В такой же поход я ходила 4 раза (с 1965 по 1968 гг.), и каждый раз всё было по-новому… После последнего турпохода нескольким ребятам, в том числе и мне, торжественно на линейке вручили значки и удостоверения «Юный турист СССР».

Самой запоминающейся была моя последняя поездка в Кабардинку в 1968 году. В эту поездку я собирала свой чемодан самостоятельно. Я уже умела шить и сшила себе шорты из плотной чёрной ткани, халатик из зелёного ситца в цветочек и такой же раздельный купальник. Я готовилась к поездке в лагерь заранее, надеясь, что папа возьмёт мне путёвку в турбазу «Смелых», и очень рада была, когда папа прислал мне письмо, в котором сообщил, что взял путёвку на август месяц… К тому времени родители разошлись и папа жил уже в ст. Ленинградской, но нас не забывал … Мне было 14 лет, я перешла в 8-ой класс.

Турбаза «Смелых» была такой знакомой, наш старший 1-й отряд разместили в новых деревянных домиках с террасами с двух сторон. Вход в каждую комнату был с террасы. Комнаты девочек с одной стороны, комнаты мальчиков с другой. В каждой комнате жили по 4 человека. В отряде 20 девочек и 18 мальчиков. Наш старший отряд чаще других дежурил по лагерю, мальчики дежурили на центральном входе и выходе на море, девочки дежурили по очереди на кухне. Там мы помогали чистить картошку, разносить тарелки с нарезанным хлебом на столы. После обеда девчонки мыли посуду в огромных металлических ёмкостях с порошком горчицы, потом ополаскивали посуду чистой водой.

На море мы ходили каждый день, купались и загорали, к концу потока были загорелые, здоровые и весёлые. По вечерам через день нам показывали фильмы, а через день были танцы. Мы повзрослевшие, ждали вечер танцев, когда могли потанцевать с мальчиками.

Закрытие потока в августе было самым удивительным и красивым зрелищем. Праздник Нептуна, который мы проводили вместе с нашими пионервожатыми и воспитателями, удался на славу. Все веселились, пели, ставили сценки с Нептуном. Вечером зажгли праздничный костёр и все дружно спели песню: «Взвейтесь кострами синие ночи, мы пионеры — дети рабочих…», а после спели ещё «Гимн демократической молодёжи мира». Удивительно, но слова этой песни актуальны и сегодня.

Поздно вечером, когда уже совсем стемнело, местные военные для всех жителей и отдыхающих Кабардинки устроили в горах потрясающий фейерверк, который я видела впервые в своей жизни. Это было так красочно и оглушительно!...

Но это было последнее лето моего пионерского детства…

Татьяна КУН

* * *

Ах, как жаль, что не вернётся
Нашей юности пора,
И окно не распахнётся
Песни слушать до утра.

Под окном звенит гитара,
Словно манит: «Выходи!»
Прозвучал мотивчик старый -
Сердце замерло в груди.

Разрумянившись, девчонка
На свидание спешит,
А за нею собачонка
Увязалась и бежит…

До околицы бежала
Собачонка не спеша.
Лягушонка повстречала —
Он сидел у камыша.

А девчонку парень встретил
На причале у реки.
На любовь её ответил
Всем запретам вопреки…

Опустился тихо вечер,
Звёзды на небе зажглись,
И с чудесной этой встречей
Две судьбы переплелись.

Будет у реки гитара
Нежно «плакать» и звенеть,
До утра влюблённых пара
Будет тихо песни петь…

В томной неге ночи лунной
Звёзды поплыли в реке.
Звон гитары семиструнной
Тихо слышно вдалеке.

Утром солнышко проснётся
И начнётся новый день.
По станице разольётся
Сладким запахом сирень …

2020 г.

Владимир ПОЛТОРЖИЦКИЙ

* * *

Давным-давно я не бывал
В своём родном краю.
И лица тех, кого я знал,
Порой, не узнаю.

Прошло уже немало лет
С тех самых давних пор,
Когда купил я свой билет,
Чтобы покинуть двор.

Родными стали мне в стране
И горы, и леса,
Но часто слышу я во сне
Родные голоса.

И часто вижу я во снах
Бескрайние поля,
Землёй пропахшие в ветрах
Кубанские края.

Куда б ни брошен был судьбой
И где бы ни бывал,
Родной станицы Каневской
Я всё ж не забывал.

И край, и вас, мои друзья,
Сумел в душе сберечь.
И сберегу навеки я
Добро от наших встреч.

ГОРОДСКАЯ ТИШИНА

Снег кружит пушистый, невесомый.
Опустилась с неба тишина...
В нашем старом парке возле дома
Свой земной приют нашла она.

На искристом белом покрывале,
В приглушённом свете фонаря,
Царственно каменья разбросала,
Красоту волшебную творя.

Тишина — от края и до края,
Накрывает город в этот час.
Умиротворённость городская -
Удивляет сдержанностью нас.

Воздух недвижим, ни дуновения,
Кажется, как будто над землёй -
Время задержалось на мгновение,
Бесконечный бег оставив свой.

Этой предрассветною порою
Тишина над городом плывёт,
И кружат снежинки надо мною,
Сказочный рождая хоровод.

Зоя СИЗОВА

ЗАПАХИ АВГУСТА

Пахнет скошенной травой:
То ромашкой, то полынью;
Пахнет скошенной травой
Августовской ночью синей.

Пахнет яблоками сад,
Истекают соком груши;
Раздаётся звон цикад
Под весёлый хор лягушек.

Пахнет свежестью река,
Убаюкивая волны;
Проплывают облака
И дождём вздыхают томно.

Пахнет коркою арбузной
Август утренней порой,
Предлагая мне бездумно
По росе пройтись босой.

Пахнет утренней прохладой;
Пахнут детством сад и дом;
Пахнет мёдом, пахнет мятой —
Августовским пахнет днём.

* * *

Ждите весну, обязательно ждите!
Ждите подснежников нежных парад;
Лучиков солнца живительных нитей;
Первой грозы громовой жди раскат.

Первых пахучих и клейких листочков,
Первых нежнейших мимозы цветов,
Первых фиалок на солнечных кочках,
Буйного цвета сирени кустов.

Ждите улыбок и взглядов лучистых;
Ждите, надейтесь, ведь скоро весна!
Чувств обновлённых и искренне-чистых;
Ночек бессонных, когда не до сна.

Татьяна ГРЕЧАНАЯ

* * *

Мы склоняем головы
Перед Вашим подвигом!
Мы поём Вам песни
И несём цветы.

Как же очень дорого
Заплатили многие
Жизнью за Победные,
Долгие мечты!

Честь Вам всем великая!
Память необъятная!
Мы Вас славим жизнями,
Гимны Вам поём!

Памятники белые
И огни Победные
Пусть горят и Вечным
Греют Вас огнём!

09.05.2009

* * *

На деревьях снег весенний
Белой шапкою цветов;
Закружился каруселью,
Чудным цветом лепестков.

Аромат наполнил воздух,
Красота пленит глаза.
Этот рай земной с восторгом
Никогда забыть нельзя.

Нас весна зовёт любовью,
Наполняет силой страсть.
Мысли множат многословье,
А в природе — жизни власть.

Радость, мир, покой и счастье,
Тишина и благодать,
И бушующие краски,
Чтобы жить, благоухать!

Наталья ИВАНОВА

ВСЁ ТРУДНЕЕ ДУШОЮ РАЗДЕТЬСЯ

Так совпало, что почти одновременно известный в Каневском районе и за его пределами поэт и писатель Владимир Саяпин получил удостоверение члена Союза писателей России и выпустил свой пятый поэтический сборник «Жизни река... Омут памяти».

Судьба мной рулила со всей беспощадностью…

— Владимир, эту книгу ты писал на протяжении двух лет. Насколько тяжело или, наоборот, легко она тебе далась?

— Объём сборника солидный — 280 страниц. Он в два раза толще предыдущего. Вопреки моим ожиданиям, механически книга писалась довольно легко, однако тяжеловато в том плане, что я пропустил её через душу. Скажу одно: мне за неё не стыдно.

— В последние годы ты очень плодотворен. Свои новые стихотворения ты постоянно выкладываешь в социальные сети. С чем это связано?

— Просто пришло время, когда нужно выплеснуться. И оно совпало с моим шестидесятилетием. За эти два года мне проще было погрузиться в стихи, чем оставаться в действительности. Ведь внутри, в поэзии — честнее. К этому времени я подвёл итоги — у меня прекрасные сын и внук. Что касается профессиональной стези, то на сегодня я член Союзов писателей и журналистов России, а также член Российского общества историков-архивистов.

Быть лучше безнадежно любящим…

— В твоих сборниках очень много стихотворений о любви к женщине. Как ты считаешь, сколько раз в жизни можно любить по-настоящему?

— По-моему, такая любовь бывает одна. Она занимает в душе отдельную полку, её поливаешь и выращиваешь как любимый цветок. Естественно, объект этой любви со временем становится совсем другим, но ты любишь прежнего человека. Более того, и я, и другие знакомые пишущие люди считают, что настоящую любовь браком не портят. Может, приходят другие чувства — супружеская или материнская любовь, но настоящая любовь должна быть на изломе. Поэтому пишется именно о ней.

— Я начала писать стихи лет в тринадцать. В основном, они были минорными, о первой неразделенной любви. Прекратила, когда вышла замуж. Потом развелась, а позже в моей жизни появилась ещё одна большая любовь. И вот спустя тридцать с лишним лет, потеряв этого близкого человека, я вновь вернулась к поэзии. Владимир, а когда тебе пишется, что называется, «как по маслу»: в ясные или хмурые дни?

— Когда у людей всё хорошо, они собираются и пьют вино. Когда им плохо, они бросаются в творчество. Другими словами: на расслабоне не пишется. Хорошие вещи получаются именно при стрессе. Это когда нужно нажать какой-то душевный клапан, чтобы выплеснуть горе в мир. И прощаешь всё, что написано от души, даже с огрехами стихосложения. Потому что такие стихи «дерут» душу. С годами я всё больше убеждаюсь в том, что счастье любит тишину. В последнее время добрых людей стало намного меньше.

— Ты пишешь о любви к Кубани и к Каневской, о любви к родителям и к женщине. Есть ли для тебя какие-либо запретные темы?

— Политика. Я считаю, что, когда человек начинает об этом писать, в нём умирает поэт. Я называю это «стихоблудством на потребу дня». Ведь поэзия создана для вечного, для любви ко всему возвышенному. В общем, я неисправимый лирик.

Друзья не бросали ни в горе, ни в радости…

— Назови три кита, на которых держится твоя поэзия.

— Любовь к женщине. Любовь к близким. Любовь к человеку. Люди мало сделали для того, чтобы их любили, но, как говорится, «непутёвое дитя любишь ещё больше». Я рад тому, что, хоть меня и всяко побило к шестидесяти двум годам, смог сохранить хорошее отношение к людям. Хотя с годами всё шире и шире становятся дырки, в которые проваливаются друзья. Но настоящие остаются. Я убедился в этом месяц назад, когда три моих «золотых» друга, почувствовав неладное, приехали и просто меня спасли. А так бы сегодня уже справляли «сороковины».

— Кто помог тебе в том, чтобы поэтический сборник «Жизни река…Омут памяти» увидел свет?

— Основополагающий парус помощи — Владимир Борисович Репин, друг с юношеских лет и почитатель моего скромного таланта. А также я благодарен Наталье Дмитриевне Боевой, Анатолию Николаевичу Редько, Игорю Ивановичу Белохортову и ряду моих близких друзей. Кстати, новый сборник можно приобрести у меня лично или написать мне в соцсети «Одноклассники». Я сразу всем говорю: лучше книги я уже не напишу.

Владимир САЯПИН

* * *

От горькой, от сердечной раны
По жизни никуда не деться,
Подуй на сердце тихо, мама,
Как дула мне на ранку в детстве.

Подуй, как на коленку сбитую,
И приложи ко лбу ладонь мне,
И боль, что я сейчас испытываю,
Я знаю: стихнет потихоньку...

«Ты под защитою под маминой,
— Меня ты с малых лет учила, —
Беги домой, и всё исправим мы,
Беги ко мне, что б ни случилось.

Мой заводной, мой в меру ветреный,
Слегка безбашенный порою,
Беги ко мне, мой милый первенец,
От всех я бед тебя укрою!».

Все неудачи и бездомности,
Предательство друзей и близких
В её укромной тихой комнате,
Как раны, молча я зализывал.

...Мурлыкало на стенке радио,
А ты, теперь я вспоминаю,
По голове ладонью гладила,
Без слов всё, молча понимая.

Был дом твой крепостью уютной бы
До дней моих последних, знаю я,
Да только от болезни лютой
Не защитил тебя, родная!

Как одиноко, бесприютно
Мне без тебя на свете всё же...
На холмике — глаза анютины,
Так на твои глаза похожие!

Дом продан, вместе с ним — калитка,
Где ты меня всегда встречала.
Твержу себе я, как молитву:
«Уходят старшие сначала».

А сердце шепчет мне упрямо,
Твердит, ссутулившему плечи:
«Во сне придёт тихонько мама,
Подует — сразу станет легче...».

Владимир САЯПИН

* * *

Я связал себе жизнь,словно свитер связал,
Как сумел: где крючком, а где спицами,
Всё на нём, в небе чистом, весеннем гроза
И осенние, грустные птицы,

Понимаю, мужчинам вязать не с руки,
Свитер мой не для выставки пышной,
Где-то гладко, а где-то узлы-узелки,
Не судите, как смог, так и вышло.

Беспрерывно вязался он ночью и днём,
Узелком каждым даты итожа,
Если в юности яркие краски на нём,
То с годами скромней он и строже.

Я у Бога почти ничего не просил
Независимый, дерзкий, ранимый,
Как хотел я, чтоб свитер весной был красив,
А по осени грел он, родимый!

Цвет подобран нелепо, неясен фасон,
Кое-где уже тронутый молью,
Но роднее всего и дороже мне он
Так, как вязан с любовью и болью.

Свитер бережно я на столе разложу,
Грел меня он, поблекший, неплохо,
Нить оборванную в узелок завяжу
Крест на чём-то поставив со вздохом...

* * *

Где ромашки по лугу рассыпаны, словно веснушки,
И над степью вечерней тумана легла пелена,
Мне считает неспешно года на закате кукушка
Я, душой замирая, молюсь, чтоб не сбилась она.

А стрижи поднимаются в небо всё выше и выше,
Робко пробуют горло, росою промыв, соловьи.
И сжимается сердце: «А вдруг её Бог не услышит?
Может, планы у Бога на счёт мой сугубо свои».

Сколько б он ни отмерил кому — всё равно будет мало,
Понимаем с улыбкою грустною мы на лице,
Как же хочется,чтобы кукушка вовек не смолкала...
Как же хочется счастья простого хотя бы в конце...

Чтобы слышать, как лебеди плачут на дальних лиманах
И поют перепёлки негромко в степи до утра,
До чего эти звуки с годами родней и желанней
И пронзительней небо закатное по вечерам.

А потом будет дождь проливной, словно Божье знамение,
Как святая купель, что Всевышний послал нам с утра,
Я смогу всех простить, кто попросит меня о прощении,
Чтоб успели простить меня все, перед кем был неправ.

И пускай продолжалась бы сказка наивная вечно,
Если вечно нельзя, то хотя б до скончания дней,
Где негромко считает года мне кукушка за речкой,
А я делаю вид, как мальчишка, что верю я ёй...

* * *

Забирает безжалостно время любимых у нас,
Время то, что любило нас, юных, вчера ещё, вроде,
И не так, как твердят, что, мол, всех в предначертанный час,
Нет. Приходит, по-хамски рванёт и навеки уводит.

Полоумная полночь бормочет, снег стылый кроша,
Боль вонзается в душу холодной, безжалостной спицей,
Гаснет в стылой ночи дорогая, родная душа
И нельзя отмолиться от этого. И откупиться.

Безысходность волчицей голодной за горло берёт,
Беспощадно, умело берёт: ни вздохнуть и ни охнуть,
С каждым днём отвыкаем загадывать мы наперёд,
А душа начинает по тем, кто покинул нас, сохнуть.

Кто вернётся под утро в ложбинке,у глаза, слезой,
Кто до судорог в горле ещё нам и дорог, и нужен,
Кто приснится во сне яркой, солнечной майской грозой,
Что когда-то смеялась и с нами плясала по лужам.

А теперь в этих лужах холодный, безжалостный лёд,
Остывает душа,как земля в октябре, остывает,
Безысходность потери пронзает безжалостно. Влёт.
Оставляя стигматы, которые не заживают.

Удетающих птиц в небесах то ли крик, то ли стон,
Плач навзрыд по родной и фатальной, внезапной пропаже,
Понимаем сознаньем, что всё это жизни Закон,
А душа всё кричит: «НУ НЕ ТАК ЖЕ!!! Не так же. Не так же...»

Жанна ОМЕЛЬЧЕНКО

Я ОБНИМАЮ ЭТУ ЗЕМЛЮ

Солнечным сентябрьским днём принимаем решение проехаться по станичным окраинам в поисках созревшего шиповника, и, не откладывая в долгий ящик, тронулись в путь. Маршрут заранее не намечали. Но наша старенькая иномарка, которую хозяин любовно называет Ласточкой, вынесла нас в направлении степного местечка, именуемого в народе КАЛАГЕРНАЯ. Наверное, мало кто помнит, что означает это слово и почему так называется это место. Пришлось обратиться и мне к истории станицы. Оказывается, в давние времена здесь проводили сборы местные казаки, оттачивая своё мастерство. Вот и получилось короткое, но ёмкое слово КАЛАГЕРНАЯ, то есть, Казачьи лагеря.

Как только мы вышли из машины, я устремилась вперёд. Ноги сами понесли меня по сухой, выжженной солнцем траве туда, на берег реки, которой ещё не было видно, но близость которой уже угадывалась.

С замиранием сердца я останавливаюсь над обрывом. Под лучами осеннего солнца передо мной искрятся воды реки, а в её неглубоких заводях неподвижно стоят белокрылые цапли. Время от времени они меняют место, опуская в воду свои длинные клювы.

Река здесь в виде излучины. Один берег, на котором стою я, высокий. На противоположном берегу заливные луга. Видны старицы, заросшие болотной травой. А дальше необъятные степные просторы, глядя на которые дух захватывает, и бесконечное, такое родное голубое небо с редкими белыми облаками.

Склоны бугра заросли терновником. Откуда здесь терновник? Ведь его никто не сажал. И вспоминаются рассказы моей бабушки Натальи Петровны, матери отца. Когда её, сироту везли из Ново-Минской в Каневскую в работницы (в 7 лет она пасла гусей у казака Чернявского, получая за свой труд 8 рублей в год), их подвода продиралась сквозь заросли дикого терновника, а в дорожной пыли «купались» дикие фазаны. Стоило прекратить терзать землю машинами на 20-30 лет, как она стала сама восстанавливаться. И это ли не чудо, когда сейчас в лесопосадках можно встретить и скромную серенькую курочку, и раскрашенного яркими цветами петушка фазана с длинным оперением?

Я стояла на бугре, любуясь красотой окружающей природы, и благодарила вслух провидение, приведшее меня в такие знакомые и дорогие сердцу места.

Вот справа, метрах в трёхстах, на моей памяти была бригада №1 колхоза «Красный партизан». Она возникла не на пустом месте. Здесь до революции было подворье моего прадеда Спожакина Василия Ивановича, чья большая и дружная семья на арендованных землях пасла скот, выращивала урожай, рожала детей. В станице на «Загребле» была у деда мельница, недалеко большой дом. После революции разбрелась семья Спожакиных. Все мужчины семьи защищали нашу Родину во время Великой Отечественной войны. Один из них Спожакин Григорий Иванович, 1910 года рождения, полковник, военврач, прошёл всю войну от Дона до Румынии, Венгрии и закончил её в Австрии, в Вене. Он руководил медсанбатами, сделал сотни операций, спасая жизни наших солдат и офицеров. После войны был назначен Главным хирургом госпиталя при Военно-Воздушной академии имени Жуковского в Москве. Награждён многими наградами.

И снова память возвращает меня в прошлое. Шёл 1942 год. Немцы оккупировали станицу. Не у каждой семьи был запас продуктов на предстоящую зиму. Люди голодали. Наша маленькая семья была не исключением. И тогда две соседки, мама и я в декабре, когда уже выпал снег, пошли за станицу в поле в поисках остатков бывшего урожая. Дул сильный ветер. Женщины были в изношенных резиновых сапогах. Здесь на этом месте мы разгребали голыми руками снег, под ним находили шляпки подсолнухов, но они были пустые. Мы брали и их, чтобы дома сварить из них похлёбку. Много лет спустя я попросила маму рассказать подробнее об этом эпизоде нашей жизни, но она только заплакала и сказала, что не хочет вспоминать. Сейчас, когда я по крупицам пытаюсь восстановить события и биографии моих родных с тем, чтобы оставить память о них моим детям и внукам, я понимаю, почему они, придя с фронта израненные душой и телом, не рассказывали о пережитом своим близким, потому что об этом просто невозможно рассказать. И лежат в семейных архивах красноармейские книжки, ордена, медали, благодарственные письма от Верховного командования, но никогда уже не узнают потомки, какие подвиги совершали их деды и прадеды.

Я стою на высоком берегу, где река, красиво изгибаясь, уходит вдаль. Лёгкий степной ветерок ласкает лицо и душу, шевелит волосы. Я чувствую, как моё тело наливается силой от родной земли, как расправляются плечи и гордо поднимается моя голова.

Я СЧАСТЛИВА! Я РОДИЛАСЬ НА ЭТОЙ ЗЕМЛЕ И ЗДЕСЬ МОИ КОРНИ.

По мосткам тесовым

Музыка: Б.Мокроусов
Слова: А.Фатьянов

По мосткам тесовым, вдоль деревни,
Ты идёшь на модных каблуках,
И к тебе склоняются деревья,
Звёздочки мигают в облаках.

Запоёшь ли песню в час заката —
Умолкают птичьи голоса.
Даже все женатые ребята
Не отводят от тебя глаза.

Только я другой тебя запомнил —
В сапогах, в шинели боевой.
Ты у нас в стрелковом батальоне
Числилась по спискам рядовой.

О тебе кругом гремела слава.
Ты прошла огонь, чтоб вольно жить.
И тебе положено по праву
В самых модных туфельках ходить.

Я иду широкою тропою,
Словно по приказу, за тобой.
Я в боях командовал тобою,
А теперь я вроде рядовой.

Далеко твой звонкий голос слышен.
Вся деревня в лунном серебре.
Две пригоршни цвета белых вишен
Бросил ветер под ноги тебе.

Запоешь ли песню в час заката —
Умолкают птичьи голоса.
Даже все женатые ребята
Не отводят от тебя глаза.

1948 год

Вера моя
православная

Юлиана АРОНОВА, лицей

ГОЛГОФА

Рассказ

Воскресная служба шла к завершению. Старичок в неизменно сером, видавшем виды, костюмчике привычно молился у Голгофы, лишь изредка поднимая взгляд на распятье. Глаза его были полны слёз — то ли по немощи, то ли от наполнявших душу чувств…

Приложившись к кресту и получив благословение своего духовника, Иван Трифонович вышел из храма. «Вернусь ли ещё сюда?» — подумал, остановившись на паперти. Под праздничный трезвон колоколов над синими куполами, увенчанными золочёными крестами, проплывали серые облака.

Память вернула его в детство, когда он приходил сюда с бабушкой Марфой Петровной. И, словно облака в осеннем небе, стремительно пролетели воспоминания об опалённой войной молодости и послевоенных годах, временах созидания счастливого будущего и тихой старости...

Ванькиного отца забрала гражданская война, мать с пятью детьми на руках осталась одна. Чтобы прокормить семью, пошла в колхоз, где трудилась спозаранку и до самых сумерек. Для «пригляда за малолетками» с хутора к ним переехала бабушка, заменив Ваньке, его младшим сёстрам и братьям, родителей. Марфа Петровна была набожной старушкой. Бережно хранила семейную икону и внуков христианским правилам наставляла.

Родительский дом стоял в трёх кварталах от храма. Колокольный звон, призывающий верующих на раннюю службу, будил детей. Ванька первым одевался и помогал бабушке собирать младших. Сборы проходили всегда радостно — каждый раз готовились идти в Дом Божий, как на праздник.

Школа, в которую пошёл Ванька, тоже была неподалёку — напротив храма. По знакомой дорожке с первых дней ходил на учёбу самостоятельно. Привычно первое время крестился на купола, выходя из дома. Но в школе узнал, что Бога нет, и всё, что связано с религией — не достойно советского школьника. Даже нательный крестик пришлось снять.

Каждый раз, отправляясь на занятия или ещё по каким делам, Ванька чувствовал, как бабушка осеняет его вслед крестом. Слышал тихие её мольбы к Спасителю за неразумных чад, за страну…

Выучившись в городе на механизатора, Иван вернулся в родную станицу. Пошёл работать в колхоз трактористом. Шёл 1935 год...

Трудовые дни колхозника мало чем отличались друг от друга, но этот он запомнил на всю жизнь. «Цэркву будут сегодня разбирать, — дал ему с утра наряд бригадир, — там будешь. Крепко её строили — на века. Без техники не справиться».

О том, что храм закрыли и готовятся его разрушить, слышал. Но сам от этих разговоров уходил — многое не понимал, ещё больше не принимала его душа, выпестованная бабушкой-богомолицей. А тут самому пришлось в этом участвовать. Отказать начальнику не мог — времена строгие были.

На церковной площади народу собралось немало. Одни с флагами и транспарантами, радостными лицами — свергать царское прошлое пришли. Другие украдкой слезу утирают, в глазах — мольба: «Вразуми, Господи, чад своих! Не ведают, что творят…»

Инженеры, что из города приехали, решили сначала развенчать храм, железо с крыши снять, а уж потом за стены приниматься. Один смельчак, из активистов, на главный купол поднялся и сбил с него крест. Лихой был — ни Бога, ни людей не боялся. Только вот расплата за поступок его неразумный была горькой.

Что дальше было, Иван смутно помнил. Как во сне видел он летящие с крыши приделов листы «царского» железа, слышал лязг от его ударов о землю. Потом приказали тросы крепить к стенам звонницы, чтобы её силой тракторной тяги разрушить. Скрепя сердце выполнил приказ, но как обрадовался, когда его трос лопнул…

Не смогли и с помощью техники храм разрушить. Хотели взорвать, да директор МТС остановил — убедил инженеров и властвующих в том, что от взрыва вся округа пострадает. И предложил такое основательное строение сохранить для дела. Открыли в стенах храма мастерские для ремонта тракторов, кузницу в алтаре оборудовали.

Как-то пришлось и Ивану сюда тракторок свой пригнать — поизносился работяга во время посевной. Въехал по разбитой тракторными гусеницами паперти в самый центр Дома Божьего. Украдкой перекрестился: «Прости, Господи!..»

Неожиданно к нему обратился местный работяга: «Ты, парень, поосторожней тут, стены не повреди… Быть может, когда-нибудь откроют здесь музей. Эх, красота-то какая, благолепие…». Поднял вслед за ним Иван взгляд под купол, а там — Спаситель. И показалось Ивану, будто бы Он смотрит понимающе на всё происходящее внизу. Без укора смотрит, с любовью и надеждою…

Воскресным июньским утром 1941-го разбудил Ивана тревожный колокольный звон и какой-то непривычно всхлипывающий шёпот

бабушки: «Вставай, внучек, беда страшная — фашист на нашу страну напал. Война!»

Словно молнией пронзило его в самое сердце. Вскочил и бегом — к председателю. Но тот горячий порыв одного из лучших механизаторов колхоза остудил: «Есть, кому врага встречать, а ты в поле нужен! Вот жатву завершим… а там, глядишь, прогонят наши прочь супостатов».

Но война с каждым днём набирала обороты. Враг стремительно наступал. Одели кабальные кандалы Украина, Молдавия, Белоруссия, горели российские города и сёла… Уходили станичники на фронт, а те, кто оставался в тылу, трудились под девизом «Всё для фронта! Всё для Победы!». Не жалея сил, все — от мала до велика.

Два месяца Иван настойчиво убеждал председателя в том, что он там, на войне, сейчас нужнее. Обучил работе на своём тракторе соседку. Дарья способной оказалась ученицей, на лету схватывала его наставления и уже сама уверенно держала в руках штурвал.

На краю хлебного поля председатель встречал завершающую здесь молотьбу бригаду. В кабине приближающегося к нему иванова трактора во всю округу светилась широкая улыбка… Дарьи. Спрыгнув с прицепа, буквально подлетел к удивлённому председателю сам Иван: «Смену я себе подготовил надёжную. Не могу больше в тылу с девчатами отсиживаться. Отпустите, иначе на фронт сам уйду!»

С того же дня и началась военная история нашего героя. Получив председательское «добро» и нужную записочку, он стремглав помчался на призывной. Оттуда забежал домой уведомить родных. На окраине станицы его уже ждала подвода с земляками, отправляющимися на фронт.

Матери и братьев не застал — в поле были. Сестрёнки в один голос запричитали, прощаясь с Иваном. Марфа Петровна сдержано собирала внуку узелок в дорогу. Из-за иконы достала иванов нательный крестик: «Одень, Ванечка, с Божьим благословением сподручнее в ратном деле будет». Вышли во двор. Бабушка перекрестилась на стены храма, Иван тоже. «Спаси, Господи», — едва промолвила, глотая слёзы, Марфа Петровна и обняла внука на прощание. А он всю войну слышал эти её слова. Больше им встретиться не довелось, не вынесла старушка военных тягот…

В составе танковой дивизии Иван освобождал страну, свою родную Кубань и дорогую сердцу станицу от немецко-фашистских захватчиков. Дошёл бравый танкист до Берлина, там и встретил Великую Победу. В каких только переделках не довелось ему побывать! Вместе со своей танковой бригадой и сам лично совершил он немало подвигов. Возвращался домой — вся грудь в медалях и орденах…

В послевоенные годы уже на трудовом фронте проявил себя геройски Иван Трифонович, за что и получил «мирные» награды. Растил хлеб — кормил страну. В колхозе его уважали, приглашали в школу на праздники. А в День Победы он шёл к Вечному огню в одном ряду с участниками великих битв на фронте и в тылу, защитниками и освободителями, мирными жителями, сполна хлебнувшими тягот военных лихолетий.

В храм не ходил — тихо крестился издали на его купола. Незаметно для окружающих. Но когда закончились атеистические времена, с радостью снял с себя эту тягость. В первый после долгой разлуки с Домом Бога воскресный день долго стоял на паперти, подняв глаза к куполам. Просил у Господа прощения за свою духовную слабость и грехи, вольно и невольно доселе им совершённые.

А когда решился войти внутрь, остановился у Голгофы. И «прикипел» к тому месту на долгие годы. Награды на серый свой парадный пиджак не одевал — негоже христианину заслугами кичиться. Пред Богом все равны. Так и прошёл он всю свою жизнь по бабушкиным наставлениям, самоотверженно и беспристрастно. И ушёл тихо, оставив о себе лёгкое воспоминание. Как облако, проплывающее над куполом храма…

Завершается воскресная служба. Юный кадет стоит у Голгофы. В его широко открытых глазах отражаются свечные блики, горит надежда на счастливое и светлое будущее…

Василиса ЗЕРНОВА

Я ХУДОЖНИКОМ РОДИЛСЯ...

Игорь Погорелов — создатель и бессменный руководитель Школы-студии, Первой художественной галереи в Каневской, подвижник, педагог, историк, философ, поэт и публицист. И это далеко не полный список компетенций моего собеседника, его талантов, увлечений, творческих возможностей. Но прежде всего он — мастер кистей и красок. Поэтому наша беседа и проходит накануне Международного дня художника.

— Игорь Валерьевич, насколько биографичными по отношению к Вам можно считать слова детской игры-считалочки «Я художником родился....»?

— На все сто! И не только я — все рождаются художниками, рисование — основной способ познания человеком мира. Обратите внимание, все дети рисуют, причём начинают это делать раньше, чем ходить, говорить и т.д. Только пополз малыш — и вот уже на маминых обоях появляются его «послания». При этом техника, инструментарий и материал маленьких художников могут быть разными, порой совершенно неожиданными. Развитие этого таланта — вопрос времени. Конечно, здесь важны желание и трудоспособность ребёнка, стремление родителей помочь ему в творческом развитии и, безусловно, мастерство учителей — проводников в мир искусства.

— Расскажите о самом начале Вашего творческого пути.

— Сколько себя помню, мне всегда хотелось сохранить увиденное или придуманное в рисунке. В детстве приобретал весь необходимый для рисования материал — экономил на школьных завтраках. В центре Каневской был книжный магазин (там сейчас хозяйственный), где продавалась учебная литература и плакаты — они лежали на нижней полке книжной витрины. Писал на оборотах портретов вождей пролетариата, агитплакатов и репродукций картин известных художников. Приобрёл как-то плакат-репродукцию картины Леонардо да Винчи «Мона Лиза». Не удержался, срисовал и прикрепил «шедевр» канцелярскими кнопками на саманную стену своей комнаты. Вскоре, играя с друзьями на ещё неокрепшем льду, провалился в прорубь и барахтался в ледяной каше минут сорок. Родители, как и следовало ожидать, провели со мной профилактическую работу и обеспечили «домашний арест». И вот лежу я на кровати, отхожу от переохлаждения и всего вместе с тем пережитого, напротив — моя «Мона Лиза». Что Вы думаете? Она мне улыбнулась! И простуда обошла меня стороной…

— С самообразованием почти всё ясно, а наставники, учителя?

—Мне повезло со школьными учителями — я учился в первой школе. Азы художественного образования я получил в ИЗО-студии РДК под руководством Валентины Громовой, художницы из Привольной. Необычайно влюблённый в своё дело человек, преданный родной земле. Мы с ней часто бывали на пленэрах в центре Каневской и на живописных окраинах станицы, в привольненской картинной галерее. Знакомились с творчеством местных художников и именитых, российских и зарубежных. На художественно-графическом факультете Краснодарского высшего педагогического училища свои дисциплины в лучших традициях русского классицизма преподавал заслуженный художник России Валерий Рыжов. Но самыми главными гуру для меня были, есть и будут книги, научные журналы и фильмы.

— Если бы Вы оказались на облаке заслуженных лавров, пригласили бы туда учеников?

— И не только их, всех людей — скольких вместила бы эта площадка славы. Устроил бы грандиозный праздник, а потом оставил бы их там и ушёл… дальше работать. Определённая порция славы необходима всем, но в одиночку наслаждаться ею не полезно, прославление уничтожает личность, делает человека зависимым от неё и, в результате — одиноким.

— Три «вышки», непрестанное образование на курсах повышения квалификации, участие в обучающих семинарах; авторские практики в области дополнительного образования детей и опыт преподавания в краевых школах, Кубанском

госуниверситете. Поставьте знаки равенства между своими компетенциями.

— Только «равно»! Художник должен быть всесторонне развит, образован как в области технических наук, так и в гуманитарных. Как писать картины без математических знаний, навыков инженерного проектирования? Как творить, не философствуя, без исторической ретроспективы действительности? Человек должен развиваться и получать все виды знаний постоянно, к чему стремились, например, художники эпохи Возрождения. В обратном случае можно превратиться в инфантильное существо.

— Ваша самая большая творческая неудача?

— Не отказал вовремя одному знакомому — написал портрет девушки с о-очень некачественной ксерокопии о-очень маленького снимка, где вместо лица был один сплошной тёмный овал. А мне уезжать в краевую столицу, где я тогда работал. Хорошо, что лично был с ней немного знаком — писал по памяти. Товарищ оказался не эстетом, но я недоволен своей работой — оригинал намного краше.

— Ваши авторские «хатки» и «арбузы-планеты» разлетаются по всему миру. Они «путешествуют» как в электронном виде, так и в материальном — на холстах, керамике, дереве. Как пришли к Вам эти образы и не станут ли они вскоре избитыми?

— Казачья хатка — это местная бытовая традиция, арбуз — очень похожая на планету кубанская ягода. Саму идею их возникновения в моём творчестве стоит отнести в область истории, философии, культурологии. А насчёт избитости… Они же всё время стилистически трансформируются: «Кубань-дзен», «Кубань-кантри», Кубань-палитра». И это не предел, думаю, они будут жить долго.

— Диапазон техник художника Погорелова практически безграничен, авторское пространство — между Космосом и прибрежными зарослями камыша степных рек. В какой части Вселенной, по Вашему мнению, находится Кубань?

— Всё в жизни человека начинается с детства. Я родился на Кубани, вырос здесь и по сей день не могу надышаться звёздами, насмотреться на тихий шелест камыша… Поэтому Кубань для меня — в самом центре Вселенной. Помните, как у Тарковского в «Солярисе»: в конце фильма всплывает образ дома, безбрежный океан далёкой планеты создаёт главному герою уголок его родного мира? И вроде бы маленькое, незначительное, земное, такое тёплое и уютное становится частью бескрайней и вечной Вселенной. И то место, где ты родился, та станица или посёлок, та улица и тот дом обретают совершенно иной смысл, нежели просто географическое определение.

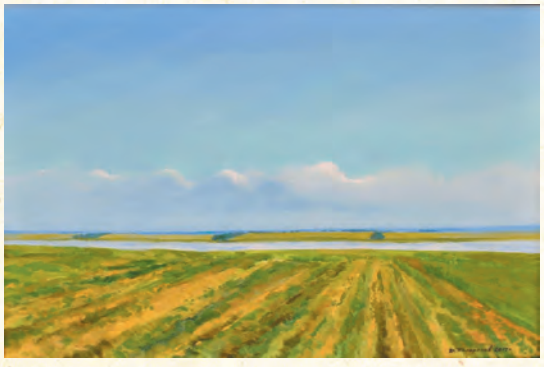
— Что поэт Погорелов говорит о художнике Погорелове?

— За все мои несметные грехи,
Быть может, Небо
Мне зачтёт хоть это:
Картину небольшую на стене,
Улыбку светлую у человека.

Вечер на реке Челбас. За пенькозаводом

Вид на Каневскую со стороны Загребли.

Лето. Калагерная.



Каневские просторы.